

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

ШЕСТАКОВА Ольга Валентиновна

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ОНОМАТОПЕЕ
(на материале немецкого и русского языков)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
С. С. Шляхова

Пермь 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ	19
1. Предварительные замечания.....	19
2. Из истории изучения звукоизобразительности	21
2.1. Исследование звукоподражательности.....	21
2.2. Исследование звукосимволизма	31
3. Грамматический статус фоносемантических маргиналий.....	36
4. Проблемы типологии ономатопопов	39
4.1. Типология ономатопопов	39
4.2. Звукоподражательность и звукосимволизм: проблема разграничения.....	45
5. Выводы по главе.....	53
Глава II. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ	
ТИПОЛОГИЯ ОНОМАТОПОВ	59
1. Предварительные замечания.....	59
2. Фоносемантическая типология ономатопопов	64
2.1. Акустические ономатопопы.....	64
2.2. Артикуляторные ономатопопы.....	71
2.3. Ономатопопы говорения	80
3. Полифункциональность фонемотипов	88
4. Выводы по главе.....	90
Глава III. СЕМАНТИКА ОНОМАТОПОВ	94
1. Предварительные замечания.....	94
2. Фоносфера и ее экспликация в языке.....	95
3. Идеографическое описание ономатопопов	99
4. Универсальное и специфическое (идиоэтническое) в семантике ономатопопов	126
5. Звукосимволические и звукоподражательные семантические поля: области совпадения	140
6. Выводы по главе.....	145

Глава IV. ОПЫТ СЛОВАРЯ ОНОМАТОПЕЙ	149
1. Предварительные замечания.....	149
2. Практика лексикографической фиксации ономотопеи	151
3. Проблемы лексикографической фиксации ономотопеи	156
4. Опыт немецко-русского словаря ономотопов.....	157
4.1. Общие сведения о словаре	157
4.2. Единицы описания и состав словника	159
4.3. Принципы сопоставления материала.....	160
4.4. Композиция словника	164
4.5. Структура словарной статьи	165
4.6. Система помет	168
5. Практическое применение словаря	169
6. Выводы по главе.....	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
Фоносемантический глоссарий	179
Список использованной литературы	183
Список словарей и источников	208
Список используемых сокращений	215
Приложение 1. Фоносемантическая типология ономотопов	218
Приложение 2. Идеографическое описание ономотопеи (количественный анализ).....	227
Приложение 3. Регулярные семантические переходы	234
Приложение 4. Звукосимволические и звукоподражательные семантические поля: области совпадения	244

ВВЕДЕНИЕ

Многочисленные фоносемантические исследования, проведенные на материале типологически разнородных языков, подтверждают наличие звукоизобразительности и ее важную роль в формировании и развитии слова, а также позволяют ставить вопрос о принципиальной иконичности, произвольности, мотивированности языкового знака [Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982; Левицкий 1969, 1973, 1994, 2009; Михалёв 1995, 2006, 2007а, 2008а, 2008б; Ашмарин 1925, 1928; Скаличка 1967; Журавлев 1974, 1991; Колева-Златева 2008; Бюлер 2001; Wundt 1900; Пауль 1990; Werner 1932; Sieberer 1947; Kronasser 1952; Ullmann 1964; Steinthal 1974; Fründt 2007 и др.].

Звукоизобразительность, иконичность, примарная мотивированность – категории универсальные, однако отсутствие исследований разноструктурных языков на основании общих методологических подходов, принципов, методик не позволяет в достаточной мере аргументировать тезис о мотивированности языкового знака. Диссертация посвящена выявлению универсального и специфического в сфере звукоподражательности (ономатопеи). В исследовании выделяются три основных аспекта: фоносемантический, семантический и лексикографический.

Объектом фоносемантики является звукоизобразительная система языка (ЗИС), состоящая из звукоподражательной и звукосимволической подсистем [Воронин 1982], которые эксплицируются в языке звукоподражательными (ономатопеями) и звукосимволическими словами. В работе звукоизобразительность понимается как родовое понятие по отношению к видовым: звукоподражательности и звукосимволизму.

Звукоподражательность (ономатопея) (Iconism, Sound Iconism) – имитация звуковой стороны объекта, явления или действия (нем. *äks*, рус. эк “звук при отрыжке”, нем. *bäh*, рус. бе, бя “блеянье овцы”, нем. *klipp*, рус. хлоп “звук отрывистого удара”) – эксплицирует в языке акустический денотат.

Звукосимволизм (Symbolism, Sound Symbolism) – символизация означаемого звуковым жестом, способом артикуляции, синестетическими и ассоциативными связями и пр. (нем. *äks*, рус. бе бя “отвращение, брезгливость”, нем.

Bähshaf “дурак”, рус. *ни бе ни ме* “тупой, бестолковый”; нем. *klipp* “маленький”, *ручками хлоп-хлоп* “бесцельно проведенное время, безделье”) – эксплицирует в языке неакустический денотат.

Нельзя сказать, что ономотопея русского и немецкого языков не привлекала внимание исследователей. Если лет двадцать-тридцать назад малоизученность проблемы обеспечивала исследованию актуальность и новизну, то сегодня количество работ по звукоизобразительности весьма значительно. Однако чем больше работ появляется, тем более обостряются многие проблемы, которые до определенного времени не были очевидными.

Известно множество библиографических списков по фоносемантике: Sean A. Day [Day 2005] по исследованию синестезии; университетов Amsterdam (Нидерланды) и Zürich (Швейцария) по иконизму в лингвистике [Iconicity in Language 2004]; университета Graz (Австрия) по редупликации [Bibliography of reduplication]; Shelly Wypescoor и Levin Golan из Carnegie Mellon University (Питсбург, США) по синестезии и фонестемии [Wypescoor, Golan 1996], Kimi Akita из Токийского университета [Akita 2010] и John J. Ohala из Cambridge University (США) [Ohala 1983] по звукоимеобразительности. Данные списки не включают славяноязычные работы. Наиболее полный список существующей литературы по звукоизобразительности представлен M. Magnus [Magnus 2006], куда включены и русскоязычные работы (Н. И. Жинкин, А. Г. Бандурашвили, А. И. Моисеев, С. В. Воронин, В. В. Левицкий, А. П. Журавлев, Б. М. Галеев, Э. Вельди, А. Б. Михалёв, С. С. Шляхова, Л. П. Прокофьева и др.).

Так, среди огромного количества литературы последних десятилетий по тем или иным аспектам фоносемантики нами было обнаружено незначительное количество работ на материале немецкого языка. В список K. Akita включено около 1050 наименований, среди них лишь 16 работ на материале германских языков [Akita 2010]. В списке M. Magnus отмечено более ста немецкоязычных работ, посвященных исследованию синестезии, звукоцветовой ассоциативности, проблемам происхождения и эволюции языка, фонетическому значению немецких звуков (преимущественно в работах психологов), и менее двадцати – звукоподражательности (причем большая часть из них посвящена звукоподражательности других языков) [Magnus 2006].

«Редкие примеры из звукоизобразительной немецкой лексики, приведенные в прошлом Гумбольдтом, Габеленцем, Гердером и др., были направлены на доказательство самого явления мотивированности в языке, а не на системное описание этого феномена» [Зимова 2005: 28].

Русская оноματοпея получала системное описание [Алиева 1997; Фатюхин 2000; Шляхова 2003, 2004, 2005, 2006; Аваков 2007; Курашкина 2007; Тишина 2010 и др.], однако собственно фоносемантические аспекты и вопросы универсальности в сфере оноματοпеи исследованы слабо.

Наш обзор специальной литературы показывает, что исследования немецкой и русской оноματοпеи существуют «автономно»: русскоязычная фоносемантика не включена в контекст мировых исследований, однако и мировая наука не знакома с русскоязычными работами специалистов по германским языкам. Исключением можно считать работы В. В. Левицкого, А. Б. Михалёва и Л. П. Прокофьевой, которые вводят в научный оборот множество западных исследований, в том числе и немецких авторов.

Все фоносемантические исследования так или иначе постулируют универсальную природу того или иного явления звукоизобразительности, однако специальные исследования, посвященные выявлению универсального в области оноματοпеи, отсутствуют. Установление фоносемантических универсалий – одна из насущных задач современной фоносемантики.

Широко известны грамматические фоносемантические универсалии. Так, универсалиями считаются корреляции семантической категории множественности (повторности, многократности) действия и RL-формантов [Воронин 1982; Бартко 2002] или редупликации [Газов-Гинзберг 1974; Воронин 1982; Колева-Златева 2008; Рожанский 2010].

М. Лауден с помощью статистического анализа обнаружил, что в сильных глаголах в германских языках передние гласные чаще встречаются в формах настоящего времени, а задние – в формах прошедшего времени. Такое распределение гласных коррелирует с обозначением ближнего и дальнего дейксиса (ср. рус. *здесь-там*, нем. *hier-dort*) [Левицкий 2009: 46]. Семантика «пролонгированности / непролонгированности», «мгновенности /

немгновенности» действия оказывается связанной с видовременными категориями глагола [Воронин 1982]. Как универсальная тенденция рассматривается оформление императива в максимально краткой форме и пр.

По мнению В. В. Левицкого, принадлежность слова к тому или иному грамматическому разряду не относится к релевантным признакам, определяющим степень фоносемантической слова. Этот признак носит, по видимому, вторичный характер и сопряжён с семантическим статусом слова [Левицкий 2009: 104]. Установление семантических универсалий в области ономотопеи в этом контексте представляется актуальным.

Вышеназванные положения определяют **актуальность** настоящего **исследования**. Системность феномена ономотопеи предполагает комплексный подход с учетом фоносемантической сущности явления. Сопоставление немецкого и русского материала поможет выявить универсальное и специфическое в ономотопее, так как при одном лишь «внутреннем» изучении языка некоторые особенности могут ускользать от внимания исследователя [Гак 1989].

Объектом исследования является звукоизобразительная система (ЗИС) языка. **Предмет исследования** – универсальные и специфические (идиоэтнические) свойства звукоподражательной подсистемы ЗИС языка.

Цель диссертационного исследования – представить системное многоаспектное описание ономотопеи в сопоставительном аспекте с целью выявления универсального и специфического (идиоэтнического).

Многоаспектный подход к исследованию материала предполагает решение определенных **задач в конкретных областях исследования:**

– в *фоносемантическом аспекте*: 1) представить универсальную типологию немецкой и русской ономотопеи; 2) выявить функции фонемотипов; 3) установить фоносемантическую специфику немецкой и русской ономотопеи;

– в *семантическом аспекте*: 1) представить идеографическое описание ономотопеи; 2) выявить сферы окружающей действительности, которые эксплицируются ономотопами; 3) определить семантическую общность и семантическую специфику (идиоэтничность) ономотопеи; 4) установить регулярные семантические переходы в области ономотопеи; 5) выявить семантические

ские области совпадения звукоподражательности и звукосимволизма (с привлечением данных исследований по звукосимволизму);

– в *лексикографическом аспекте*: 1) выяснить характер лексикографической фиксации ономастопов в словарях различных типов; 2) изучить опыт дефинирования ономастопов в словарях; проанализировать метаязык словарных толкований ономастопов; 3) установить проблемы лексикографии ономастопов; 4) разработать принципы сопоставления ономастопов в двуязычных словарях; 5) на основании выявленных проблем и предлагаемых принципов описания ономастопов создать немецко-русский словарь ономастопов [НПСО].

Теоретической базой исследования послужили русскоязычные (А. М. Газова-Гинзберг, В. В. Левицкий, А. П. Журавлев, А. Б. Михалёв, С. В. Климова, Л. П. Прокофьева, О. И. Бродович, С. С. Шляхова и др.), англоязычные (M. Magnus, H. Marchand, S. Ullmann, R. Wescott и др.) и немецкоязычные (В. Гумбольдт, К. Бюлер, Г. Пауль, W. Wundt, A. Burkhardt, H. Hilmer, A. Sieberer, H. Steinthal, D. Nübling, H. Fründt и др.) работы по фоносемантике.

В основе теоретических позиций автора – концепция С. В. Воронина [Воронин 1969, 1982, 1999, 2004]. Автор опирается на следующие теоретические положения фоносемантики: 1) языковой знак принципиально произволен, однако в «современной» синхронии он представляет собою двойную сущность: он одновременно произволен и произволен [Воронин 2004: 9]; 2) языковой знак примарно мотивирован; 3) звукоизобразительные единицы образуют в языке строго упорядоченную систему; 4) относительно звукоизобразительной лексики можно утверждать ее универсальность, широкое распространение и межъязыковую типологическую общность в различных языковых семьях. Описание звукоподражательной подсистемы ЗИС базируется на типологии русских ономастопов и понятии фоносферы, разработанных С. С. Шляховой [Шляхова 2003, 2005, 2006, 2012].

Малораспространенные или противоречиво трактуемые в лингвистической литературе термины, используемые в работе: *ономастопия, фонемотип, фоносемантическая маргиналия, звукоизобразительность, иконизм, примарная мотивированность, фоносфера, звуковая картина мира, фоносеманти-*

ческая картина мира (см. Фоносемантический глоссарий). Термин *ономатопея* служит для обозначения звукоподражательной лексики в целом, а также отдельной звукоподражательной единицы (независимо от ее грамматического статуса). Слова с незвуковыми значениями, которые восходят к ономатопее, в диссертации также именуется ономатопами, поскольку именно звук является мотивировочным признаком для производного значения. Термины *звукоизобразительность – иконизм – примарная мотивированность; звукоподражание – ономатоп* используются как синонимы.

Материалом исследования послужили около 2000 немецких (акустических – 1510 ед., артикуляторных – 205 ед., говорения – 212 ед.) и более 3000 русских (акустических – 2479 ед., артикуляторных – 270 ед., говорения – 276 ед.) ономатопов, выявленных в этимологических, толковых, диалектных, идеографических, словообразовательных словарях немецкого и русского языков, немецко-русских и русско-немецких словарях, корпусах немецкого и русского языков (см. Список словарей и источников). Также в качестве эмпирической базы послужил словарь русских фоносемантических маргиналий [Шляхова 2004], включающий около 1500 словарных статей; в качестве немецкой базы – немецко-русский словарь ономатопей [НРСО], созданный автором диссертации (немецкая часть) в соавторстве с С. С. Шляховой (русская часть) и включающий более 1100 словарных статей.

В целом было проанализировано около 5000 единиц, полученных в результате сплошной выборки из указанных источников.

Отметим, что в число исследуемых единиц включены не только единицы, которые сохраняют связь с «явными» звукоподражаниями, но также слова, звукоизобразительность которых устанавливается на основе этимологического фоносемантического анализа, и слова, которые утратили семантическую связь с акустическим денотатом (нем. *bummer* “глупый”, “безобразный, некрасивый” < *bummern* “громко стучать, греметь” < *bum* “звук удара”; нем. *Bähschaf* “дурак” < *bäh* “бэ, бляение овцы” + *Schaf* “овца”; нем. *Bammel* “беспокойство, опасения; боязнь, страх” < *bam* “звук удара”; нем. *Draht* “проволока” < *drehen* “вращать” < и.-е. **te-r(ə)|trē-, tre-* “тереть, вращать”; рус. *тепеть* [Левицкий I:

568]; рус. *бацать* “играть на муз. инструменте”, “плясать (бить чечетку)” < *бацать* “хлопать, бить со стуком” < *бац* “звук удара”; рус. *касаться, коса* < и.-е. **kas-*; **kes-*; **kos-*; **ks-* “ломать, резать, рубить”; рус. диал. *ботня* “тревога, переполох” < *бот* “звук удара” и т.п.). Обоснование звукоподражательной природы исследуемых в диссертации слов в [Шляхова 2004; НРСО].

Методы исследования. Методология исследования обусловлена стремлением получить результаты, сопоставимые с данными, выявленными на материале других языков, что обеспечивается применением ранее апробированных фоносемантических методов и методик. В ходе исследования применялись *традиционные лингвистические методы и методики* (лексико-семантический, этимологический, сопоставительный, количественный анализ, системно-структурный и описательный методы, метод сплошной выборки, метод семантического интегрирования, идеографическое описание) и *собственно фоносемантические методы и методики* (этимологический фоносемантический анализ, фонемотипное моделирование).

Положения, выносимые на защиту:

1. Универсальными свойствами звукоподражательной подсистемы ЗИС языка являются:

1) преобладание изоморфизма над алломорфизмом в структуре и семантике всех групп ономатопов;

2) одинаковое количество классов, подклассов и фонолексических групп в звукоподражательной подсистеме ЗИС исследуемых языков. Все ономатопы организованы по принципу соответствия структуры элементов денотата структуре языковой единицы;

3) корреляция ономатопов в сопоставляемых языках в собственно фоносемантическом, семантическом и количественном аспектах, что говорит о непротиворечивом отражении в языках объективной реальности и указывает на универсальный характер экспликации в языке звуковой картины мира;

4) совпадение семантики немецкой и русской ономотопии внутри звукоподражательных семантических полей (на уровне фоносемантической типологии, фоносферы, идеографического описания), что указывает на универсальный характер звукоподражательных слов как таковых;

5) экспликация в ономапоее (с разной степенью вероятности) подавляющего большинства сфер окружающей действительности за исключением некоторых узких специальных областей экономики, права, истории, религии и т.п. В семантике ономапопов (через семантические переходы) восстанавливается целостная картина бытия человека во множестве аспектов его проявления;

6) наличие устойчивой модели семантического развития: ономапопы сопоставляемых языков имеют регулярные семантические переходы. Всего установлено 83 регулярных семантических перехода: в сфере акустических ономапопов – 60 (удар, звук удара > *отрицание; разделение, часть; деформация, искажение* > *путаница, неразбериха; интенсивность; округлость, выпуклость; полость, пустота; изгиб, кривизна* и др.); в сфере артикуляторных ономапопов – 19 (дыхание > *ветер; начало; старость, смерть* и др.), в сфере ономапопов говорения – 4 (звуки внешнего мира; звучание человеческого тела; крики животных и птиц > *говорение человека; подзывные слова* > *животные*). Звучания внешней среды более значимы для когнитивной деятельности человека;

7) звукоподражательные и звукосимволические (на уровне начальных согласных, фонестем, редупликации) семантические поля совпадают, что указывает на семантический синкретизм иконических языковых знаков, который сохраняется в современной синхронии, и универсальный характер иконических слов как таковых.

2. Специфические (идиоэтнические) свойства в сфере ономапопеи проявляются преимущественно в незначительных колебаниях в численной представленности того или иного типа в языках. Актуализация определенного типа звучания или семантического развития звукоподражания отражает идиоэтническую специфику ономапопеи, которая в самом общем виде отражает менталитет этноса, его авто- и гетеростереотипы.

3. Лексикографическая фиксация ономапопеи в словарях требует разработки особых фоносемантических критериев. Сопоставление ономапопей в двуязычных словарях целесообразно на основе универсальных (акустический признак; фонемная, фонестемная, фонемотипная идентичность; грамматический класс иконических единиц) и идиоэтнических (фонестемная языко-

вая специфика; звукоизобразительная мотивировка и звукоизобразительная этимология с похожей семантикой) фоносемантических признаков. Немецкая оноματοпея получила системное лексикографическое описание в немецко-русском словаре оноματοпей с учетом выявленных универсальных и специфических фоносемантических критериев.

Научная новизна исследования. Оноματοпея как языковая универсалия до сих пор не была объектом системного контрастивного изучения. Впервые представлено многоаспектное системное описание звукоподражательной подсистемы в лексикографическом, фоносемантическом и семантическом аспектах. Немецкая оноματοпея впервые получила системное лексикографическое описание в немецко-русском словаре оноματοпей [НРСО] на основании фоносемантических критериев. В области семантики установлено, что оноματοпея эксплицирует в языке подавляющее большинство сфер окружающей действительности (за исключением некоторых узких специальных областей экономики, права, истории, религии и т.п.). Установлена система регулярных семантических переходов, которые образуют достаточно жесткую модель семантического развития оноματοпов. Выявлено совпадение семантики звукоподражательных и звукосимволических семантических полей, указывающее на универсальный характер иконических слов как таковых.

Теоретическая значимость обусловлена положениями, выносимыми на защиту. Универсальные и специфические характеристики, установленные в семантических и фоносемантических корреляциях, способствуют перспективному развитию типологических исследований, установлению универсального характера иконических слов как таковых. Идеографическое описание оноματοпеи, количественная корреляция микро- и макрополей, сопоставление звукоподражательных и звукосимволических семантических полей, установление регулярных семантических переходов в области оноματοпеи позволяют выявить общие закономерности когнитивной деятельности человека.

Практическая ценность исследования. Результаты работы могут быть использованы в вузовских курсах «Введение в языкознание» (фонетика и фонология, происхождение языка, семасиология), «Общее языкознание» (язык

как знаковая система, лингвистические универсалии, лексические системы языка), «Лексикология» и «Стилистика» немецкого и русского языков, в спецкурсах по фоносемантике.

Немецко-русский словарь ономотопей возможно использовать для обучения немецкому языку как иностранному на базовом и продвинутом уровне для развития различных навыков речевой деятельности. Поскольку именно аномальные звукоподражательные формы весьма несистемно и незначительно представлены в словарях немецкого языка, то словарь может быть также успешно использован в переводческих целях.

Полагаем, что практическая ценность исследования обусловлена возможностью применения полученных данных в этимологических исследованиях, что позволит расширить интерпретационную базу этимологизирования отдельных лексических единиц германских языков.

Практическое применение данных исследования возможно также в расширении лексикографической базы немецких и русских словарей, которые зачастую отказываются от системной фиксации или адекватной квалификации фоносемантически маркированного материала.

Реализацией и внедрением результатов исследования явилось издание книги «Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь» (в соавторстве с С. С. Шляховой), состоящей из монографической и словарной частей (немецкая часть – автор работы, русская часть – С. С. Шляхова). В монографической части представлен анализ научной литературы, посвященной исследованию немецкой звукоизобразительности; определены проблемы изучения и лексикографической фиксации ономотопеи; предложена фоносемантическая типология немецких ономотопов; в самом общем виде описана фоносфера немецкого языка и ее отражение в языке.

Словарная часть представляет собой немецко-русский словарь ономотопей, который, по-видимому, является первой попыткой системного лексикографического описания немецких ономотопей. Словарь содержит более 1100 словарных статей, распределенных в 210 фоносемантических гнезд, основу которых составляют звукоподражания. Отдельные словарные статьи включают фразеологизмы, идиомы, в состав которых входит ономотопея.

Данное издание применялось в практике преподавания немецкого языка студентам химико-технологического, автодорожного факультетов и факультета прикладной математики и механики в Пермском национальном исследовательском политехническом университете. Подобная подача материала стимулирует интерес у обучаемых, облегчает усвоение значений лексических единиц из разных сфер бытования, пополняет словарный запас разговорной экспрессивно-оценочной лексикой. Кроме того, на основе звукоподражательной лексики отчетливо выявляются универсальные и специфические черты немецкого и русского языков, что способствует как формированию межкультурной компетенции (одной из важнейших задач при обучении иностранному языку), так и более адекватному переводу.

Апробация работы. Материалы исследования были положены в основу издания «Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь» (Пермь, 2011). Основные положения работы представлены в виде докладов на международных и всероссийских конференциях и симпозиумах: 40-я Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 2011; VI Международная научная конференция «Язык, культура, общество», Москва, 2011; международная научно-практическая конференция «Лингвистические чтения-2012. Цикл 8», Пермь, 2012; международный симпозиум «Лексикография и фразеография в контексте славистики», Магнитогорск, 2011; I Международная научно-практическая конференция «Язык и культура» памяти академика РАН, д-ра филол. наук, проф. Ю. С. Степанова, Новосибирск, 2012; Аспирантские чтения, Иркутск, 2011; XII Всероссийская научно-практическая конференция «Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход», Пермь, 2011; Тринадцатые Филологические чтения. Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение, Новосибирск 2012; XIII Всероссийская научно-практическая конференция «Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход», Пермь, 2013. Материалы диссертации и результаты исследования обсуждались на аспирантских семинарах и заседаниях кафедры общего языкознания ПГГПУ и кафедры иностранных языков и связей с общественностью ПНИПУ.

Структура работы. Работа состоит из введения, 4 глав, заключения, списка использованной литературы и лексикографических источников, списка сокращений, фоносемантического глоссария, 4 приложений. Положения диссертации иллюстрируют 7 таблиц и 8 рисунков.

Во введении обоснована актуальность и научная новизна диссертации, определены цель и задачи работы, изложены основные понятия и теоретические положения фоносемантики, составляющие теоретическую базу исследования, основные методы исследования, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Проблемы исследования звукоизобразительности» анализируется современное состояние исследований звукоизобразительности в немецкоязычной и русскоязычной фоносемантике. Изложены подходы к решению вопроса о грамматическом статусе фоносемантических маргиналий; проанализированы существующие типологии ономапопов в германистике и русистике. В первом приближении рассматривается проблема разграничения звукоподражательности и звукосимволизма. Анализ проблемы позволил выдвинуть предположение о том, что иконическая природа звукоподражательных и звукосимволических слов, связанная с семантическим синкретизмом древних основ, сохраняющемся в ономапопее, обуславливает единство семантического пространства всех слов иконического происхождения.

Вторая глава «Универсальная фоносемантическая типология ономапопеи» посвящена системному типологическому описанию звукоподражательной подсистемы ЗИС исследуемых языков на основе универсальной классификации ономапопов. Выявлены звукоизобразительные функции и полифункциональность фонемотипов в сопоставляемых языках. Устанавливается универсальное и специфическое (идиоэтническое) в области ономапопеи.

В третьей главе «Семантика ономапопеи» представлены структура фоносферы и ее экспликация в языке; идеографическое описание ономапопеи на основе идеографических словарей Ф. Дорнзайфа и О. С. Баранова. Установлено, что ономапопея с разной вероятностью эксплицирует подавляющее большинство сфер окружающей действительности за исключением некоторых узких специальных областей. Выявлены семантические общность и спе-

цифика (идиозтичность) ономотопеи. Установлены регулярные семантические переходы в области ономотопеи. Описаны семантические области совпадения звукоподражательности и звукосимволизма (с привлечением данных исследований по звукосимволизму).

Четвертая глава «Опыт словаря ономотопей» посвящена описанию опыта немецко-русского словаря ономотопей [НРСО], который был издан в процессе подготовки диссертационного исследования. Изучена практика и выявлены проблемы лексикографической фиксации ономотопеи; выявлены универсальные и специфические фоносемантические принципы сопоставления звукоизобразительных единиц в двуязычных словарях; рассмотрены принципы описания ономотопеи: единицы описания и состав словника; принципы сопоставления материала; композиция словника; структура словарной статьи; система помет. Описаны возможности практического применения словаря.

В заключении сформулированы общие выводы и обозначены результаты работы в целом, а также намечены перспективы дальнейшего исследования.

Список использованной литературы включает 310 наименований (190 русскоязычных и 120 иноязычных), *список словарей и источников* – 92 наименования (44 русскоязычных, 14 иноязычных, 21 двуязычный словарь и 13 корпусов текстов). *Фоносемантический глоссарий* содержит основные термины, используемые в работе, которые получают противоречивую трактовку или недостаточно широко распространены в лингвистической литературе.

Работа включает четыре *приложения*, которые содержат расширенный материал, анализируемый в диссертации. Приложение 1 – «Фоносемантическая типология ономотопов», приложение 2 – «Идеографическое описание ономотопеи (количественный анализ)», приложение 3 – «Регулярные семантические переходы», приложение 4 – «Звукоподражательные и звукосимволические семантические поля: области совпадения».

По теме исследования опубликовано 15 работ. Основные результаты исследования **отражены в следующих публикациях:**

- **Монографии:**

1. Шестакова О. В. Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. Deutsche Onomatopoeitika: Forschungsgeschichte,

Probleme, deutsch-russisches Wörterbuch: монография. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011. 289 с. (в соавторстве со Шляховой С. С.).

• **Научные статьи в рецензируемых изданиях, включенных в реестр ВАК:**

2. Шестакова О. В. Опыт немецко-русского словаря интеръективов: фоносемантические универсалии и национальная специфика // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2011. № 3. С. 634–639 (в соавторстве со Шляховой С. С.).

3. Шестакова О. В. Проблемы лексикографической фиксации интеръективов в русских и немецких словарях // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 60, № 33 (248). С. 213–215 (в соавторстве со Шляховой С. С.).

4. Шестакова О. В. Проблемы изучения звукоизобразительности в немецком языке // Вопросы филологии (спецвыпуск). Язык, культура, общество: тезисы докладов VI междунар. науч. конф. М., 2011. С. 138–139 (в соавторстве со Шляховой С. С.).

5. Шестакова О. В. Функции ономотопеи в немецкой рекламе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 5, ч. 2. С. 208–213.

6. Шестакова О. В. Звукоизобразительная природа немецкой терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 8, ч. 2. С. 208–211 (в соавторстве со Шляховой С. С.).

• **Публикации в других изданиях:**

7. Шестакова О. В. Изучение звукоподражательности в немецком языке: проблемы и перспективы // Вестник Перм. гос. техн. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2010. № 4 (30). С. 171–185 (в соавторстве со Шляховой С. С.).

8. Шестакова О. В. Ономотопея в немецкой рекламе // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2011. С. 305–308.

9. Шестакова О. В. Фоносемантическая типология немецких акустических ономатопов: сопоставительный аспект // Аспирантские чтения. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. лингв. ун-та, 2011. С. 294–307.

10. Шестакова О. В. Фоносемантический словарь в практике преподавания немецкого языка // Язык и культура: сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти академика РАН, д-ра филол. наук, проф. Ю. С. Степанова: в 2 ч. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2012. Ч. 2. С. 165–169.

11. Шестакова О. В. Семантика немецких инстантов // Язык и культура: сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти академика РАН, д-ра филол. наук, проф. Ю. С. Степанова: в 2 ч. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2012. Ч. 2. С. 157–165.

12. Шестакова О. В. Фоносемантические принципы сопоставления ономатопей в лексикографическом дискурсе // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: материалы междунар. науч. конф. 26–28 апреля 2012 г.: в 2 ч. Ч. 2. Псков: Изд-во Псков. гос. ун-та, 2012. С. 45–51.

13. Шестакова О. В. Функциональные аспекты ономотопии (на материале немецкой и русской рекламы) // Лингвистические чтения-2012. Цикл 8: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Прикамский социальный институт. Пермь, 2012. С. 158–162.

14. Шестакова О. В. Ономотопы говорения в немецком языке // Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования: сб. материалов III Междунар. заоч. науч.-практ. конф. 1 февраля 2012 г. Краснодар, 2012. С. 138–141.

15. Шестакова О. В. Звукоподражательные слова при обучении немецкому языку // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии, компетентностный подход: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. С. 326–330.

Глава I. ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ

1. Предварительные замечания

История зарубежной и русской фоносемантики подробно представлена во многих исследованиях [Журавлев 1974; Воронин 1990; Санжаров 1996; Genette 1976; Михалёв 1995, 2009а, 2012; Левицкий 1998, 2009; Павловская 2001; Magnus 2001; Шляхова 2003, 2012; Прокофьева 2007, 2008 и др.].

В. В. Левицкий выделяет три основные работы как основу русскоязычной фоносемантики: В. В. Левицкий «Семантика и фонетика» (1973), А. П. Журавлёв «Фонетическое значение» (1974) и С. В. Воронин «Основы фоносемантики» (1982) [Левицкий 2009: 11]. Работы А. П. Журавлева и В. В. Левицкого посвящены звуко-символизму; в монографии С. В. Воронина обосновано выделение фоносемантики как науки в целом [Воронин 1982].

Основная проблема, которую решают сторонники («натуралисты») и оппоненты («конвенционалисты») фоносемантики, – произвольность / непроизвольность языкового знака. Конвенционалисты вслед за Соссюром настаивают, что значение слова не выводимо из последовательности составляющих его звуков, следовательно, нет связи между звуком и значением, тогда как сторонники отприродного их единства считают, что значение выводимо из фонетической формы. При этом сторонники непроизвольности языкового знака не отрицают существование произвольности. Речь в конечном итоге идет не об альтернативе произвольность / непроизвольность, а о принципиальной постановке вопроса: «произвольность, доминирующая над непроизвольностью, или непроизвольность, доминирующая над произвольностью» [Прокофьева 2007].

И даже вопрос о доминировании произвольности или непроизвольности не является столь принципиальным. С изменением «научной парадигмы» настоятельно требуется замена фундаментального унитарного принципа Ф. де Соссюра «языковой знак произволен» новым – бинарным – принципом: «языковой знак одновременно непроизволен и произволен» [Воронин 2004: 9].

«Обе тенденции не просто проявляются и взаимодействуют в языке – они обеспечивают его нормальное существование и функционирование. <...> Вот почему представляются необоснованными утверждения и о «принципиальной произвольности», и о «принципиальной непроизвольности» языкового знака. Между двумя полярными видами отношений <...> расположено множество переходных типов» [Левицкий 2009: 98].

Многочисленные исследования, в том числе и экспериментальные, проведенные на материале более 150 разноструктурных языков [Газов-Гинзберг 1965; Журковский 1968, 1969; Штерн 1969; Горелов 1969; Левицкий 1973, 1983, 1998, 2009; Гурджиева 1973; Журавлев 1974; Казакевич 1976; Канкия 1988; Левицкий, Стернин 1989; Братусь 1976; Глухарёва 1978; Лапкина 1978; Койбаева 1987; Мазанаев 1985; Климова 1986; Лихоманова 1986; Слоницкая 1987; Вельди 1988; Хусаинов 1988; Камбаров 1990; Пономарёва 1991; Сомова 1991; Михалёв 1995; Балаш 1999; Казарин 2000; Бартко 2002; Павловская 2001; Шляхова 1991, 2005, 2006, 2012; Дрожащих 2006; Векшин 2006; Прокофьева 2007, 2008; Колева-Златева 2008 и др.], подтвердили гипотезу о том, что звуко-смысловые корреляции оказываются вполне регулярными, причем значение слова распадается на разные компоненты, одни из которых произвольны по своей природе, другие – нет.

Звук, хотя напрямую не может влиять на то, что слово обозначает, может иметь дополнительное значение, частично отражающееся в его форме, следовательно, полностью знак произволен [Magnus 2001], или, по крайней мере, «не существует языка, где бы такая произвольность была абсолютной» [Левицкий 1998].

Еще В. фон Гумбольдт писал: «Кажется очевидным, что существует связь между звуком и его значением; но характер этой связи редко удается описать достаточно полно, часто о ней можно лишь догадываться, а в большинстве случаев мы не имеем о ней никакого представления» [Гумбольдт 1984: 92].

Одна из центральных проблем исследования звукоизобразительности заключается в том, что не разрабатываются и не внедряются общие методики исследования, позволяющие сопоставлять полученные данные с целью нахо-

ждения фоносемантических универсалий, а новые фоносемантические исследования часто не опираются на уже существующие работы.

Дальнейший обзор исследований, посвященных не только звукоподражательности, но и звукосимволизму, является важным для нашей работы, поскольку, на наш взгляд, принцип иконизма в слове обуславливает единство семантического пространства всех слов иконического происхождения. Следовательно, семантика ономотопеи должна совпадать с семантическими полями звукосимволизма.

Основное внимание в обзоре сосредоточено на исследованиях, выполненных на материале немецкого и русского языков.

2. Из истории изучения звукоизобразительности

2.1. Исследование звукоподражательности

На начальном этапе изучения языка внимание исследователей привлекает ономотопея. «Осознавая окружающее, человек выделяет в нем не находящиеся в покое и безмолвные предметы, а в первую очередь предметы движущиеся и звучащие» [Пауль 1990: 54]. Однако изучение ономотопеи на материале **немецкого языка**, на наш взгляд, проводится недостаточно широко [Reinius 1908, Hilmer 1914; Sommer 1933; Schmitt 1950 и др.] и не всегда системно.

По мнению большинства немецких исследователей [Bühler 1934; Schmidt 1959; Schippan 1984; Erben 1997 и др.], звукоподражательные слова находятся на периферии немецкого языка, так как они малочисленны и играют незначительную роль в системе языка (что является стереотипным представлением относительно многих языков). Ономотопы приводятся преимущественно в качестве примера действия фонетико-фонологической мотивировки или же включаются в исторический обзор в рамках теории номинации. Однако русскоязычная германистика подвергает сомнению данный тезис: ЗИС современного немецкого языка «значительно богаче и разнообразнее, чем считалось ранее. Она тесно связана с общим словарным фондом и постоянно пополняется» [Филимоненко 2008: 4–5].

По нашим наблюдениям, роль ономотопеи в немецком языке гораздо важнее, чем в русском. Так, в немецком языке ономотопея легко образует термины: *klipp* “звук стука, треска”> в геологии *Klippe* “тектонические утёсы (останцы надвига)”, в пищевой промышленности *Klippe* “разделка рыбы на клипфиск”, *Klippmaschine* “остеотделитель; шасталка”, в авиации *Klipper* “реактивный самолёт (лайнёр) для трансатлантических полётов”, в морском деле *Klipper* “клипер, быстроходное парусное судно”, в зоологии *Klipp-springer* “антилопа-прыгун” и др. Едва ли в русском языке найдутся терминобразования типа *стукер*, *ляпер*, *бамсон*, *динька* или *тяпун*.

О. В. Матасова отмечает, что реликтовость, аномальность на фонологическом, семантическом и стилистическом уровнях, наглядность и эмоциональность значений, принадлежность к сниженной лексике, просторечию, диалектам, сленгам и жаргонам, профессиональным говорам делает звукоподражательные междометия привлекательными для употребления в таких специфических языковых сферах, как комиксы, лепетный язык, средства массовой информации, реклама и т.п. Активное функционирование исследуемых единиц влечет за собой усложнение и расширение их семантических и синтаксических функций [Матасова 2006].

Одно из первых специальных исследований ономотопеи немецкого языка – работа Г. Хильмера «Звукоподражание, словотворчество и изменение значений» [Hilmer 1914], в которой устанавливаются некоторые закономерности в характере соотношений между звукоподражательным словом и его денотатом в немецком и английском языках: звуки удара передаются корнями, в конце которых – взрывные согласные; длительные шумы – корнями, оканчивающимися фрикативными согласными; удар с последующими постепенно затухающими колебаниями – корнями с конечными носовыми согласными. Звукоподражание в исследовании получает широкое понимание: не различаются ономотопея и звукосимволические слова.

А. Шмитт исследует звуки шлифования и удара [Schmitt 1950], Е. М. Эрнст – звуки, издаваемые животными, и соответствующие звукоподражательные глаголы в немецком, французском и итальянском языках [Ernst

1990]. Большой научный резонанс [Brown 1956; Marchand 1959] вызвала работа Х. Виссеманна [Wissemann 1954], однако исследование выполнено на материале английского языка. В классификации ономаатопов, предложенной Х. Виссеманном, имеется «частичный выход в экстралингвистику». В ранних классификациях А. Фрелиха и Х. Марчанда звукоподражания распределяются по фонемам, а не по типам фонем в составе ономаатопа, что является их существенным недостатком [Воронин 1982: 17].

Отдельные аспекты ЗИС немецкого языка активно исследуются в славяноязычных работах. В области ономаатопеи исследуются фоносемантические аспекты образования звукоподражательных междометий [Матасова 2006], делается сопоставительно-семантический анализ глаголов звучания в немецком и русском языках [Дементьева 1982], изучаются ономаатопэтические глаголы в современном немецком языке [Глухарёва 1978], структурно-семантические особенности звукоподражательных глаголов немецкого языка [Корниенко 1983], проводится сопоставление словообразования звукоподражаний в немецком, французском и русском языках, также исследуются коннотации [Хабибуллина 2003], семантические аспекты и словообразование [Филимоненко 2008] звукоподражательных слов. Эти исследования опровергают утверждения (К. Bühler, W. Schmidt, T. Schippan, J. Erben и др.) о том, что ономаатопея занимает незначительное место в системе немецкого языка.

Вопрос словообразовательной продуктивности ономаатопей также не раз привлекал внимание исследователей. Для звукоподражательной подсистемы немецкого языка типичны все основные способы морфологического словообразования [Филимоненко 2008: 24]. О. А. Хабибуллина, исследуя словообразовательный потенциал звукоподражательных слов в немецком, французском и русском языках, выделяет пять типов словообразовательных гнезд немецких ономаатопов: гнезда-слова, гнезда-пары, гнезда-цепи, веерные гнезда и гнезда-деревья [Хабибуллина 2003: 10]. С. А. Филимоненко считает, что в немецком языке правомерно выделять только два типа гнезд: веерные гнезда и гнезда-деревья. Вне зависимости от частеречной принадлежности вершины словарного гнезда его глубина может составлять от одного до трех деривационных шагов [Филимоненко 2008].

О. В. Матасова описывает семантический и словообразовательный потенциал десяти немецких звукоподражательных основ: *baff / paff, bauz, bamm / pamm, klack, klapp / klappf, klatsch / kludsch, patsch / batsch, plump / blump / plumb / pflumpf, ratsch, schwapp / schwabb*. В качестве основных критериев звукоподражательной единицы выделяются акустический характер денотата, девиация фонемной комбинаторики слова, типологическое сходство по языкам, редупликации. Устанавливаются звукоизобразительные функции немецких фонемотипов: гласный переднего ряда в корне (имитация высоких звуков), аффриката в ауслауте (имитация звука удара вследствие столкновения поверхностей, одна из которых мягкая/жидкая), вибрانت /R/ (имитация диссонанса), финальный носовой (имитация продолжительного акустического эффекта) и др. [Матасова 2006].

Е. А. Глухарева, исследуя структурные и семантические особенности немецких звукоподражательных глаголов, приходит к выводу, что диссонантный характер вибранта /R/ позволяет имитировать резкие, дрожащие, стрекочущие, трескучие звуки реального мира [Глухарева 1978].

По данным С. А. Филимоненко, редупликация и трипликация нетипичны для немецкого языка. Редупликация засвидетельствована только у звукоподражаний: *Tamtam* “тамтам”, *blablabla* межд. “вздор!”. Наличие редупликации исторически засвидетельствовано у восьми глаголов (*beben* “дрожать”, *dudeln* “дудеть”, *kuckucken* “куковать”, *lallen* “болтать”, *plappern* “тараторить”, *quieken* “пищать”, *zittern* “дрожать”, *quinquilirieren* сев.-нем. “свистеть”) и только у одного прилагательного (*plemplem* “свихнувшийся”). В немецком языке редупликация выступает в виде удвоенных аблаутированных (*Klingklang* “звон”, *ritschratsch* “трр!” (звук разрывания ткани, бумаги) и рифмованных (*Klimbim* “музыкальный оркестр”, *Remmidemmi* “шум, переполох”) образований [Филимоненко 2008: 9].

В то же время в материале О. В. Матасовой из 131 примарного междометия, которые образованы от 10 звукоподражательных основ, выделяется 37 редулицированных единиц [Матасова 2006], что составляет почти треть (более 28 %) исследуемого материала. Если принимать во внимание широкое понима-

ние редупликации [Колева-Златева 2008] и данные нашего словаря [НРСО], то очевидно, что роль редупликации в немецком языке гораздо шире.

Многие ономотопы характеризуются четко выраженной разговорной окраской. Одновременно с этим звукоподражательные слова встречаются в терминологии, главным образом это охотничья и фонетическая лексика: *keckern oхom*. “лаять (о лисе)”, *knappen oхom*. “токовать (о глухарях)”, *quorren oхom*. “токовать”, *Hauchlaut* “глухой придыхательный звук”, *Zischlaut фон*. “сбилянт” [Филимоненко 2008: 5, 10].

В центре внимания немецкоязычных исследователей находится категория интеръективов, их фонологические, просодические, графические, морфологические, синтаксические, функциональные особенности [Schmidt 1959; Ehlich 1986; Burkhardt 1998, Reisigl 1999; Yang 2001; Fries 2002; Nübling 2004; Schmauks 2004]. В работе D. Nübling дается фоносемантическая интерпретация некоторых единиц: щелкающий звук служит для выражения восторга; билабиальный вибрант /r/ – для обозначения озноба и пр.

Большое значение для изучения звукоизобразительности имеют отечественные работы по исследованию интеръективов: проблема концептуализации и денотативного статуса отыменных междометий [Алференко 1999], функционально-стилистические аспекты интеръективов [Анищенко 2006], коммуникативно-прагматические функции междометий в диалогическом дискурсе [Болтнева 2004], функции междометий в диалоге [Максимова 2000], междометные фразеологизмы [Литовкина 2005] и др.

Исследуются функции междометий: эмотивная, метакоммуникативная (регулятивная), модальная и синтаксическая [Бабаева 2008: 29]. Наряду с основной эмотивной функцией междометия отмечаются и прагматические функции: 1) организация дискурса: открытие речевого шага, смена темы, корректировка; 2) модальность: незначительность, низкая оценка, недоверие, очевидность, усиление желания [Бабаева 2008: 178].

С одной стороны, проблема интеръективов в немецком языке разработана недостаточно, в том числе следует отметить и несистемную лексикографическую фиксацию. С другой стороны, принадлежность к системе того или

инового языка определяет функциональный диапазон интеръективов, что требует специальных, в том числе и сопоставительных, исследований.

Их функционирование в различных языках обретает специфику. Так, для русских междометий Е. Ю. Кустова отмечает следующие типологические черты, отличающие их от французских междометий: 1) синтаксическая функция образования интеръективных устойчивых (фразеологизированных) синтаксических схем в составе предложения; 2) морфологизация звукоизобразительных форм, приобретающих значение глагольного сказуемого [Кустова 2010]. Для русского разговорного языка характерно употребление так называемых междометных глаголов (звукоподражаний) *хлоп*, *бряк*, *бабах* и пр. в функции сказуемого (*Он бряк-бряк по столу-то*; *Матрос хватъ наган – и хлоп его как муху*), что не свойственно немецкому, английскому, французскому разговорным языкам [Земская 2004].

На наш взгляд, проблемы грамматического статуса немецких интеръективов связаны с их особым (маргинальным, переходным) статусом [Шляхова 2005]. Для ономастопей в немецком языке характерна грамматическая переходность: звукоподражание может обозначать действие как глагол (*Bums, da liegt er!*); предмет как существительное (субстантивация) (*Krach machen* разг. “учинить скандал”); признак действия как наречие (адвербиализация) (*in einem Schwupp* “мигом”; *eine halbe Zigarette hochstens, und schwupp war sie in seiner Jackentasche verschwunden*) [Бабаева 2008].

Особой функционально-грамматической группой следует считать подзывные слова и слова отгона животных [Кандакова 2003; Шляхова 2005, 2012], которые практически не привлекают внимание исследователей: *kusch* “цыц!, лежать! (приказание собаке)”, *put* “цып-цып”, “тип-тип” и др.

Первообразные междометия немецкого языка являются элементами многих фразеологизмов. Напр.: *ach*: *Ach ja!* *Ach je!* *Ach prima!*, *Ach so!*; *Ach was!*; *Ach wo!*; *Ach du Schreck!*; *Ach du Schande!*; *Ach komm!* *Ach Unsinn!* *Ach du liebe Zeit!*; *Ach Gott!* *Ach du lieber Himmel!* Слово *ach* из всех междометий немецкого языка является самым продуктивным элементом в создании устойчивых сочетаний [Бабаева 2008: 190]. Система примарных немецких меж-

дометий характеризуется гиперактивным участием в словообразовательном процессе, так как отмечается наличие большого количества производных в форме глаголов, существительных, наречий и прилагательных. Особенно продуктивны в этом плане основы *baff, bam, klack, klapp, klatsch, schwapp*. Междометие *bauz* представляет собой наименее продуктивный звукоком-плекс [Матасова 2006].

Материалы нашего Словаря [НПСО] расширяют список продуктивных немецких интеръективов: продуктивны *tumm, bim, bum, brumm, rapp* и др.

Фоносемантика рассматривает оноματοпею как одно из наиболее значи-мых свидетельств примарной мотивированности языкового знака, которая лежала в основе проторечи. Исследования показывают, что первичная невер-бальная система коммуникации ребенка позднее переходит в «звукоизобра-зительную» стадию, когда ребенок ищет буквального отражения действи-тельности, стремясь приблизить звуковую форму к изображаемому предмету или явлению [Шахнарович, Юрьева 1990; Исенина 1986; Лепская 1997 и др.].

В словаре *Duden* имеются слова с пометой *Lallwort (детское): rapp* “ле-петное слово детского языка” [Duden]. Слово имеет такое же происхождение, как и рус. *мама, папа, дядя*: из детской речи с повторением созвучных слогов. Ср. англ. *Baby* “дитя”, ит. *babbo* “папа”, алб. *bebe* “ребенок”, тур. *babe* “отец”, “папа”, кит. *баба* “отец”, индонез. *bara(k)* “отец”, “папа” [Черных I: 62].

Интересно проследить, какие значения развивает это слово в немецком языке: *rapperrapapp* “глупая болтовня”; *rappeln* “болтать”; *Rapp* “каша”; *Rapparbeit* “картонажная работа”; *Rappe* “папка”; “толь”; “клей; каша”; “мор-да”; *rappen* “клеить”; “делать из картона”; “есть, шамкать”; *rappeln* “кормить кашницей (маленького ребёнка)”; “баловать”; *Rappenheimer* “проказник, ша-лун”; *Rappenstiel* “безделица, пустяк”. Очевидно, изучение лепетных слов имеет большое значение для фоносемантических исследований.

Краткий обзор основных работ по исследованию звукоподражательности в немецком языке позволяет сделать вывод о том, что оноματοпея в немецком языке требует более глубокого анализа. Специальные работы, посвященные немецкой звукоизобразительности, ориентированы не на фоносемантическую

специфику (исключение – работы О. В. Матасовой и Е. А. Глухаревой), а грамматические, словообразовательные и семантические возможности лексики. Фоносемантическая интерпретация ономотопеи остается на периферии этих исследований, в том числе ее универсальность и специфичность.

Фоносемантические исследования в русской лингвистике также имеют давнюю традицию (работы А. М. Газова-Гинзберга, Р. О. Якобсона, А. А. Леонтьева, С. В. Воронина, И. Н. Горелова, А. П. Журавлева, А. С. Штерн, Г. И. Богина, В. В. Левицкого, А. Н. Журина, Б. В. Журковского, И. А. Стернина, С. В. Климовой, А. В. Пузырева и др.). Становление русской фоносемантической мысли представлено в работах [Левицкий 1998; Шляхова 2003; Михалёв 2009а, 2010, 2012; Прокофьева 2007].

История изучения ономотопеи на материале **русского языка** подробно представлена в работе [Шляхова 1991, 2003]. Первые системные исследования относятся к середине XX в. [Германович 1961; Карпухин 1979 и др.]. Большой вклад в изучение звукоподражательной подсистемы русского языка вносит С.С. Шляхова, которая предлагает новый подход к изучению фоносемантического пространства языка [Шляхова 2003, 2004, 2005, 2006]. Вводятся такие понятия, как «фоносфера», «фоносемантическая маргиналия», «ФМ-система» (система фоносемантических маргиналий), «другая речь». Новым является осмысление системности фоносемантических маргиналий, а также понимание ФМ-системы как базовой подсистемы ЗИС языка и периферийной подсистемы языка в целом. Словарь «Дребезги языка» С. С. Шляховой является первой попыткой системного описания фоносемантических маргиналий типа *ах, толк, тук* [Шляхова 2004].

Звукоподражательность в русском языке исследуется более активно, чем звукоимеизм: звукообозначения как репрезентация звукофферы в языке (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов) [Курашкина 2007]; русская ономотопея в диахронном и синхронном аспектах, ее структурно-словообразовательные и лексические особенности [Тишина 2010]; звукоподражательные глаголы в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками [Аваков 2007], с английским, французским,

кумыкским и аварским языками [Алиева 1997]; проблема восприятия иконических свойств звукоподражательной лексики иноязычными носителями [Панькина 2009], экспериментально-теоретическое исследование фонологизации шумов в русском и английском языках [Сергеева 2002], структура, семантика, стилистика звукоподражаний в русском и английском языках и междоментных глаголов в русском языке, определение закономерностей при их переводе [Фатюхин 2000] и др.

В результате исследования восприятия звукоподражаний в разносистемных языках (русский, английский, алтайский, монгольский) иноязычными носителями доказано, что существует соответствие между фоносемантическим значением звукоподражаний (на основе программы «ВААЛ») и их семантическим содержанием (по ответам информантов) [Панькина 2009].

Экспериментальное исследование фонологизации шумов в русском и английском языках на материале звукоподражаний подтверждает универсальность данных слов в разных языках [Сергеева 2002].

Исследование русской ономотопии в диахронии показывает, что чаще всего она имеет общеславянское происхождение. Праславянский ономотоп получает своё развитие в виде рефлекса, образуя гнездо исторически однокоренных производных: *Vol(bol) (*балаболить, балаболка, балабончик, балабошить* и т.д.), *Lepet- (*лепет, лепетать, лепетание, лепета, лепетайло* и т.д.), *Govog- (*говор, говорильня, говорить, говорение* и т.д.), *Grox- (*грохнуть, грохнуться, грохот*), *ьк (*икание, икать, икаться, заикание, заика* и т.д.) [Тишина 2010].

Редупликация как словообразовательное средство в системе праславянских ономотопов представлена достаточно слабо. Е. В. Тишина в семантическом развитии выделяет 40 моделей, часть которых является уникальными (обозначение неречевых фонаций человека > обозначение названия растения), другая – достаточно регулярными (обозначение речевых фонаций человека > обозначение названий блюд и кулинарных изделий и др.) [Тишина 2010].

С. А. Алиева и С. А. Аваков выявляют универсальность и специфику русской ономотопии в сопоставлении с другими языками. Универсальный характер имеют идентифицирующие семы (субъектная сема и сема звуча-

ния), а дифференцирующие семы (конкретного звучания, эмоциональности, интенсивности, способа звучания, характера издаваемого звука) – идиоэтнический [Алиева 1997].

С. С. Алиева отмечает следующие особенности звукоподражательной лексики в русском языке: 1) наличие семы конкретного звучания; 2) предсказуемость и обязательность связи между звукоподражательным словом и видом субъекта; 3) синтетический характер выражения сем интенсивности и характера звучания; 4) меньшая дифференциация слов, содержащих в структуре значения сему способа звучания; 5) фонетическое словообразование; 6) избыточность актантной реализации сем интенсивности, характера, эмоциональности звучания [Алиева 1997]. По мнению С. А. Авакова, в русском языке междометия представлены шире, чем в английском и немецком языках. Выделяются следующие группы слов: 1) подражания звукам животных и птиц; 2) неживой природы; 3) издаваемым артефактом; 4) музыкальных инструментов; 5) огнестрельного оружия; 6) произвольным звукам, издаваемым человеком [Аваков 2007].

Определенный вклад в исследование звукоизобразительности вносят работы, посвященные междометиям, в которых рассматриваются: семантика и функциональная характеристика первичных и вторичных междометий в русском и осетинском языках [Парсиева 2010]; полевое моделирование интеръективов [Граф 2007]; фонетическая форма и семантика междометий [Пузиков 2006]; проблема лексикографии междометий [Добрушина 1995]; междометия как репликовые частицы [Шаронов 2008] и др.

М. А. Пузиков выделяет класс собственно междометий на основе выполняемой ими эмотивной функции, в связи с чем из данного класса исключается ряд единиц, формально схожих с междометиями: звукоподражания, этикетные формулы, «междометные глаголы», «императивные междометия», релятивы и т.п. [Пузиков 2006].

Принципы лексикографического описания междометий разработаны Н. Л. Добрушиной: уточнены принципы их толкования и выделены наиболее значимые семантические компоненты [Добрушина 1995].

Таким образом, исследования ономотопеи на материале русского языка весьма плодотворны: 1) доказана системность ономотопеи русского языка; 2) фоносемантические маргиналии зафиксированы и описаны в специальном словаре [Шляхова 2004]; 3) продолжаются этимологические исследования звукоизобразительности; 4) разработана фоносемантическая, семантическая, лексико-семантическая типологии ономотопов; 5) связи между звуком и значением подтверждены экспериментальным путем.

2.2. Исследования звукоимоволизма

Изначально теоретические вопросы сущности звукоизобразительности решаются в связи с вопросами происхождения и эволюции языка и мотивированности языкового знака. По В. фон Гумбольдту, «каждое понятие обязательно должно быть внутренне привязано к свойственным ему самому признакам или к другим соотносимым с ним понятиям, в то время как артикуляционное чувство (*Articulationssinn*) подыскивает обозначающие это понятие звуки» [Гумбольдт 1984: 103].

В. фон Гумбольдт, В. Вундт, Г. Штейнталь, Г. Пауль, К. Бюлер и др. [Гумбольдт 1984; Бюлер 2001; Wundt 1900; Пауль 1990; Steinthal 1974; Fründt 2007] являются сторонниками наличия мотивированности звучания слова и его значения. Они считают, что при переходе от примитивного языка к развитому под влиянием многочисленных факторов исторической эволюции происходит прогрессивная фонетическая демотивация, и, следовательно, то, что кажется произвольным в языке, есть результат прогрессирующего вырождения первоначального «истинного» языка [Михалёв 1995], что согласуется с фоносемантическим законом стадильности развития языка: первая стадия – натуральная (в генезисе); вторая стадия – квазинатуральная и натурально-конвенциональная (в диахронии); третья стадия – конвенционально-натуральная (в современной синхронии) [Воронин 1982].

В. фон Гумбольдт определяет три способа обозначения понятий, которые коррелируют с понятием стадильности развития языка в фоносемантике: 1) «живописный» способ, который «постепенно утрачивается в ходе развития и совершенствования языка, заключается в непосредственном подра-

жании, когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки в состоянии передать нечленораздельные»; 2) «символический» способ «не исключает весьма значительной произвольности и избирает звуки, которые отчасти сами по себе, отчасти в сравнении с другими звуками рожают для слуха образ, подобный тому, который возникает в глубине души под впечатлением от предмета»; 3) «аналогический» способ «строится на сходстве звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий», но при этом «не принимается во внимание присущий самим этим звукам характер» [Гумбольдт 1984: 94].

В. В. Левицкий, опираясь на идеи В. Гумбольдта, выделяет три основные группы (выявленные статистически) фонетико-семантических связей: 1) звукоподражания: *gr* + рычать, ворчать, скрип; *kr* + хруст, ворчать, грохот, крик, удар и пр; 2) звуковой символизм: *tr* + быстрый, *gl* + блеск, *fl* + слабый, вялый, *gl* + гладкий, скользкий и пр; 3) связи, статистическая значимость которых обусловлена случайной распространённостью того или иного корня в данном языке и порождены «действием деривационного принципа формального и семантического развития» языка: чистить + *kl*, шутка + *tr*, щеголь + *sw*, пятно + *sm* [Левицкий 2009: 72–73].

Фоносемантические идеи немецких классиков актуальны в настоящее время и развиваются в работах современных ученых (С. В. Воронин, А. Б. Михалёв, В. В. Левицкий, Ж. Колева-Златева и др.).

Изучение звукоподражательности **в немецком языке** проводилось не так активно, как звукосимволизма. Еще В. Вундт и Г. Пауль показали, что в немецком языке звукосимволизм является весьма продуктивным явлением. В немецких исследованиях звукосимволизма можно выделить следующие направления: установление звукоизобразительных универсалий (часто статистическими методами) и экспериментальные психолингвистические исследования, в том числе проблемы фонетического значения, синестезии, звукосимволизма в грамматике.

Теоретическими основами природы и функционирования звукосимволизма занимались многие немецкие ученые [Werner 1932; Sieberer 1947; Kronasser 1952; Ullmann 1964], но, по мнению В. В. Левицкого, не всегда удачно

[Левицкий 2009: 8], что, впрочем, не уменьшает научной значимости этих работ. В немецкой науке накоплен большой опыт изучения цветного слуха (*Farbenhören*) и синестезии (*Synästhesie*). Обзор работ по этой проблеме представлен в работе [Прокофьева 2008].

Большая роль в исследовании синестезии принадлежит А. Веллеку [Wellek 1929, 1930, 1931, 1935, 1936]. В это же время началось активное исследование синестезии в искусстве психологами [Schliebe 1932; Stelzner 1903; Zietz 1935; Henning 1923; Hornbostel 1931; Lenzberg 1923], культурологами и филологами [Siebold 1919–1920; Margis 1910; Martin 1909; Hornbostel 1927; Budde 1989; Rainer 1923; Fischer 1909; Kayser 1932; Brock 1944].

Огромное количество работ посвящено цветному слуху [Révész 1923; Voss 1929; Zietz 1931; Pfister 1912; Anschütz 1925, 1926; Hartmann 1921; Hein 1926; Haselbrock 1935; Hug-Hellmuth 1912; Langenbeck 1913; Lomer 1905; Argelander 1927; Bleuler 1913; Bos 1929 и др.]. По мнению Л. П. Прокофьевой, эти работы заложили основы теории синестезии [Прокофьева 2008].

В современном немецкоязычном научном сообществе вновь возник интерес к этой проблеме в связи с общим вниманием к индивидуальным проявлениям человеческой психики. Среди современных работ следует отметить исследования М. Наверкэмп [Haverkamp 2002, 2003, 2004], где обосновывается модель кросс-модальных связей [Haverkamp 2004]. В Институте нейропсихологии университета Цюриха в последнее время активно изучают цветографемную ассоциативность синестетов, говорящих на немецком языке как родном. Отмечается зависимость ассоциаций от таких признаков, как положение букв в алфавите, частотность в речи и письменном тексте [Beeli 2007]. Активно исследуются синестетические связи в искусстве [Pütz 1995; Maur 1999; Teichmann 1990; Würtenberger 1979; Engelen 1966; Günther 1994; Jewanski 1996, 1997; Löef 1974; Truman 1983; Aschenbrenner 1975].

Изучение фонетического значения также имеет давнюю историю. Среди ранних исследований можно отметить экспериментальное исследование Г. Мюллера, который обнаружил связь между определенными звучаниями и понятиями [Müller 1935]. Лексические исследования и устойчивость ассоциаций между /i/ и лексикой «малости» проведены и показаны М. Вандруш-

кой [Wandruszka 1954]. В сопоставительном плане изучается фонетическое значение (*Lautbedeutsamkeit*) С. Эртелем: статистическое исследование проводится на материале 37 языков, экспрессивный звуко символизм – 25 языков [Ertel 1972; Ertel, Dorst 1965]. Полученные результаты позволяют говорить об универсальном характере звуко символизма.

Звуко символизм в грамматике также рассматривался в немецкоязычных работах: это редупликация и семантика множественности, повторения, увеличение размера или интенсивности [Cassirer 1923]; установлено, что более ранние формы обладают большей звуко символической выразительностью [Ertel 1969]; в сильных глаголах в германских языках передние гласные чаще встречаются в формах настоящего времени, а задние – в формах прошедшего [Louden 2000].

Большая заслуга в исследовании звуко символизма на материале немецкого языка (в том числе в сопоставительном плане) принадлежит В. В. Левицкому и его школе. Исследованы символические свойства гласных и согласных немецкого языка (часто в сопоставлении с другими языками), соотношение фонетического и коннотативного значения слова, фонетическое значение и мотивированность, а также семантические и стилистические функции сочетаний фонем [Кушнерик 1987; Найдеш 1998, 2000; Левицкий 1983; Левицкий 1986; Жерновой, Левицкий 1988; Комарницкая 1985; Львова 2004 и др.].

Богатый материал по немецкой звукоизобразительности можно найти в работах А. Б. Михалёва и его учеников [Тамбиева 2003; Зимова 2005; Данилова 2007; Джукаева 2010а, 2010б и др.], которые проводят сопоставительные исследования согласно теории фоносемантического поля [Михалёв 1995].

Немецкий и русский материал часто используется в качестве сопоставительного: русский, английский и абазинский [Тамбиева 2003], немецкий и новогреческий [Зимова 2005], чеченский, русский и немецкий [Джукаева 2010а], однако указанные работы не содержат специального системного описания ЗИС немецкого и русского языков.

Таким образом, исследование звуко символизма имеет в германистике давнюю и богатую историю, полученные результаты впечатляют. Для нашей работы результаты, полученные в этих исследованиях, могут служить хоро-

шей сопоставительной базой (звукосимволизм – звукоподражательность), тем самым, с одной стороны, повышая степень достоверности полученных нами результатов, с другой стороны – позволяя накапливать материал для доказательства тезиса о принципиальной иконичности языкового знака.

Звукосимволизм **в русском языке** исследовался преимущественно в сопоставительном аспекте в работах А. П. Журавлева, В. В. Левицкого, А. Б. Михалёва, Л. П. Прокофьевой и др.

В. В. Левицкий, применяя экспериментально-статистический метод к анализу словарного состава 53 родственных и неродственных языков, приходит к выводам: 1) о различии символического потенциала у конкретных гласных и согласных, а также у их дифференциальных признаков; 2) о различии символической активности между определенными шкалами (твердости, гладкости, активности, света, формы, размера, температуры, оценки); 3) о вокалической или консонантной предпочтительности в символизации различных шкал; 4) о статистически значимой корреляции между шкалами и сходными фонетическими единицами в различных неродственных языках; 5) о статистических звукосимволических универсалиях; 6) о различной символической активности разных полюсов одной и той же шкалы [Левицкий 1998: 45–46. Цит. по: Михалёв 2012].

А. П. Журавлев, применяя метод «семантического дифференциала» Ч. Осгуда к звукам русского языка [Журавлев 1974], развивает идею фонетического значения, которое обнаружилось в результате эксперимента как «предпочтения» звуко-смысловых соответствий, выраженных количественно. Каждому звуку было приписано определенное место в смысловом пространстве предложенных шкал. Причем наиболее релевантными были признаны шкалы «сила», «активность», «оценка» [Михалёв 2012].

Л. П. Прокофьева, используя методику А. П. Журавлева, исследует феномен звуко-цветовой ассоциативности на материале русского и английского языков с помощью специальных компьютерных программ [Прокофьева 2007].

В русле объективного звукосимволизма проводятся исследования фоносемантических полей в различных языках (в том числе и в русском) в работах А. Б. Михалёва [Михалёв 1995, 1999, 2006, 2007а, 2008б, 2009б].

Как указывалось выше, при исследовании звукоимитизма русский язык часто используется в качестве сопоставительного материала [Тамбиева 2003; Колева-Златева 2008; Никрошкина 2010 и др.].

Таким образом, звукоимитизм на материале русского языка исследуется весьма активно в русле сопоставительных исследований.

3. Грамматический статус фоносемантических маргиналий

В настоящее время вопрос о частеречном статусе звукоподражаний и междометий не решен: ономатопои и междометия с давних пор объединяют в один класс (в русском языке – междометий, в немецком – интеръективов).

В немецких интеръективах на основе семантики выделяются слова, выражающие эмоции, слова-команды и звукоподражания [Burkhardt 1998: 44].

Традиционно в немецкой лингвистике существует широкое и узкое понимание междометия. В широком понимании под интеръективами понимаются слова для выражения чувств (*ach, au*), звукоподражания (*bum, knack*), слова клича и отгона животных (*hüh, hott*), а также вторичные междометия (*Donnerwetter!; O Mann!*). В одной из первых классификаций Я. Гримма интеръективы включают: а) возгласы для страстного выражения чувств; б) подражания звукам природы; в) слова клича и отгона животных [Приводится по: Ehlich 1986: 23; Reisigl 1999: 16–17].

В узком понимании интеръективами считаются слова для выражения чувств (*Empfindungswörter*) [Trabant 1983, Burkhardt 1982, Duden 1995]. Остальные группы (ономатопоэтика, слова клича и отгона животных, вторичные междометия) исключаются из состава интеръективов [Trabant 1983: 69].

С 70-х гг. XX в. в немецкой лингвистике обсуждается проблема разграничения частиц и междометий. В грамматике Duden такие единицы языка, как *ahoi, pst, sch*, которые традиционно считаются интеръективами, относятся к разговорным частицам (*Gesprächspartikel*) [Duden 1995]. А. Burkhardt, выдвигая в качестве основного критерия эмоциональность междометий, единицы языка *hm, na*, которые имеют функцию регулирования речи (*redegliedernde Funktion*), *pst, sst, still, schnauze, husch, dalli dalli*, которые выражают приказы, просьбы, угрозы, а также команды животным *hüh, brr, hopp*,

также считает разговорными частицами (*Sprechhandlungspartikel*) [Burkhardt 1982: 155]. Е.-М. Willkor считает, что междометия *ach, ah, oh, hm, tja* могут выполнять функцию частиц, т.е. участвовать в организации речевого акта [Willkor 1988: 59].

В немецкой лингвистике пытаются разграничить междометия и рефлексивные звуки, хотя границы между ними нечеткие. Так, зевание может обозначать скуку, покашливание может быть сигналом для привлечения внимания собеседника [Wilde 1978: 17]; выдох может обозначать презрение, плевание – отвращение [Nübling 2004: 25]. Междометия *rah, pfui* содержат рефлексивные звуки. Так, фонема /p/ в данных междометиях первоначально имитировала звук при плевании, отрыжке [Burkhardt 1998: 53; 56]. В словаре *Duden* междометия *rah, pfui* зафиксированы соответственно как возглас презрения и возмущения, отвращения [Duden]. В междометиях *pst, pscht* фонемы /s/ и /S/ имитируют шепот. С помощью этих глухих фрикативных звуко-символически выражается требование к тишине [Yang 2001: 48–49].

Исследователи немецких интеръективов D. Nübling и Ch. Yang (в сопоставлении с китайским языком) различают прототипические междометия, которые служат для экспрессивного выражения эмоций, и прототипические ономаины, первичной функцией которых является имитация звуков действительности [Nübling 2004; Yang 2001].

Таким образом, в германистике происходит разграничение типов фоносемантических маргиналий в рамках специальных исследований.

В русском языке, как и в немецком, существовали разногласия относительно грамматического статуса звукоподражаний. Некоторые исследователи (А. М. Пешковский, С. А. Абакумов, И. Г. Милославский и др.), не считают звукоподражания словами. Другие (Ю. С. Маслов, Л. Я. Маловицкий, М. И. Фомина, Л. И. Рахманова, Б. П. Ардентов, О. П. Суник, А. И. Германович, Г. В. Дагуров и др.), считают что звукоподражания представляют собой самостоятельную часть речи [Шляхова 1991; Курашкина 2007]. Традиционно русские звукоподражания, как и немецкие, включаются в разряд междометий.

В русской традиции долгое время не было четких критериев разграничения звукоподражательных и звукосимволических слов. Так, А. И. Германович среди «междометных глаголов» выделяет и звукоподражания (*бух, трах, хрусть*) и звукосимволические слова (*глядь, нырь*) [Германович 1961]. В. В. Виноградов в состав глагольных междометий включает «воспроизводящие или звукоподражательные слова (*бац, хруп*)» и «междометные глагольные формы (*хлоп, шасть, трах, фью*)» [Виноградов 1986: 622], однако последние также звукоподражательны. В ГР-80 формы типа *тресь, хлесь* включены в состав глагольных междометий, а в разряд звукоподражаний – слова типа *кувырк*.

Большинство лингвистов (М. В. Ломоносов, А. А. Барсов, И. И. Срезневский, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, А. М. Пешковский, А. И. Германович, Е. Д. Поливанов, А. В. Бондарко, В. А. Белошапкова и др.) указывают на глагольность рассматриваемых образований, однако и здесь нет единства мнений. Так, А. В. Исаченко определяет их как формы, не имеющие «никаких специфических глагольных морфологических показателей, абсолютно атемпоральные и лишенные каких бы ни было “видовых” значений» [Исаченко 1960: 507]. А. В. Бондарко полагает, что эти формы связаны с глагольной лексической аспектуальностью, выражая мгновенно-интенсивный способ действия; отличаются темпоральностью, модальностью и персональностью, в совокупности которых находит выражение предикативность предложения [Бондарко, Буланин 1967: 50, 149]. На наш взгляд, полярные точки на природу этих форм связаны именно с их маргинальным характером.

Введенный С. С. Шляховой термин «фоносемантическая маргиналия» позволяет объединить все рассматриваемые формы в один класс на общем основании – звукоизобразительности [Шляхова 2005].

Таким образом, в узкоспециальной литературе немецкие и русские ономотопеи выделяются в отдельный класс (отличаются от междометий, слов клича и отгона, частиц и т.п.), что, однако, не находит отражения в грамматиках и лексикографической практике.

4. Проблемы типологии оноματοпов

4.1. Типология оноματοпов

В немецком языке существует множество типологий фоносемантических маргиналий. W. Wundt различает по лексическому критерию первичные и вторичные междометия (*O Mann!*). К первичным междометиям относятся слова для выражения чувств, т.е. первичные междометия (*ach, pfui*), а также оноματοпозитика (*plumps, peng*). Первичные междометия возникли из природных звуков животных и человека и «первичны, потому что полностью сохранили характер звуков природы» [Wundt 1900: 303]. Оноματοпозитика также относится к первичным междометиям, потому что включает звукоподражания другим шумам (*plumps, peng*).

Г. Вайнрих выделяет три группы междометий: ситуативные, экспрессивные и имитативные звукоподражания [Weinrich 1993: 858–860]. В. Т. Косов выделяет истинные (*ah, ach, aha* и др.), звукоподражательные (*bauz, pardauz, klippklapp* и др.) и производные (*Donnerwetter, Gott* и др.) междометия [Косов 1963]. В этой классификации смешиваются разные критерии [Бабаева 2008: 161].

Д. А. Штелинг выделяет в междометиях эмоциональную (выражают чувства: *wehe mir, hurra, oh*) и императивную (выражают волеизъявления: *hush, pst, sch, na*) подгруппы. В эмоциональных междометиях разграничиваются ситуативные (выражают чувства вообще, значение раскрывается из контекста: *mein gott, Heiliger Moses, Jesus Christ*) и значимые (выражают конкретные чувства или определенное отношение к действительности: *o weh* (уныние) [Штелинг 1996: 42]. Звукоподражания в данной классификации не выделяются, хотя имеют место в иллюстративном материале: *wehe, oh, hush, pst, sch, na*.

Слова, которые обозначают различные шумы, M. Groß делит на 1) собственно оноματοпы (*eigentliche Onomatopoeitika*), которые обозначают исключительно шум (*plumps; ticktack*), 2) интегрированные оноματοпы (*integrierte Onomatopoeitika*), которые указывают на объект или внешнюю акустическую оценку шума или источника шума (*Geplätscher, Geklirr*), и 3) звукоподража-

тельные слова (*lautmalende Wörter*), которые обозначают шумы, действия или объекты, связанные с шумами (*piepsen; quietschen*) [Groß 1988: 243–244]. В данной классификации ономапопеи подразделяются по частям речи: сущ. *Geplätscher, Geklirr*, глаг. *piepsen; quietschen*. Достоинством данной типологии представляется выделение собственно ономатопопов (*plumps; ticktack*), которые мы называем фоносемантическими маргиналиями. Существительные и глаголы по фоносемантическому закону кросс-уровневой контактности можно рассматривать в одной группе ономатопопов.

С. А. Филимоненко выделяет в немецких звукоподражательных глаголах пять групп: 1) природные звуки: *plätschern vi* “журчать”; *tro(ö)pfen vi* “капать”; 2) антропоцентричная группа: *gurgeln vi* “полоскать горло”; *kichern vi* “хихикать”; 3) анимальная группа: *bläffen vi* “лаять”; *bähen vi* “блеять”; 4) звуки, издаваемые рукотворными предметами и механизмами: *flöten vi* “играть на флейте”; *orgeln vi* “играть на органе”; 5) смешанный тип (источником звука выступают природа, человек, животное или механизм): *kratzen vt* “царапать”; *grapschen vt* разг. “жадно хватать, цапать” [Филимоненко 2008].

Отдельного внимания заслуживает классификация «интеръективного спектра» D. Nübling, в которой разграничиваются интеръективы и ономапопэтика. Прототипический центр интеръективов образуют первичные (эмотивно-экспрессивные) (*ach, au*) и императивные (*he, pst*) интеръективы. К интеръективам относятся вторичные междометия (*oh Gott, Donnerwetter*), а также «глаголы без окончания» (*Inflektiven*) (*ächz, würg*). В центре звукоподражаний находится ономапопэтика (*tatütata, klingeling, muh, miau, glidelitt* (Handy)). В отдельные группы выделяются детские слова (*Wauwau, brumbrum*) и ономапопеические лексемы (*onomatop. lexeme*) (*Knall, Kuckuck, flüestern, tschilpen*). Слова *äh, ne* квалифицируются как частицы [Nübling 2004].

D. Nübling располагает немецкие интеръективы в порядке возрастания иконичности: в начале полностью произвольные ономапопеические лексемы (*Knall, Kuckuck, flüestern, tschilpen*), затем детские слова (*Wauwau, brumbrum*), в конце – ономапопэтика (*tatütata, klingeling, muh, miau, glidelitt* (Handy)). Причем *tatütata* – конвенциональное, а *glidelitt* – ad-hoc образование.

На наш взгляд, все приведенные слова являются в равной степени звукоподражательными, однако заслуживает внимание попытка автора установить нарастание / угасание степени иконичности исследуемых слов. Прототипические междометия (*ach, Au, ih, igitt, juhu*), как справедливо отмечает автор, обладают эмоциональностью. К прототипическим междометиям также относятся *pfui, puh, hui, brr, bäh*, которые, по D. Nübling, содержат ономотопеические структуры [Nübling 2004: 14].

По нашему мнению, эти слова являются звукоподражаниями, которые могут иметь междометное значение: ср. **bäh** lautm. “блеяние овцы”. *Fries schaute hin, der Bock schaute her; seine Lichter waren starr auf die verdächtige Erscheinung gerichtet. «Bäh... bäh... bääh!» Er schallte und sprang weg* (GB: L. Toma); **bäh** int обозначает и/или указывает на брезгливость, презрение. *Guck mich doch nicht so blöd an! – Bäh!*

Так называемой интеръективностью, по D. Nübling, обладают также междометные наречия *schwupp, ruckzuck, peng*, именные основы *Trübsal! Frust!* “тоска!”, возгласы приветствия, пожелания *hallo, he, prost*, слова клича и отгона животных *hü, hott, putputput*, разговорные частицы *mhmh, hm, wa, gell*.

Итак, классификация, предложенная D. Nübling, является многомерной: разграничиваются междометия, которые отличаются эмоциональностью, и звукоподражания, для которых характерна иконичность, ономотопеическая организация, а также частицы и наречия.

Однако для существующих классификаций немецких интеръективов характерен очевидный разрыв взаимосвязи содержания и его формального выражения, хотя некоторые авторы (A. Burkhardt, D. Nübling) пытаются установить соотношение звуковой оболочки фоносемантической единицы с ее содержанием. Отсутствуют четкие критерии разграничения звукоподражаний, междометий, частиц, производных междометий и пр., несколько размыты собственно фоносемантические позиции в классификации.

Целесообразнее, на наш взгляд, данные языковые единицы классифицировать на основе универсальной классификации ономотопов. Так, в типологии D. Nübling можно выделить акустические ономотопы *Knall, tatütata*,

klingeling, glidelitt, а также звуки животных *muh, miau, Wauwau, brumbrum*, которые мы относим к артикуляторным ономатопам.

Таким образом, анализ типологии немецких интеръективов показал, что данный материал не получил характеристику в собственно фоносемантическом аспекте.

В русском языке существует несколько классификаций по разным основаниям [Шляхова 1991]: 1) *стилистическая*: традиционные, малоупотребительные, специальные (орнитологические) [Карпухин 1979]; 2) *структурная*: простые (один слог) и сложные (два и более слога) [Там же]; 3) *семантическая*: подражания произвольным звукам человека, голосам животных и птиц, звуковым явлениям природы, звукам неодушевленных предметов [Германович 1961; Карпухин 1979]. Данная классификация охватывает сферу акустического денотата; квалифицируются аномальные формы, но не включаются многие первообразные звукоподражания, междометия и междометные глаголы.

Классификация на основании денотативной соотнесенности в сфере акустического денотата принадлежит Ю. Казарину, она включает все единицы звукоподражательной подсистемы ЗИС русского языка независимо от их морфологической оформленности: 1) *натурфакты* – звуки, производимые атмосферными явлениями (ветер, снег, вода, осыпь камней, горные лавины, ледостав и т.п.); 2) *артефакты* – звуки, производимые неодушевленными предметами, машинами, механизмами, приспособлениями искусственного происхождения (шум поезда, автомашины; стук молотка, кайла; рев реактивного двигателя и т.п.); 3) *фитофакты* – звуки, производимые растениями (проращивание, рост, высыхание, разрушение и т.п.); 4) *зоофакты* – звуки, производимые живыми существами (не человеком), насекомыми, животными: движение, взаимодействие, поедание, воздействие на окружающую среду, звуки, производимые конечностями (крыльями, лапами и т.п.); голоса животных и т.п.; 5) *антропофакты* – звуки, производимые голосом человека, а также его частями тела и организмом в целом: говорение/ речь; крик; плач; смех; движение; падение и т.п. [Казарин 2000: 163 и след.].

Достоинством этой классификации является выделение «общих денотативных зон» в сферах живой и неживой природы («звуки, производимые в

процессе движения, падения, полета и т.п.») и между звучаниями зоофактов и антропофактов («звук, производимый голосом животного и человека, а также живым организмом») [Шляхова 2006: 69–70].

В последних исследованиях [Аваков 2007; Тишина 2010] за основу берется типология Ю. Казарина с некоторыми изменениями и дополнениями. С. А. Аваков выделяет в отдельные группы звуки, издаваемые музыкальным инструментом, и звуки, издаваемые огнестрельным оружием [Аваков 2007].

Ономатопы русского языка в тематической классификации Е. В. Тишиной распределяются на пять групп [Тишина 2010]: 1) вслед за С. С. Шляховой выделяются ономатопы говорения – лингвофонации: *тараторить, бормотать, гундосить* и пр.; 2) зоофонации: *кулик, цапля, свинья, фыркать, жук, пчела* и пр.; 3) антропофонации: *хохотать, топать, царапать, шлеп, бам, хлоп, пух* и пр.; 4) натурофонации: *ключ, журчать, гроыхать, хруст* и пр.; 5) технофонации: *драндулет, пи-бип, чихать* (о двигателе) и пр.

В отдельную группу Е. В. Тишина включает ономатопы, которые утратили звукообраз в процессе исторического развития слова и не соотносятся с какими-либо фонациями (*аляповатый, прапорищик, чепец* и т.д.). По степени проявления звукообраза Е. В. Тишина выделяет: 1) слова с ярким проявлением звукообраза: *кукареку, хи-хи-хи, ква-ква, ам*; 2) лексемы, мотивированные единицами первой группы: *каркать, хрюкать, кукушка, цапнуть, стукнуть*. Звукообраз в данных словах проявляется, но слова приобретают вторичную семантику, деривационное оформление, грамматический статус, происходит процесс лексикализации; 3) звукоподражания осознаются носителями языка лишь на интуитивном уровне за счет частичного воссоздания звукообраза или формальных показателей звукоподражательности (некоторых исторических суффиксов, редупликации и др.): *дребезжать* (*др-, -жж*), *брызгать* (*бр-, -зг-*), *балаболить* (*бал-/бол-*), *тараторить* (*тар-/тор-*), а также *шуршать, греметь, драндулет*; 4) ономатопы утратили свой первоначальный образ окончательно: *скала, щель, клёст, синица, прапорищик, черта, чепец* и мн. др. [Тишина 2010].

Е. В. Тишина отмечает постепенную утрату примарной мотивированности, что, на наш взгляд, представляется принципиально верным, однако введение термина *звукообраз* «уводит» в сферу литературоведения, а понятие

образ размыто и неопределенно. Здесь можно говорить о мотивации, иконизме, примарной мотивированности, осознаваемой или утраченной.

На основе ассоциативных связей И. А. Шаронов разделяет звукоподражательные слова на четыре группы [Шаронов 2009: 160]: 1) слова, однозначно выявляющие объект – источник звучания: слова, называющие домашних или «околодомашних» животных (*хрю-хрю, кар-кар, ква-ква*), артефакты (*дин-дон, тик-так, чик-чик*) и произвольные звуковые реакции человека (*тьфу, брр, апчи*); 2) слова с устойчивой и хорошо известной носителям языка формой, но имеющие ассоциации звучания с разными объектами-источниками (*пых-пых; буль-буль, дзинь, шмяк*). *Пых* “звук, раздающийся из котла паровоза, из кастрюли с кашей, вспышек угасающего фитиля, тихий всхрап спящего мужчины”; 3) слова без четких ограничений на денотативную область источников звука (*ух* “резкий низкий звук (от удара, выстрела, разрыва)”, *бац* “короткий сильный и резкий звук”). Эти слова могут обозначать звук удара, падения, выстрела, а также иметь значение неожиданности, внезапности и неподготовленности действия. Слова данной группы не имеют ассоциативной связи с источником звука; 4) необычные звуковые сочетания, также не имеющие ассоциативных связей с источником звука: *бим, бам, пинь-пинь-пинь*. Это окказиональные, авторские слова, производимые от случая к случаю с целью максимально приблизить передачу какого-либо неязыкового звука.

Семантически И. А. Шаронов подразделяет звукоподражательные слова на две группы: 1) слова, не передающие эмоций человека: «*Кхе-кхе! Апчи!*» (С. Шац. Нос (не по Гоголю)); 2) слова, передающие эмоции человека. Ср.: «*Тю!* – удивленно присвистнул старик» (А. Грачев. Ордер на смерть). И. А. Шаронов справедливо отмечает, что одно и то же слово в разных ситуациях может быть отнесено либо к группе звукоподражаний, либо к группе междометий. Данная классификация единиц, по мнению ее автора, релевантна для их восприятия в тексте [Шаронов 2009: 161].

Таким образом, в существующих классификациях русской ономапии выделение групп ономапов проводится на основании семантического критерия, источника звука, проявления звукообраза, тогда как соотношение звуковой оболочки фоносемантической единицы с ее содержанием (отличитель-

ная и принципиально значимая черта) остается здесь за пределами осмысления. Отсутствуют четкие критерии разграничения звукоподражаний, звуко-символических слов и междометий.

Более естественной представляется типология по отношению к денотату с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов (в первую очередь акустики и психоакустики). Если для изображения звуков, производимых человеком, эта возможность «чрезвычайно проста, т.к. имитацией естественного звука, производимого человеческим ртом и носом, является в сущности его намеренное повторение, воспроизведение, очень мало страдающее в отношении натуральности (например, чихание, хохот)» [Газов-Гинзберг 1965: 27], то в других случаях «человек, создающий звукоподражательное слово, должен расчленивать неартикулируемый поток звуков на фонемно-членимый комплекс» [Серебренников 1977: 182].

Целесообразной является типология не по конкретному звучанию (музыкальные, технические, природные и пр. звучания), а по типу звучания [Воронин 1982]. Признак звука, лежащий в основе номинации, может иметь артикуляторный и акустический характер, на основании чего выделяются артикуляторные («внутреннее» звукоизображение) и акустические («внешнее» звукоизображение) ономатопы [Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982].

4.2. Звукоподражательность и звуко-символизм: проблема разграничения

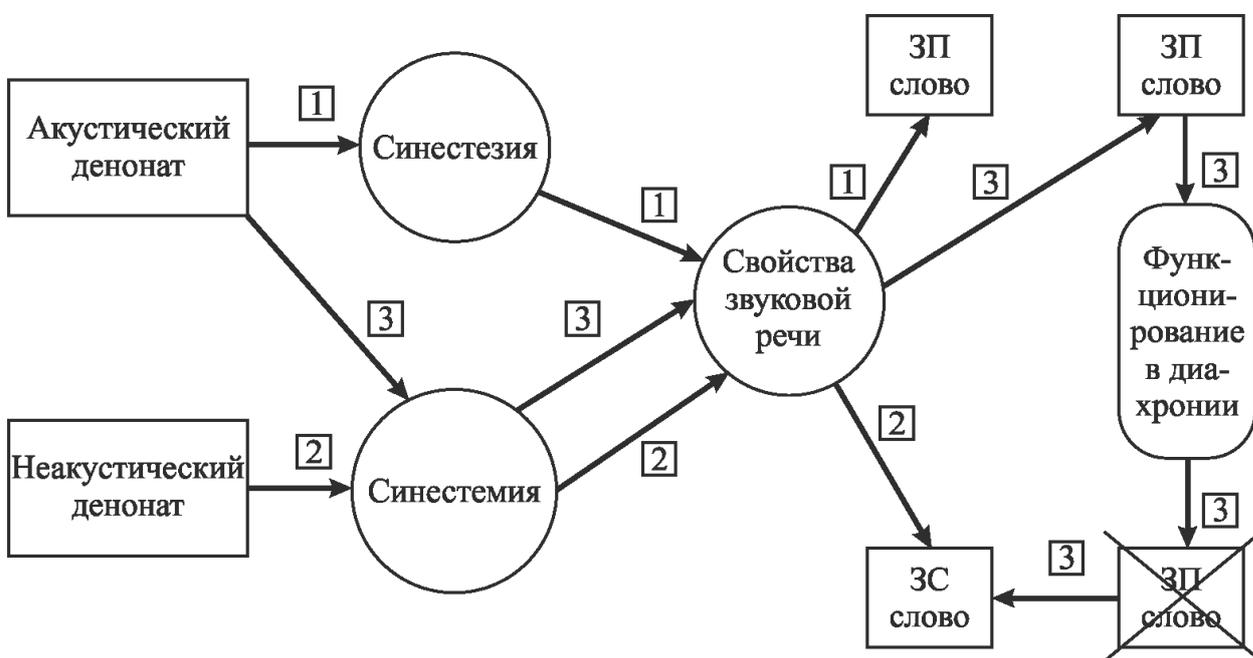
По мнению С. С. Шляховой, любое изучение звуко-символизма неизбежно «спотыкается» о звукоподражания, а любая онома-топия в конечном счете «дора-стает» до звуко-символических абстракций [Шляхова 2012]. Удивительным свойством онома-топии является ее способность разворачивать любой звук до масштаба Вселенной. Многие авторы [Wescott 1971; Воронин 1982; Газов-Гинзберг 1965 и др.] говорят о том, что в основе всякого звуко-символизма в том или ином виде лежит иконизм, поскольку «стремлением к иконичности реализуется принцип когнитивной экономии» [Колева-Златева 2008: 43].

Для нашего исследования вопрос о разграничении звукоподражательности и звуко-символизма важен в контексте выделения единиц исследования: к

ономатопее мы относили слова, звукоподражательные по своему происхождению (которое устанавливалось посредством фоносемантического этимологического анализа). По Е. В. Тишиной это ономатопы с утраченным звукообразом [Тишина 2010].

На рис. 1 представлены механизмы образования иконических слов. В случае *ономатопеи* звук реальности соотносится с речевым звуком: *акустический денотат* > *синестезия* > *свойства звуков речи* > *звукоподражательное слово*. В случае *звукосимволизма* со звуком речи соотносится ощущение, впечатление эмоция: *неакустический денотат* > *синестемия* > *свойства звуков речи* > *звукосимволическое слово*. В случае, когда ономатопея обретает звукосимволическое значение, обычно говорят о вторичном звуковом символизме.

Вслед за С. С. Шляховой мы полагаем, что существует третий механизм перехода звука реальности в звукосимволическое слово: *акустический денотат* > *синестемия* > *свойства звуков речи* > *звукоподражательное слово* > *функционирование в диахронии* > *утрата связи с акустическим денотатом* > *звукосимволическое слово* (см. рис. 1).

- 1 – механизм перехода акустического денотата в звукоподражательное слово;
- 2 – механизм перехода неакустического денотата в звукосимволическое слово;
- 3 – механизм перехода акустического денотата в звукосимволическое слово

Рис. 1

Описанный механизм частично объясняет тот факт, что одно и то же слово может быть как звукоподражательным, так и звукосимволическим [Шляхова 2012: 78]. Например, звуки грозы, грома (страх) > грозный (страшный); звуки дыхания > идея жизни; звуковые признаки болезни (кашель, стон) – понятие «больной», «болезнь»; действие (удар, рассечение) > результат и атрибуты этого действия (осколки, обрубки, орудие действия) и пр.

Ж. Колева-Златева комментирует сомнительность связи звуковой семантики «гром, гроза» и незвуковой семантики «страшный, ужас»: словацк. *hrô-z-a* “ужас”, в.-луж. *hro-z-a* “ужас, страх”, н.-луж. *hro-z-a* “ужас, страх, испуг”, польск. *gro-z-a* устар. “страх, ужас, тревога, испуг; редк. отвращение”, русск. *гро-з-á* “гром и молния с дождем или градом”, диал. “гром; молния; о грозовой туче; угроза; грозная власть; грозный человек; предмет, которым бьют, угрожают; бой, битва; вред”, укр. *гро-з-á* “гроза; угроза” – возможно, цитированные здесь слова принадлежат к разным этимологическим гнездам – звукоподражательного («гром») и звукосимволического («страшный») слова; являются оноματοпоэтическими образоподражательными словами. Согласно [ЭССЯ, VII: 141], данные слова имеют звукоподражательное происхождение от **g-r-g/*g-r-g'*; приведено сравнение с гр. *γορ-γ-ός* “ужасный, дикий”. Не объяснена связь между «звуковым» значением этимона и значением ‘страшный’ [Колева-Златева 2008: 213].

Однако ср. 1) звуки удара (рус. *гром*), звон (нем. *bat*) > нем. *Bammel* “беспокойство, опасения; боязнь, страх”; рус. *грозный* “страшный”; 2) звук рычания, жужжания (нем. *brummen* “рычать; реветь, гудеть, жужжать”) > нем. *Brummer* “тюрьма”; 3) звук дыхания (нем. *hauchen* “дуть; (тихо) дышать”; рус. *дышать*) > идея жизни: нем. *Freude hauchen* “дышать радостью”; *Leben in den Körper hauchen* “вдохнуть жизнь в кого-л.”; рус. *дышать* “существовать, жить”.

Эти связи, в свою очередь, порождают дальнейшую семантическую эволюцию, практически полностью отрываясь от мотивированности звуком [Шляхова 2012: 78–79]. Данные примеры иллюстрируют одно из базовых положений фоносемантики (закон относительной денатурализации языкового знака): эволюционируя, слово утрачивает звуковую мотивацию, полностью

отрываясь от этимона-звукоподражания: рус. *астма* < и.-е. *ue-s-* “тяжело дышать, дыхание” [Черных, 1: 56]; *бомба* < из греч. βόμβος “глухой шум, звук, гудение, грохот” [Черных, 1: 102; Фасмер, 1: 191]; *вдохновение, дохлый, душить, затхлый, хорек* ст. знач. *вдыхание* < дух [Черных, 1: 136, 318; 2: 351]; *фуфайка* < фукать “дуть, дышать теплом” [Черных 2: 329]; *хвалить* < о.-с. *chval- “говорить, кричать” < и.-е. *(s)k^hēl- “звать, звенеть, звонить” [Черных 2: 335]; *хищный* < и.-е. *skut- “резать, скрести, царапать” [Черных 2: 341]; *ерепениться* < старш. знач., по-видимому, “ворчать на кого-л.”, этимологич. Может быть связано с “ропот” [Черных, 1: 285]; *забота* < связано с зобать “хлебать, торопливо есть” > “то, что ест, грызет” [Черных 1: 311]; *конец* < 1) и.-е. *(s)ken(d)- “рассекать” 2) и.-е. *kens- “издавать звуки” [Маковский 1996: 58]; *огромный* < огром “пространство, охваченное громом, на котором слышен звук грома” [ЭИПРЯ, 3: 69] и т.п.

Ж. Колева-Златева предупреждает об опасности увлеченности исследователя формальным сходством: «Если наблюдается формальное совпадение или сходство между звукоподражательными глаголами, в частности, глаголами со значением “издавать невнятные звуки, бормотать” и глаголами со значением “двигаться хаотически, кишеть”, то это не является доказательством прямой связи между данными значениями. Первые основаны на звукоподражании, их звуковая форма создает представление о звуковом образе, а вторые – на образоподражании, их звуковая форма создает представление о незвуковом образе, воспринимаемом зрительным анализатором. Общей для них является прямая связь между означающим и означаемым, т.е. фонетический способ мотивации, а также использование одних и тех же звуковых комплексов и одного и того же примитивного словообразовательного способа – редупликации. Это иногда приводит к формальному сходству и даже тождеству между звукоподражательными и образоподражательными словами, что влечет за собой ошибочные гипотезы о родстве между значениями, созданными на базе звукоподражания и образоподражания» [Колева-Златева 2008: 280].

В то же время фоносемантика рассматривает любые звуковые совпадения как неслучайные. Ср. русские X-слова: «*Холм, хлопок, хомяк, харя, хо-*

лить, хороший. Первые четыре слова в этой группе объединены общим признаком “округлый”. *Холить* значит “гладить”, а признак “гладкий” соотносится с “округлым”. В свою очередь, “гладкий” ассоциируется с приятным, что устанавливает связь со словом *хороший*» [Михалёв 2012].

На материале этимологического словаря индоевропейских языков В. В. Левицким построено фоносемантическое поле индоевропейского праязыка [Левицкий 2009: 78], которое формируется как звукоподражательными, так и звукосимволическими значениями. Статистическому анализу были подвергнуты индоевропейские корни с начальными двух- и трехфонемными сочетаниями (по данным словаря Ю. Покорного). Так, сочетание *br-* связано в немецком языке с такими значениями: “дробь”, “крошить”, “рычать”, “чваниться”; в английском языке: “ссора”, “ломать”, “хрупкий”, “грубый”, “храбрый”, “ясный”, “живой”, “веселый”, “чистить”, “скоба”. В индоевропейском праязыке *bhr-* (и.-е. *Bhr-* = герм. *br-*) обнаруживает такие связи: “разрушать”, “движение”, “сиять, блестеть”, “пухнуть, набухать”. Можно считать, что семантические наборы *bhr-/br-* в трех экспериментах (английский и немецкий язык, индоевропейский праязык) совпадают; общими являются компоненты “разрушать”, “дрожать”, “чваниться” (“набухать”), “живой”, “храбрый” (“движение”?), “сиять, блестеть” [Левицкий 2009: 76–77].

В западной лингвистике, несмотря на то что различают *Sound Iconism* (имитации звуковой стороны объекта, явления или действия) и *Sound Symbolism* (символизации означаемого звуковым жестом, или способом артикуляции), оппозиции «звукоподражания – звукосимволические слова» часто не придают значения, выстраивая типологии без учета характера единиц – носителей звукоизобразительного значения. Ономапопея включается в типологии звукоизобразительных явлений наряду с акустическим признаком, фонемой или характером интонирования [Hinton, Nichols, Ohala 1994 и др.]. Так, классификация иконических слов на основании фонем М. Магнус включает и ономапопеи, и звукосимволические слова [Magnus 2001].

Примеры наложения, слияния, синкретичности звукоподражательности и звукосимволизма находим у многих авторов. Так, «в ряде языков призывом

к молчанию служит междометие, содержащее в качестве основного элемента губной назализованный согласный звук – *m*: англ. *tum!* “молчи!”; то же итал. *tum!*, в араб. *tah-tah* – междометие, которое Ф. Шультесс трактует как “произносимый со сжатыми губами резонансный звук”; отсюда глагол *tahmaha* “с закрытым ртом, также посредством языка жестов, призывать к тишине”. Таким образом, сомкнутость губ при фонеме *m* символизирует молчание; восходящий через нос воздух подчеркивает эту артануляцию, делает её слышимой и превращает в слово» [Газов-Гинзберг 1965: 49].

Звукосимволическое семантическое пространство немецкой Т-лексики (слова с начальным Т) включает следующие звукоподражательные поля: звукоподражание – 6 %, бить / трогать – 11 %, ступать – 8 % [Михалёв 2007]. Таким образом, фоносемантическое поле немецкой Т-лексики на 25 % состоит из звукоподражательной лексики.

64 % английских диалектных реализаций, объединенных понятием *тело человека*, звукоизобразительны. «Все звукоизобразительные образования оказались звукосимволическими <...> Тем не менее во многих реализациях присутствуют и черты звукоподражательной лексики. Звукоподражательные признаки проявляются, например, в наличии *r*, отражающего многократность и треск при жевании с хрустом» [Швецова 2011].

В немецких междометиях со звукоподражательной основой со спирантом /s/ в ауслауте происходит нейтрализация акустического компонента и приобретение специфических звукосимволических значений [Матасова 2006].

Ж. Колева-Златева указывает, что во многих случаях формально совпадают звукосимволические и звукоподражательные слова, очень часто в рамках одного и того же языка [Колева-Златева 2008: 259]. Ср.: русск. диал. *кол-т-ать* “хромать” и “разговаривать, говорить”, *колтай* “болтун” (цит. по [ФАСМЕР II: 297]); русск. диал. *глу-зд-аться* “медлить, мешкать”, *глу-зд-ать* “скользить” и *глу-зд-еть* “шуметь” [СРНГ, VI: 208]. Такое совпадение Ж. Колева-Златева объясняет 1) ограниченными возможностями ономотопеи, так как количество возможных сочетаний звуков ограничено, 2) тем, что звуковая форма звукоподражаний иногда служит образцом для создания звукосимволических слов.

В то же время Н. В. Дрожащих выявляет универсальные закономерности, присущие процессу самоорганизации иконического пространства языка, которое определяется как система лексических и морфологических единиц, объединенных начальным согласным (инициаль) [Дрожащих 2006: 14].

На сложность разграничения ономотопеи и звукосимволизма указывают многие факты: неразличение этих явлений в иллюстративном материале, сведение их к общему принципу – иконизму, многочисленные этимологии и пр. На наш взгляд, с учетом того, что древний корень имел синкретичную семантику, решать вопрос о первичности или параллельности формирования значений – значит решать вопрос о первичности курицы или яйца.

Так, Ж. Колева-Златева как звукосимволические рассматривает русск. диал. *ко-кúр-ка* “курица”; укр. *ко-кош*, словацк. диал. *ко-коš* “петух”, словен. *ко-кôš*, польск. *ко-коsz* “курица, наседка” [Колева-Златева 2008: 240]. Считаем, что это слова звукоподражательного происхождения, так же как и русск. диал. мн. *бó-б-ики* “кролики”, *бó-б-ки* мн. “зайцы”, которые Ж. Колева-Златева относит к звукосимволизму [Колева-Златева 2008: 239].

Ср. диал. *бобкать, боботать* “издавать звуки, похожие на бо-бо-бо”: *Зайчики-то бобочут, как-ко непонятно: все чё-то бо-бо-бо. Не по-собачьи лает – бобкат: бо-бо-бо. Филлин бобчет*. Ср. орнитолог. филин в брачный период: мощное, низкое, постепенно затухающее *бу-у*. Одновременно с этим русск. *бо-бо* означает “ворчание, бурчание, раздраженную речь”: *Ушла эть она, бо-бо, бобкает, какая-то она шибко злая*. И звукосимволически обозначает и/или указывает на физическое состояние боли, физического дискомфорта: *Бо-бо, Нюточка, ах мы сейчас этот стулик настукаем: тук-тук* (детск. разг.); *Судну ва-ва, море бяка, Море сделало бо-бо* В. Хлебников.

Е. А. Гурджиева выделяет 16 «тематических групп» звукосимволических слов (*ветер, явления природы, бег и ходьба, движение, уродства и физические недостатки, радость и любовь, горе и злость, глупость и безумие* и т.п.) [Гурджиева 1973]. Перечень таких «сфер» был уточнен Л. А. Комарницкой и В. И. Кушнериком [Комарницкая 1985; Кушнерик 1987]. Однако здесь очевидно наложение акустического (*ветер, явления природы*) и неакустического (*радость и любовь*) денотатов.

По данным В. В. Левицкого, в целом развитие индоевропейских формальных и содержательных единиц, т.е. единиц плана выражения и плана со-

держания, характеризуется движением от «диффузного» к «дифференцированному», т.е. соответствует теории, развиваемой Х. Вернером и Б. Капланом. Диффузность в плане содержания на ранних стадиях развития языка находит свое яркое проявление в синкретизме понятий “резать / связывать”, что полностью подтверждено результатами статистического анализа лексики, представленной в этимологическом словаре Ю. Покорного. Движение от диффузности к дифференцированности в плане выражения проявляется в постепенной замене диффузного фонетического (символического) значения звуков расчлененным функциональным значением [Левицкий 2009: 143].

Этимологические исследования говорят о «некогда нерасчлененных ментальных сущностях», «единых синкретических, первоначально нерасчлененных комплексах», к которым восходит множество семантических единиц, возникших в различных индоевропейских языках в процессе развития и дифференциации этих нерасчлененных комплексов. Наблюдения над лексикой древних языков показывают, что упомянутая дифференциация ментальных единиц осуществляется по определенным правилам, регулярно повторяющимся в семантическом развитии различных индоевропейских «корней». Такого рода регулярные изменения получили название «семантические законы» или «семантическая типология» [Левицкий 2009: 70], «семантические переходы» [Зализняк 2009]. На основании этих наблюдений обоснована гипотеза о семантическом синкретизме [Маковский 1989; Левицкий 1997, 2001, 2009].

О синкретизме звукоподражательности и звукосимволизма пишет и сама Ж. Колева-Златева: «С таксономической точки зрения звукосимволические и звукоподражательные слова будем считать разновидностями звукоизобразительных, фонетически мотивированных, оноματοпоэтических слов и иконических знаков». «Л. Во приводит также примеры накладывания звукосимволизма на звукоподражательность, как в случаях с англ. *clink* “о маленьком звуке” и *clank, clunk* “о большом звуке” [Цит. по: Колева-Златева 2008: 65]. Подобные случаи можно рассматривать как проявление вторичного звукосимволизма, если формы взаимосвязаны, или – как своеобразные первичные звукоподражательно-звукосимволические образования» [Колева-Златева 2008: 32, 65].

«Диффузность недеэтимологизированных звукоизобразительных слов можно объяснить эволюционным принципом развития от состояния с отсутствием дифференциации к состоянию с наличием дифференциации и иерархизации. Звукоизобразительные слова в момент своего рождения по шкале своего развития находятся в полюсе с отсутствием дифференциации. Недифференцированность семантики проявляется как диффузность, неопределенность, невозможность различения отдельных компонентов в семантической структуре слова» [Колева-Златева 2008: 59].

Диффузность наиболее очевидна в междометиях, нерасчлененность семантики которых создает проблемы, например, в лексикографической и переводческой практике.

Вслед за С. С. Шляховой считаем, что зыбкость, маргинальность границ между звукоподражательностью и звукоимеваемостью отражает синкретизм древнего мышления, который сохраняется в сфере иконизма по сей день. Все это еще раз показывает необходимость фоносемантических исследований по общим методикам и создания универсального фоносемантического словаря по типу «Митридата» А. К. Аделунга [Шляхова 2012: 82].

«Рассуждать о доисторических категориях в протоязыковой модели мира кажется предприятием фантастическим и неблагодарным. И тем не менее, если руководствоваться принципом генетической звукоизобразительности языка, расценивать факты формального и семантического сходства слов как неслучайные, можно рискнуть <...> восстановить эту модель с большей или меньшей степенью вероятности» [Михалёв 2009б].

5. Выводы по главе

Аналитический обзор литературы по звукоизобразительности в немецком и русском языках позволяет сделать предварительные выводы и выявить следующие проблемы:

1. В славяноязычном дискурсе сложились *фоносемантические школы*, которые ведут разнонаправленные исследования звукоизобразительности на материале разноструктурных языков:

1) Санкт-Петербургская школа С. В. Воронина: исследование звуко-символизма и звукоподражательности как универсальных механизмов. В рамках данного подхода на уровне фоносемантических маргиналий русская онома-топия получила системное описание [Шляхова 2005]. В то же время грамматически оформленные единицы системного фоносемантического описания до сих пор не получили;

2) Пятигорская школа А. Б. Михалёва развивает теорию фоносемантического поля, исследуя преимущественно звуко-символизм. В рамках этих исследований немецкий и русский материал регулярно привлекается в качестве сопоставительного;

3) Черновицкая школа (Украина) В. В. Левицкого последовательно описывает звуко-символические тенденции различных языков. Немецкий и русский материал привлекается в качестве сопоставительного;

4) многочисленные последователи теории фонетического значения А. П. Журавлева, которые используют разработанный им метод в теоретических и практических целях исследования звуко-символизма. В рамках этого подхода в работах Л. П. Прокофьевой [2007, 2008] системное описание получает звуко-цветовая ассоциативность русского и английского языков, где встречаются отдельные замечания относительно немецкого языка.

Таким образом, исследование звукоизобразительности представляется весьма перспективным, в том числе и в сопоставительном аспекте.

2. Несмотря на то что исследование звукоизобразительности в немецком и русском языках имеет богатую историю, *отсутствуют фундаментальные исследования по структуре и составу звукоизобразительной системы языков в целом*. Все существующие исследования затрагивают отдельные фрагменты звуковой картины мира.

Отсутствуют исследования, предлагающие системное описание звуко-подражательной подсистемы ЗИС немецкого языка в целом. Специальные работы, посвященные немецкой звукоизобразительности, ориентированы не на фоносемантическую специфику (исключение – работы О. В. Матасовой, Е. В. Глухаревой), а на грамматические и словообразовательные возможно-

сти лексики, а также ее семантический потенциал. Фоносемантическая интерпретация ономотопеи остается на периферии этих исследований.

В русистике эта подсистема описана более основательно: 1) доказана системность звукоизобразительных единиц русского языка; 2) фоносемантические маргиналии зафиксированы и описаны в специальном словаре [Шляхова 2004]; 3) продолжают этимологические исследования звукоизобразительности; 4) разработана фоносемантическая, семантическая, лексико-семантическая типологии ономотопов; 5) связи между звуком и значением подтверждены экспериментальным путем. Однако исследований звуко-символизма на материале русского языка пока недостаточно.

3. В исследовании звукоизобразительности *требуется решение следующих проблем*: 1) определение системы грамматических, семантических, этимологических, стилистических критериев идентификации звукоизобразительных слов; 2) установление фоносемантических универсалий; 3) описание ЗИС в целом; 4) установление структуры и состава звукоподражательной и звуко-символических подсистем; 5) разработка принципов лексикографического описания фоносемантических маргиналий; 6) выявление соотношения аффиксации, редупликации, апофонии, конверсии, словосложения и звукоизобразительности и пр. Частично эти проблемы решаются в рамках нашего диссертационного исследования.

4. В вопросе *типологии ономотопеи* установлено следующее:

1) для существующих многочисленных классификаций немецкой и русской звукоподражательной лексики характерен очевидный разрыв взаимосвязи содержания и его формального выражения. Выделение групп ономотопов проводится на основании семантического критерия, тогда как соотношение звуковой оболочки единицы с ее содержанием (принципиально значимая черта) не учитывается, т.е. предлагается семантическая, а не фоносемантическая классификация. Классификация по отношению к денотату (на уровне типов звучания) с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов (в первую очередь акустики и психоакустики) представляется более естественной;

2) в русистике введен термин *фоносемантическая маргиналия*, который позволяет объединить все аномальные формы (первообразные междометия, звукоподражания, слова клича и отгона) в один класс на общем основании – звукоизобразительности [Шляхова 2005]. В германистике происходит разграничение различных видов фоносемантических маргиналий в рамках специальных исследований, что, однако, не находит отражения в грамматиках и лексикографической практике.

5. Одной из проблем в исследовании звукоизобразительности является *проблема разграничения ономапопей и звукосимволических слов*:

1) в словарях, грамматиках и даже специальных исследованиях нечетко различаются ономапопей и звукосимволические слова. Декларируя различие этих классов слов, исследователи, как правило, не различают их на уровне материала исследования, в типологиях, системных описаниях;

2) вслед за некоторыми исследователями [Левицкий 2009; Шляхова 2012] считаем, что ономапопея сохраняет свойства некогда «единых синкретических, первоначально нерасчлененных комплексов», к которым восходит множество семантических единиц, возникших в различных индоевропейских языках в процессе развития и дифференциации этих нерасчлененных комплексов. Зыбкость, маргинальность границ между звукоподражательностью и звукосимволизмом отражают синкретизм древнего мышления, который сохраняется в сфере иконизма по сей день. Все это еще раз показывает необходимость фоносемантических исследований по общим методикам [Шляхова 2012].

Установление маргинальности границ и совпадающих семантических полей звукоподражательной и звукосимволической областей позволяет предположить некий универсальный код иконического слова как такового.

6. Исследование *универсальности и специфичности (идиоэтничности) ономапопей* в сопоставительном аспекте склоняют исследователей в сторону идиоэтничности ономапопей или просто отрицания мотивированности языкового знака. В вузовском учебнике «Введение в языкознание» говорится: «Сама по себе материальная оболочка знака в большинстве случаев не имеет ничего общего с тем, что этот знак обозначает» [Глинских, Петрова 1998: 64].

А. Соломоник пишет: «Даже ономотопея, главный аргумент в пользу “естественной” связи между словом и обозначаемым, как еще указывал Аристотель, говорит фактически в пользу произвольности слов как знаков. Если бы ономотопеи имели обязательную, а не произвольную связь с обозначаемым, они были бы одинаковы для всех языков. В действительности они отличаются друг от друга и иногда весьма резко, как знает каждый сведущий лингвист. Да и не лингвист может легко проверить это обстоятельство, сравнив мяуканье, лай, хрюканье и другие ономотопеи в известных ему языках» [Соломоник 1995: 17]. Н. Д. Арутюнова говорит лишь об универсальности «криков беспокойства» и «криков удивления» младенцев [Арутюнова 2000: 9].

На наш взгляд, постановка вопроса о национальной специфике этнической акустической картины мира представляется плодотворной и целесообразной [Казарин 2000; Аваков 2007], однако актуализация специфического часто не позволяет авторам выйти к языковым универсалиям.

Так, Ю. Казарин демонстрирует «наличие существенных несоответствий в сфере языковой “синонимии” звукоподражательной лексики двух разных языков» несовпадениями такого рода: свинья *хрюкать*, *хрю-хрю* (рус.) и *grunt, squeel* (англ.) и др. [Казарин 2000: 164–165]. Ср. также, на первый взгляд различные, но сопоставимые на уровне фонемотипа: рус. *хрюкать*, *хрю-хрю*, англ. *grunt, squeel*, коми-перм. *рёк-рёк*, алб. *murmurg*, хорв. *rokrati*, болг. *груктя*, чеш. *vrčeni*, дат. *grunt*, фр. *Grogner*, индонез. *berdengkur*, итал. *grugnito*, порт. *grunhir*, нем. *Grunzen* “о хрюканье”. С позиций фоносемантики говорить о существенных несоответствиях этих слов не представляется возможным, ибо все единицы структурируются на основе вибранта и заднеязычных согласных, а также часто лабиализованных гласных верхнего подъема заднего ряда. Ю. Казарин интерпретирует «несоответствие» в рамках конкретного звука (фонемы), а не звукотипа (фонемотипа).

С. А. Аваков говорит об универсальности идентифицирующих сем (субъектная и звучания) и об идиоэтничности дифференцирующих сем (конкретного звучания, эмоциональности, интенсивности, способа звучания, характера издаваемого звука). В то же время автор приводит следующие рас-

суждения: «В разных языках звукоподражательные слова, передающие звуки одного и того же животного различны. Хотя во всем мире животные издают одни и те же звуки. Даже если представлен общий корень, как например, в звукоподражательном слове *мяу* (*miau, meow*), то звукоподражательный глагол оформляется соответствующими глагольными суффиксами в соответствии с грамматическими особенностями каждого языка: русск. *мяука́ть*; нем. *miauern*, англ. *meow*. Это свидетельствует, прежде всего, о том, что звукоподражательные слова в исследуемых языках характеризуются определенными грамматическими особенностями и прочно связаны с грамматической системой языка» [Аваков 2007]. Остается неясным отношение суффиксов к сути передаваемого звучания.

Таким образом, можно считать, что вопрос об универсальном и специфическом (идиоэтническом) в области ономотопеи на сегодняшний день остается открытым. Доказать универсальность ономотопеи прежде всего можно при помощи универсальной типологии ономотопов [Воронин 1982], а также общей системы семантических переходов в различных языках.

Глава II. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ОНОМАТОПЕИ

1. Предварительные замечания

Современное типологическое языкознание немалую роль отводит сопоставительному исследованию лексики родственных и неродственных языков. Среди маргинальных пластов лексики любого языка (пластов «периферийных», однако дающих основу для многих принципиальных обобщений широкого теоретического плана) видное место занимают звукоподражательные слова (ономатопы) [Воронин 1982].

Универсальная (типологическая) фоносемантика предполагает системное типологическое описание звукоизобразительной лексики различных языков и выявление на этой основе закономерностей примарной мотивированности этого пласта лексики [Воронин 1982].

По мнению С. В. Воронина, основной инструмент фоносемасиолога – моделирование звукоизобразительных слов на уровне фонемотипа [Воронин 1969]. Классификация позволяет приступить к разработке фоносемантических типологии и универсалии. Одна из главнейших фоносемантических универсалий следующая: в ЗИС любого языка мира наличествуют три класса и два гиперкласса ономатопов [Воронин 1982].

В дальнейшем эта классификация проверялась на материале таких языков, как индонезийский [Братусь 1976], башкирский [Лапкина 1979], лезгинский [Мазанаев 1985], осетинский [Койбаева 1987], эстонский [Вельди 1988], грузинский [Канкия 1988], русский [Шляхова 1991], немецкий [НПСО], коми-пермяцкий [Шляхова 2000, 2003, 2012] и др. Доказано, что звукоизобразительные слова различных языков сопоставимы друг с другом на уровне фонемотипа.

Категория фонемотипа выступает как основной инструмент исследователя и лингвистического яруса ЗИС, и всей системы в целом, притом не только в синхронии, но и в диахронии, при этимологическом анализе на значительную «глубину». Если известен мотивотип номинации, то предсказуем

минимум один фонемотип в составе звукоизобразительного слова; если известны элементы (психо)акустического строения звучания-денотата и общие особенности структурирования звукоподражательных слов в данном языке, то предсказуема модель данного звукоподражательного слова; минимум один фонемотип в звукоизобразительном слове имеет природу, идентичную природе денотата; число классов и гиперклассов звукоподражательных слов постоянно и равно пяти; фонемы звукоизобразительного слова полифункциональны; элемент строения денотата может отражаться в звукоизобразительном слове более чем одним способом [Воронин 1982].

С. В. Воронин предложил двухчленную классификацию ономатопов – артикуляторные и акустические ономатопы. Под *акустическими ономатопами* понимаются единицы, воспроизводящие фонемными средствами неартикуляторные акустические звучания внешней среды: нем. *klatsch, klapp*, рус. *щелк, хлоп* “звук удара”; нем. *klappen*, рус. *хлопать* “громыхать; стучать”. *Артикуляторные ономатопы* (фоноинтракинемы) номинируют звуковые процессы, происходящие в полостях носа, рта и горла человека: рефлекторные (сопровожающие ощущения) и «выразительные» (сопровожающие эмоции) движения: нем. *hatschi*, рус. *пчих, апчих* “звук чихания”; нем. *schlecken*, рус. *лизать, лакать*. Вслед за С. С. Шляховой считаем необходимым выделить еще одну группу ономатопов, которые отличаются от акустических и артикуляторных по соотносительности с денотатом и значимости фонического компонента, – ономатопы говорения, что приводит к трехчленной типологии ономатопов [Шляхова 1991, 2003].

Звукоподражательная подсистема представляет в языке акустический денотат, который включает несколько классов и типов звучаний. Акустическими параметрами (высота, громкость, время, периодичность колебаний, диссонантность) звучания-денотата обуславливается выбор того или иного типа фонем, входящих в состав звукоподражательного слова. В основе номинации лежат признаки объектов, воспринимаемые в слуховой модальности человека. Звукоподражательная подсистема ЗИС немецкого и русского языков представлена акустическими, артикуляторными ономатопами и ономато-

пами говорения. Таким образом, в данной главе представлено системное описание немецкой ономотопеи в сопоставлении с русской.

Материалом исследования послужили: 1) *акустические ономотопы* в немецком (всего 178 звукоподражательных основ) и русском (всего 219 звукоподражательных основ) языках, которые реализованы в значениях соответственно 1510 и 2479 лексем; 2) *артикуляторные ономотопы* в немецком (всего 142) и русском (всего 235) языках, которые реализованы в значениях соответственно более 200 и 270 лексем; 3) *ономотопы говорения* в немецком (212 единиц) и русском (276 единиц) языках. Материал представлен в прил. 1.

Количественный анализ показывает, что корреляция ономотопов в русском и немецком языках обнаруживается не только в собственно фоносемантическом, но и количественном аспектах. В нашем материале количество ономотопов в исследуемых языках приблизительно одинаково (колебания в 1–2 % можно отнести к статистической погрешности).

Данные сопоставительного количественного анализа состава ономотопов в немецком и русском языках представлены в табл. 1.

Таблица 1

Тип ономотопов	Единиц		Количество, %	
	нем.	рус.	нем.	рус.
Акустические ономотопы	1510	2479	81	82,9
Артикуляторные ономотопы	142	235	7,6	7,9
Ономотопы говорения	212	276	11,4	9,2
Всего	1864	2990		

Данные показывают, что для звуковой картины мира немецкого и русского языков самыми значимыми являются звучания окружающего мира, эксплицированные в языке акустическими ономотопами (81–83 % всего исследованного материала). Звуки речи, эксплицированные в языке ономотопами говорения, в немецкой и русской картине мира чуть более значимы (9–11 %), чем звучание человеческого тела (около 8 %), эксплицированные артикуляторными ономотопами.

Количественное совпадение экспликации типов звучаний в русском и немецком языках может говорить, с одной стороны, о более или менее не-

противоречивом (с позиций человеческих представлений) отражении в языке объективной реальности в некотором времени и пространстве, когда человек сохраняет собственную уникальную целостность. Это косвенно указывает и на универсальный характер экспликации в языке звуковой картины мира. С другой стороны, немцы и русские как европейцы существуют в приблизительно одинаковой звуковой среде, что и обуславливает общий характер экспликации фоносферы в языке.

Вместе с тем объяснение именно такого характера экспликации возможных разнопорядковых звуковых миров, фактов и/или их связей в языке следует искать в культурологии, психологии и когнитологии. «К сожалению, столь модные сегодня когнитивная лингвистика и когнитология вообще упорно не видят в фоносемантике свою союзницу» [Михалёв 2009а].

Значимость звуковых кодов в культурной традиции представлена в коллективной монографии «Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян» (под ред. С. М. Толстой). Природные шумы, звуки животных, музыки, речи, а также тишины и молчания рассматриваются с точки зрения семиотики и мифологии на материале различных фольклорных жанров и фрагментов обрядности [Мир звучащий и молчащий 1999]. Отмечается, что культурные функции и значения неодинаковы для природных звуков и шумов и звуков и шумов, создаваемых человеком (акустическая оноματοпея). Человеческий голос, речь определяется как основной код культуры (речевые ономатопы), а магический дискурс отличается особым (крик, зов, пение, шепот, свист, голошение, смех, икота) голосовым поведением, так называемой ритуальной речью (артикуляторная оноματοпея) [Толстая 1999: 9–10].

Очевидно, что семантическая «ничтожность», например, артикуляторных ономатопов лишь кажущаяся, поскольку жизнь тела является семиотически значимой и в немецкой, и в русской культуре. «В различных религиозных, философских или научных системах понятие *тело* может иметь различные, не совпадающие друг с другом значения, которые обычно задаются через оппозицию к значениям таких понятий, как *дух*, *ум*, *разум*, *душа*, *сознание*, *самость*, *Я*, *психика*, *мышление*, или через соотнесение с такими поня-

тиями, как *вещь, предмет, объект, плоть*. Наличие в культуре этого понятия свидетельствует о состоявшейся категоризации бытия на «внешнее» и «внутреннее» – то, что открыто взгляду (явлено) в вещах и человеке, и невидимое – потустороннее, сферу идеальных сущностей и т.д.» [Тищенко 2010]. Показательно в этом отношении выделение внешнего и внутреннего звукоизображения [Газов-Гинзберг 1965].

Общеизвестны ритуалы с Телом Христа в христианских обрядах; телесная пластика в скульптуре, живописи и хореографии; существование поэзии на границе тела и мира; нос майора Ковалева в «Петербургских повестях» Н. Гоголя; лоскут шагрени в «Шагреновой коже» О. Бальзака с надписью на санскрите: «*Обладая мною, ты будешь обладать всем, но жизнь твоя будет принадлежать мне*»; «возгласы плоти» как суть поэзии М. Цветаевой и пр.

Ср. *Воспой, о язык, преславное таинство Тела*. Повечерний гимн праздника Тела Господня; *Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие*. Евангелие от Иоанна 6:55.

Дано мне тело – что мне делать с ним, // Таким единым и таким моим? О. Мандельштам; Мир бестелесный, страшный, но незримый // Теперь роится в хаосе ночном... Ф. Тютчев; Мало мне воздуха, мало мне хлеба, // льды, как сорочку, сорвать бы мне с плеч, // в горло вобрать бы лучистое небо... А. Тарковский; И телу я сказал тогда: «Ответь // На всё провозглашенное душою». // И тело мне ответило мое, // Простое тело, но с горячей кровью: // «Не знаю я, что значит бытие, // Хотя и знаю, что зовут любовью». Н. Гумилев; Когда умирает для уха // Железа мучительный гром, // Мне тихо по коже старуха // Водить начинает пером. И. Анненский; Поскоблите язык, и вы увидите его пространство и его шкуру. В. Хлебников и пр.

В работах Ф. Ницше, З. Фрейда, Э. Гуссерля, Ж. Лакана, М. Мерло-Понти, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Батая, М. Фуко тело включается в новый философский и культурологический контекст [Ницше 1990; Фрейд 2007; Гуссерль 1998; Лакан 1998–2008; Мерло-Понти 1992; Делез, Гваттари 2007; Батай 2007; Фуко 1998, 1999 и др.]. Актуализация этой темы в современном дискурсе очевидна в увеличении числа работ, посвященных исследованию телесности в культуре [Бахтин 1990; Топоров 1995; Элиаде 1998; Подорога 1995; Ямпольский 1996; Бирюков 2002; Вайнштейн 2005; Тело в русской культуре 2005; Русская литература и медицина 2006 и др.].

Так, в сборнике статей «Тело в русской культуре» описываются закономерности концептуализации тела и функционирования образа тела в русской культуре и литературе нескольких эпох, в том числе метафорические ряды семантики тела. Тело рассмотрено как особая знаковая система, язык жестов и его переводимость на другие языки, как объект социального контроля, рассмотрена репрезентация обнаженного тела, «разъятие» тела в культуре золотого и Серебряного века. Концептуальность человеческого тела в русской культуре явлена в статьях Т. Цивьян «Отношение к себе и к своему телу в русской модели мира», С. Толстой «Тело как обитель души: славянские народные представления», А. Топоркова «Символика тела в русских заговорах XVII–XVIII вв.», О. Беловой «Тело “иностранца”», О. Величкиной «Музыкальный инструмент и человеческое тело (на материале русского фольклора)» [Тело в русской культуре 2005].

В немецкой культуре особо значимым тело является в концепциях романтизма: тело-машина (Жан-Поль Рихтер, Э. А. Клингеманн, Генриха фон Клейст, Э. Т. А. Гофман), тело-микрокосм (Новалис, Ф. Шлегель, Л. А. фон Арним). Актуализированы проблемы власти магнетизера над телом и судьбой (Э. Т. А. Гофман), сомнамбулизм и сомнамбулы (Г. фон Клейст), искусственный человек (Жан-Поль Рихтер, Э. А. Клингеманн, Г. фон Клейст, Э. Т. А. Гофман) и др. [Куличихина 2012].

«Для немецких романтиков тело есть символ души, природа – символическое выражение душевно-духовных процессов, осознание которых является задачей трансцендентального идеализма (Новалис, Шеллинг, Окен, Г. Стеффенс, К. Г. Карус). Организмические аналогии нашли свое воплощение не только в натурфилософии романтиков (Г. Г. Шуберт, Шеллинг), но и в их философии искусства. Гегель рассматривал человеческое тело как органическую целостность. <...> “дух воплощает себя в теле” (Гегель. Эстетика, т. I. М., 1968, с. 176), причем в наиболее адекватной форме – в человеческом теле. <...> В противовес панлогизму Гегеля Шопенгауэр рассматривал человеческое тело как выражение воли (Шопенгауэр А. Мир как воля и представление, § 18, 20)» [Огурцов 2010].

В культурологическом и философском контексте экспликация ономотопии в языке заслуживает особого внимания.

2. Фоносемантическая типология немецких ономотопов

2.1. Акустические ономотопы

Среди акустических ономотопов выделяются три класса и два гиперкласса звучаний, которые включают 17 типов-моделей (материал в прил. 1).

Класс А. Инстанты

Тип 1. Инстанты. Обозначает «сверхкраткий» шум или тон, одинаково воспринимаемый человеческим ухом как акустический удар: нем. *tack; tick, tatsch*; рус. *тук, тья, чик, чак, кан-кан, тик-так*. Фоносемантическая модель

$$\frac{\text{PLOS} + \text{VOC} + \text{PLOS}^*}{\text{AFFR}} \quad \frac{\text{PLOS}^*}{\text{AFFR}}$$

Ударная природа звучания отражена взрывным или аффрикатой.

Класс Б. Континуанты

Тип 2. Тоновые континуанты. Тоновый неудар, т.е. тон в его наиболее чистом виде (нем. *piep, tatütata, lullu*; рус. *ду-ду, ту-ту, би-би, пи-пи, лю-лю, у-у-у-у*), которые в языке структурируются по модели

$$\frac{(\text{PLOS}^+)}{(\text{SON})} \text{VOC} \frac{(+\text{PLOS})}{(\text{SON})}$$

Тоновая природа звучания отражена гласным, согласные являются факультативными компонентами. Ономатопои *tatütata, lullu* представляет собой рифмованные образования, которые являются характерной чертой немецкой ономатопои.

Тип 3. Чисто шумовые континуанты. Шумовой неудар (нем. *sch, husch, zisch, pfeifen*; рус. *псш-ш-ш ш-ш-ш, с-с-с, шипеть, шелестеть*), т.е. шум в его наиболее чистом виде:

$$(\text{PLOS}^+) \text{FRIC}^{\text{гл}} (+\text{VOC}) + \frac{\text{FRIC}^{\text{гл}}}{\text{AFFR}}$$

Фрикативный глухой и аффриката имеют функцию отражения чисто шумового неудара, гласные (а также дифтонги */ei/, /äü/*) имеют факультативный характер и несут огласовочную функцию. В немецком языке в отличие от русского зафиксировано незначительное количество однофонемных чисто шумовых континуантов (нем. *sch*).

Тип 4. Тonoшумовые континуанты. Шум с элементами тона: нем. *säusel, sausen, sumt*; рус. *ж-ж-ж, дз-з-з, зу-зу-зу, зудеть, жужжать*. Модель

* Символы в моделях ономатопов: FRIC – фрикативный; R – вибрانت; VOC – гласный; PLOS – взрывной; AFFR – аффриката; SON – сонорный; лаб. – лабиализованный; лат. – латеральный; наз – носовой; гл – глухой; зв – звонкий; () – необязательность стоящего внутри скобок элемента; стрелки указывают на вариативность позиции компонента.

немецком материале зафиксирован лишь один пример. Однако следует отметить, что во всех исследованных по этой методике языках данный тип представлен немногочисленно.

Тип 8. Фреквентативы чисто шумовые квазиконтинуанты. Чисто шумовой квазинеудар, где чистый диссонанс сопровождается шумовым неударом: нем. *raps; rips-raps, rauschen, raffен*; рус. *хруны-храпы, шабар-шабар, шуры-шары, хрусь, хруп, фурр-р-р*. Модель

$$\begin{array}{c} \text{FRIC}^{\text{гл}} + \text{VOC} + \text{R} (+ \text{PLOS}). \\ \longleftarrow \hspace{1.5cm} \longrightarrow \end{array}$$

В немецких ономотапах вибрант находится в анлауте и служит для отражения чистого диссонанса, шумовой неудар отражен глухим фрикативным.

Тип 9. Фреквентативы тоношумовые квазиконтинуанты. Тonoшумовой квазинеудар, где чистый диссонанс сопровождается тоношумовым неударом: нем. *ratsch, ritsch, ritsch-ratsch, rutsch, surren*; рус. *раз, чир*. Модель

$$\begin{array}{c} \text{FRIC} + \text{VOC} + \text{R} \\ \text{AFFR} \hspace{1.5cm} \uparrow \\ \longleftarrow \hspace{1.5cm} \longrightarrow \end{array}$$

Вибрант отражает диссонанс, фрикативный или аффриката – тоношумовой неудар.

Гиперкласс АБ. Инстанты-континуанты

Тип 10. Тоновые «послеударные» инстанты-континуанты. Обозначают удар с последующим тоновым неударом: нем. *bam, bim, bum, ding, kling, ding-dong; kling-klang*; рус. *бом, бон, бам, бум-бум динь-динь, тинь-тинь, блям-блям*. Модель данного типа

$$\begin{array}{c} \text{PLOS} (+\text{SON}) + \text{VOC} + \text{SON} \\ \hspace{1.5cm} \uparrow \hspace{1.5cm} \uparrow \\ \longleftarrow \hspace{1.5cm} \longrightarrow \end{array}$$

Взрывной отражает ударную природу звучания, сонорный – тоновый неудар. Тип является весьма многочисленным в немецком языке.

Тип 11. Чисто шумовые «послеударные» инстанты-континуанты. Обозначает удар с последующим чисто шумовым неударом: нем. *bauz, butz, raff, puff, töff*; рус. *бац, буц, бах, бух, чох*. Модель данного типа

$$\begin{array}{c} \text{PLOS} (+ \text{VOC}) + \text{FRIC}^{\text{гл}} \\ \text{AFFR} \end{array}$$

Взрывной отражает ударную природу звучания, фрикативный глухой – шумовой неудар.

Тип 12. Чисто шумовые «предударные» инстанты-континуанты. Обозначает удар с предшествующим шумовым неударом: нем. *blaff, klack(s), klapp, klipp; klipp-klapp, klatsch, klitsch-klatsch, klick, gluck, kluck; schnapp, plitz, platz, plotz*; рус. *хлюст, хлопок, шлеп, хлесь, шмяк, хлесть, плюх*. Модель

$$\frac{\text{FRIC}^{\text{гл}}}{\text{AFFR}} + \text{SON}^{\text{лаб/лат}} + \text{VOC} + \frac{\text{FRIC}^{\text{гл}}}{\text{PLOS}^{\text{гл}}} (+\text{SON})$$

Ударная природа звучания отражена взрывным или аффрикатой, шумовой неудар – глухим фрикативным. Тип в немецком языке многочисленный.

Тип 13. Тonoшумовые «предударные» инстанты-континуанты. Обозначает удар с предшествующим тоношумовым неударом: нем. *quatsch, schwapp, schwipp, schwuppdiwupp, zwitschern*; рус. *вжик, звяк*. Модель

$$\frac{\text{PLOS}}{\text{FRIC}^{\text{зв}} + \text{FRIC}^{\text{зв}}} + \text{VOC} + \frac{\text{AFFR}}{\text{PLOS}^{\text{гл}}}$$

Ударная природа звучания отражена взрывным или аффрикатой, шум и тон – звонким фрикативным.

Тип 14. Чисто шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты. Обозначает удар с предшествующим шумовым неударом и последующим тоновым неударом: нем. *tschilp, tsching*; рус. *бумкс, чувиль*. Модель

$$\frac{\text{PLOS}}{\text{FRIC}^{\text{гл}} (+\text{VOC}) + \text{SON}} + \text{AFFR}$$

Ударная природа звучания отражена взрывным или аффрикатой, шумовой неудар – глухим фрикативным. Немногочисленно представленный тип.

Тип 15. Тonoшумовые-тоновые шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты. Обозначает удар с предшествующим тоношумовым неударом и последующим тоновым неударом: рус. *дзен, дзинь, зззбум*.

$$\text{FRIC}^{\text{зв}} + \text{PLOS}^{\text{зв}} + \text{VOC} + \text{SON}$$

В немецком языке подобных звукоподражаний не обнаружено. Для фонетической системы немецкого языка не характерно сочетание $FRIC^{ЗВ} + PLOS^{ЗВ}$. В русском языке тип также представлен единичными примерами.

Гиперкласс ВАБ. Фреквентативы квазиинстанты-континуанты

Тип 16. Тоновые «послеударные» квазиинстанты-континуанты.

Квазиудар с последующим тоновым неударом: нем. *klirr, brumm, ballern, knarren*; рус. *брям, трям, трень, трень-брень*. Модель

$$PLOS + R + VOC + SON^{лаб/наз}$$

Квазиудар отражен вибрантом, тоновый неудар – сонорным.

Тип 17. Чисто шумовые «послеударные» квазиинстанты-континуанты. Обозначают квазиудар с последующим чисто шумовым неударом: нем. *pardauz, krach, prasseln, kratzen*; рус. *трах, тресь, хрясь, хресь*. Модель

$$\frac{PLOS + R + VOC + FRIC^{ГЛ}}{FRIC^{ГЛ} \quad AFFR}$$

Квазиудар отражен вибрантом, шумовой неудар – глухим фрикативным или аффрикатой. Этот тип в немецком языке является многочисленным.

Тип 18. Чисто шумовые «предударные» квазиинстанты-континуанты.

Обозначает квазиудар с предшествующим шумовым неударом: нем. *zappzarapp, schwirbeln, schnarp(f)en*; рус. *шварк; цапан, шарк*. Модель

$$\frac{FRIC + VOC + R + PLOS}{AFFR}$$

Квазиудар отражен вибрантом, шумовой неудар – фрикативным или аффрикатой.

Итак, **универсальные свойства акустической ономотопеи**: 1) звукоподражательная подсистема звукоизобразительной системы языков представлена пятью классами акустических ономотопов, которые включают 17 типов-моделей. Выявлено девять типов звучаний и восемь типов сочетаний этих звучаний; 2) все ономотопы структурируются по общей модели на уровне фонемотипов; 3) ономотопеи в языках часто представляют собой рифмованные образования (нем. *holterdiepolter, kladderadatsch, lalarifari,*

rapperrlapapp, schwuppdiwupp, zappzarapp, ruck-zuck; рус. *цан-царан, трали-вали, тьян-ляп, шурум-бурум, кивиль-мигиль, коть-моть, круть-верть*) и аблаутные диады (нем. *klipp-klapp; klitsch-klatsch; kling-klang; knips-knaps; piff-paff; pitsch-patsch; plitsch-platsch; plitz-platz-plotz; ritsch-ratsch; rips-raps*; рус. *тик-так, динь-дон, буры-бары, шуры-шары* и пр.).

Рифмованные образования и аблаутные диады в языках рассматриваются как благозвучные за счет аллитерации, ассонанса, рифмы, ритмики. Показательна в отношении звукоизобразительности гипотеза М. Ыр, которая предложила считать редупликацию грамматикализацией рифмы, точнее, наиболее грамматикализированным концом следующей шкалы: песня, стихи < языковые игры < ономатопоэтические образования < редупликация с иконическим значением < редупликация с неиконическим значением [Минлос 2004]. В контексте иконичности следует также вспомнить гипотезу о звуко-символическом происхождении индоевропейского аблаута, высказанную Дж. Орром и Э. Прокошем [Левицкий 2009: 46].

На основе типологии акустических онома톱ов можно отметить некоторую **специфику (идиоэтничность) акустической ономатопеи**: 1) в немецком материале не представлен тип 15 «Тonoшумовые-тоновые шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты». Этот тип звучаний в русском языке также представлен единичными примерами; 2) незначительное количество однофонемных ономатопей (*sch* “тсс”, *r* “звук работающего механизма”) в немецком языке. На наш взгляд, это связано с недостаточной фиксацией подобных единиц в живой устной речи; 3) большое количество ономатопей, где первый компонент структуры взрывной, второй – либо сонант */l/*, */n/*, (тип 12), либо вибрант (тип 16, 17). Это указывает на универсальность характера немецкой ономатопеи, поскольку как фоносемантические универсалии рассматриваются корреляции семантической категории множественности (повторности, многократности) звука и действия и RL-формантов (форманты с сонантами */r/*, */l/*) [Воронин 1982; Бартко 2002]; 4) в обозначении «хруста, треска» отсутствует характерный для русского языка вибрант: *knack(s)*, *knick(s)*, *knallen*.

Начальное /kn/ в немецком языке имеет семантический признак «трещать» [Левицкий 2009: 71–72].

Данные сопоставительного количественного анализа состава акустических ономатопов в немецком и русском языках представлены в табл. 2.

Таблица 2

Класс акустических ономатопов	Количество корней				Количество слов			
	Единиц		%		Единиц		%	
	нем.	рус.	нем.	рус.	нем.	рус.	нем.	рус.
Инстанты	36	48	20	22	268	498	18	20
Континуанты	20	26	11	12	72	145	5	6
Фреквентативы	38	64	21	28	285	552	19	22
Инстанты-континуанты	54	45	31	20	655	996	43	40
Фреквентативы квазиинстанты-континуанты	30	38	17	17	230	288	15	12
Всего	178	220			1510	2479		

Значимой представляется корреляция количественного состава в исследуемых языках. Из табл. 2 видно, что в немецком и русском языках наименее всего представлены *тоновые звучания* (класс континуантов) – около 5–6 %. Самым многочисленным классом в обоих языках являются *тоново-ударные звучания* (класс инстантов-континуантов) – около 40–43 %. *Диссонирующие* (класс фреквентативы) и *чистые удары* (класс «инстанты») в русском и немецком языках составляют около 18–22 % всего материала акустических ономатопов.

Таким образом, в акустической ономопее черты изоморфизма преобладают над алломорфизмом.

2.2. Артикуляторные ономатоны

Артикуляторные ономатоны в языках составляют три класса, восемь подклассов, в которых выделяется 36 типов (см. прил. 1).

Класс А. Носовые

Подкласс А. Собственно носовые

Тип 1. Втягивание носом воздуха: нем. *schניffeln*, *schnaufen*, *schnauben*; рус. *швыркать*, *шмыргать*. Спираторность звучания выражается фрикативным согласным; носовой характер артикуляции – сонорными. В немецких словах отсутствует вибрант. Возможно, немцы должны сморкаться более деликатно, нежели русские.

Подкласс АВ. Носогорловые

Тип 2. Фырканье: нем. *schnauben, schnaufen*; рус. *швырк, фыркать, хоркать, форскать*.

Тип 3. Храп: нем. *schnarchen, bofen, schnurken*; рус. *xpp-xpp, хрпать, хрпеть*. Глухие фрикативные отражают спираторность процесса, вибрант - дрожащий элемент артикуляции. В немецком нередко присутствует сонорный /n/, который указывает на носовой характер артикуляции.

Класс Б. Ротовые

Подкласс БА. Ротоносовые

Тип 4. Посвистывание: нем. *pfeifen, flöten, quinquilieren*; рус. *свистеть, фьюкать, фью, фьюить, фить-фить, фюить, фию, фио, фиу*. Фрикативные отражают спираторность и щелевой характер артикуляции. Йот в русских ономатопах и дифтонг /aɪ/ и звук /ø:/ в немецких указывают на участие и напряженность горла в процессе.

Тип 5. Чихание: нем. *hatzi, hatschi, niesen*; рус. *чихать, прыскать, пчих, апчих, чих, чхи, пчих*. Заднеязычный фрикативный указывает на спираторность и участие горловой полости. Условно процесс чихания можно разделить на три стадии: вдох, смычка, выдыхание воздушной струи. Различные единицы в русском языке отражают либо все три стадии (*а-п-чих*), либо две последние (*п-чих*), либо лишь завершение процесса (*чих*). Лабиальный /П/ отражает участие губ и смычный характер кинемы. Сонорный /n/ в немецком слове указывает на участие в процессе носовой полости.

Подкласс Б. Собственно ротовые

Тип 6. Лакание, лизание: нем. *labbern, läbbern, lappen, schlabbern, lecken, belecken*; рус. *лачить, лакать, лизать*. Переднеязычный указывает на участие передней части языка и ротовой характер артикуляции; сонорный – на ее латеральный характер.

Тип 7. Сосание: нем. *saugen, lutschen, lullen, suseln, suckeln, zulken*; рус. *сосать, сосить, чупать, чмокать, тышкать*. Аффриката актуализирует участие губ в процессе и указывает на среднеязычно-небную смычно-щелевую

чавкающую артикуляцию, губные – на участие губ в процессе. Корень со щелевыми актуализирует “внутренний” характер процесса (участие передней части языка и щелевой характер кинемы). В немецком языке данный тип представлен корнями, в которых могут быть как щелевой звук, так и аффриката. Сонорный // в немецком указывает на связь с жидкостью.

Тип 8. Всасывание ртом жидкости: нем. *schlürfen, schlabbern, labbern*; рус. *хлебать, швыркать, швырк, швыр*. Переднеязычный отражает латеральный элемент артикуляции, фрикативные – ее щелевой и спираторный характер, губные – участие губ в процессе.

Тип 9. Плевание: нем. *pfui, toi, speien, sprucken*; рус. *тьфу, плевать*. Взрывной указывает на смычный характер кинемы, фрикативный – на участие губ в процессе и его щелевой и спираторный характер, губно-зубной – на участие губ в процессе.

Тип 10. Чмокание (смакование): нем. *schmatzen, lappen*; рус. *чмокать, чунать, смаковать, чавкать*. Аффрикаты отражают среднеязычно-небную смычно-щелевую чавкающую артикуляцию и участие передней части языка, губные – участие губ в процессе; сонорный // – латеральный характер артикуляции.

Тип 11. Цокание: нем. *schmalzen*, рус. *цок-цок, цокать*. Аффриката указывает на участие передней части языка, заднеязычный – на заднеязычный элемент увулярной смычки.

Тип 12. Щелканье: нем. *klappern, schmalzen, schmirksen*; рус. *щелкать, лязгать, клацать*. Фрикативные отражают щелевой характер артикуляции в начале, взрывные – заднеязычно-увулярную смычку в конце процесса и участие горловой полости.

Тип 13. Чавканье: нем. *schmatzen, katschen, kätschen, schlappern*; рус. *чавкать, чамкать, чвакать, чмокать*. Аффриката указывает на участие языка и среднеязычно-небную смычно-щелевую “чавкающую” артикуляцию; взрывной – на участие горловой полости и заднеязычно-увулярную смычку. Губной и губно-зубной отражает участие губ в процессе.

Подкласс БВ. Ротогорловые

Тип 14. Дуновение (ртом): нем. *ha, ho, hu, hauchen, pusten*; рус. *фук, хуу, пфу, пфф, фукать*. Глухой взрывной указывает на смычный характер кинемы и участие губ; фрикативные – на спираторность; лабиальный – на участие губ.

Тип 15. Вздых / выдох: нем. *ach, hu, puh, hauchen, seufzen*; рус. *дышать, пыхтеть, хьюкать, пышкать, ах, уфф, пф, ф-ф-ф*. Основным компонентом является глухой фрикативный, который отражает спираторность и щелевой характер кинемы.

Тип 16. Дыхание с присвистом: нем. *ausschnaufen, puh, pusten, japsen, keuchen*; рус. *фук, фить, хьюкать, быхать*. Основной компонент – глухой фрикативный или взрывной.

Тип 17. Плач, вой: нем. *heu, hoi, heulen, plinsen, flennen, jammern, schluchzen, jaulen*; рус. *пиньгать, всхлипывать, нюнить, сопеть, хлюпать, грюпать, рыдать, выть, базлать*. В зависимости от характера плача в ономатапах актуализируются те или иные фонемотипы: 1) нем. *plinsen, flennen*; рус. *пинькать, пиньгать, всхлипывать, нюнить, скулить, диньгать, нуть, плакать, хлюпать* “жалобный или тихий плач” (сонорные, часто узкие гласные); 2) рус. *сопеть, хлюпать, склектывать* “беззвучный плач (фрикативные)”; 3) громкость и интенсивность плача эксплицируются за счет широких гласных: нем. *jammern* “громко плакать, причитать, голосить; вопить; кричать (от боли и т. п.)”; *jaulen* “выть, завывать”; ср. рус. *грюпать, аргать, рыдать, реветь, дзярскать, джярскать, джирскать, рюмить* “рыдание” (вибрант); *хайгать, выть, базанить, базлать, а-а-а, о-о-о, у-у-у, э-э-э, о-о-ой, голосить* “громкий, несдержанный плач” (гласные, взрывные, фрикативные звонкие). В немецких присутствует сонорный латеральный, который отражает связь с жидкостью. Актуализация гласного отражает свободное прохождение воздуха при его модуляции колебаниями голосовых связок при вое.

Тип 18. Громкий крик: нем. *a-a, ah, schreien, plärren, johlen, brüllen, rufen*; рус. *а-а-а, вопить, орать, базлать, хайланить, аркать, аргать*. Актуа-

лизация широких гласных указывает на тоновый источник и громкость звучания; вибрант – на перенапряжение горловой полости и громкость процесса.

Тип 19. Ораание, рев: нем. *schreien, brüllen*; рус. *орать, аргать, рвать, реветь, рычать, гаркать*. Актуализация вибранта отражает большую “грубость, резкость” процесса по сравнению с криком.

Тип 20. Пронзительный крик: нем. *schreien, gicksen, piksen, winseln*; рус. *визжать, иргать*. Пронзительность усиливается высокочастотным /i/, в немецком – дифтонгом /ei/; эффект резкости усилен звонким фрикативными и взрывными.

Тип 21. Смех: нем. *ha, ho, lachen, feixen, grinsen, wiehern, gackeln*; рус. *ха-ха, га-га, ржать, гоготать*. Заднеязычные отражают горловой и смычный характер процесса.

Подкласс БАВ. Ротоносогорловые

Тип 22. Кусание: нем. *harr, happs, beißen*; рус. *ам, хам, тяпнуть, кусать*. Заднеязычные или гласные заднего ряда отражают горловой характер, смычные – смычный характер кинемы; сонорные – участие носовой полости; губные – участие губ.

Тип 23. Зевота: нем. *a-a-a, gähnen, gaffen*; рус. *a-a-a, хам, зевота, хайкать*. Заднеязычные в немецком отражают горловой характер кинемы, фрикативные в русском – щелевой характер, гласные – ротовый характер кинемы.

Тип 24. Ворчание: нем. *brabbeln, grummeln, murmeln, krickeln*; рус. *бухтеть, бубнить, бурчать, бормотать*. Актуализируются звонкие губные согласные и вибрант.

Тип 25. Стон: нем. *ach, o-o, ächzen, stöhnen*; рус. *a-a-a, ох-хо, о-о-о* (часто с назализацией), *стонать*. Гласный и сонорный лабиальный отражают различные виды кинемы – с открытой (гласный) и с закрытой (сонорный) ротовой полостью, часто актуализируется заднеязычный.

Тип 26. Хныканье: нем. *quengeln, wimmern, maunzen, greinen*; рус. *хныкать, ныть, хнюкать, хинькать*. Заднеязычные отражают горловой и щелевой характер кинемы; носовой переднеязычный – участие носовой полости и передней части языка.

Тип 27. Хихиканье: нем. *hi, kichern*; рус. *хи-хи, хихикать*. Заднеязычный фрикативный отражает щелевой и горловой характер кинемы.

Класс В. Горловые

Подкласс ВБ. Горлоротовые

Тип 28. Удушье: нем. *urggh*; в русском языке не представлен. Заднеязычный смычный отражает заднеязычную смычку и горловой характер кинемы; вибрант – перенапряжение горловой полости.

Тип 29. Глотание: нем. *gluck, glucken, schlucken*; рус. *глотать, глы-глы*. Заднеязычный отражает горловой и смычный, сонорный – латеральный элемент кинемы.

Подкласс В. Собственно горловые

Тип 30. Икота: нем. *glucksen, schlucksen*; рус. *икать, клоктать*. Заднеязычный смычный отражает заднеязычную смычку и горловой характер кинемы. Сонорный лабиальный отражает латеральный элемент артикуляции.

Тип 31. Кашель: нем. *husten, harken, kröchen, qualstern*; рус. *кхе-кхе, хыркать, керкать, кашлять*. Сочетание заднеязычных смычного и щелевого отражают горловой элемент кинемы и смену артикуляции (сначала смычная, затем щелевая) при кашле; вибрант – «резкий, лающий» характер кинемы.

Тип 32. Жиление: нем. *krächzen*; рус. *кряхтеть, рехать, кречкать*. Вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; заднеязычный и фрикативный – горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции.

Тип 33. Резкое движение: нем. *hopp, hops*; рус. *гек, хоп*. Заднеязычные отражают горловой элемент кинемы и напряжение горла; взрывной – резкость завершения действия.

Тип 34. Рыгание: нем. *äks, rülpsen, goarksen*; рус. *эк, рыгать, изрыгать*. Заднеязычные отражают – горловой характер кинемы; вибрант – горловой и дрожащий элементы кинемы; гласные – ротовый характер.

Тип 35. Рвота: нем. *brechen, speien, spucken, speiben, kotzen*; рус. *бэ, рвать, блевать, изрыгать*. Вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; фрикативный – горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции. Заднеязычные отражают горловой характер кинемы.

Тип 36. Хрип: нем. *krächzen, harheln; schnieben*; рус. *хрипеть, хрип, хр-хр*. Вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; фрикативный – горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции.

Итак, *универсальные свойства артикуляторной ономапии* в исследуемых языках: 1) ономапия представлена тремя классами ономапиев, семью подклассами, которые включают 36 (немецкий) и 35 (русский) типов. Тип 28 «Удушье» в немецком языке представлен одним примером, в русском материале отсутствует; 2) немецкие и русские артикуляторные ономапии организованы по принципу соответствия структуры элементов денотата структуре языковой единицы.

Специфические (идиоэтнические) черты артикуляторной ономапии в исследуемых языках обнаруживаются лишь в численной представленности того или иного типа. Данные количественного анализа состава артикуляторных ономапиев по языкам представлены в табл. 3.

Таблица 3

Артикуляторные ономапии			Единиц		%		
Класс	Подкласс	Тип	нем.	рус.	нем.	рус.	
Носовые	А. Собственно носовые	1. Втягивание носом воздуха	4	6	2,8	2,5	
		2. Фырканье	4	9	2,8	3,8	
	АВ. Носогорловые	3. Храп	3	3	2,1	1,3	
Ротовые	БА. Ротоносовые	4. Посвистывание	5	9	3,5	3,8	
		5. Чихание	3	7	2,1	2,9	
		Б. Собственно ротовые	6. Лакание, лизание	9	3	6,4	1,3
	7. Сосание		9	8	6,4	3,4	
	8. Всасывание ртом жидкости		3	6	2,1	2,5	
	9. Плевание		6	3	4,2	1,3	
	10. Чмокание		2	7	1,4	2,9	
	11. Цокание		1	2	0,7	0,9	
	12. Щелканье		3	5	2,1	2,0	
	13. Чавканье		5	8	3,5	3,4	
	БВ. Ротогорловые		14. Дуновение	4	9	2,8	3,8
			15. Вдох/выдох	4	19	2,8	8,0
			16. Дыхание с присвистом	5	4	3,5	1,7
		17. Плач, вой	8	30	5,6	12,7	
		18. Громкий крик	13	13	9,2	5,5	
		19. Ораание, рев	2	6	1,4	2,5	
		20. Пронзительный крик	3	2	2,1	0,9	
		21. Смех	9	12	6,4	5,1	
	БАВ. Ротоносогорловые	22. Кусание	3	4	2,1	1,4	
		23. Зевота	4	7	2,8	2,9	
		24. Ворчание	Данный тип представлен в ономапиях говорения				
		25. Стон	4	9	2,8	3,8	
		26. Хныканье	5	8	3,5	3,4	
		27. Хихикание	2	2	1,4	0,9	

Артикуляторные ономатопы			Единиц		%	
Класс	Подкласс	Тип	нем.	рус.	нем.	рус.
Горло- вые	ВБ. Горлоротовые	28. Удушье	1	–	0,7	–
		29. Глотание	3	3	2,1	1,3
	В. Собственно горло- вые	30. Икота	2	4	1,4	1,7
		31. Кашель	3	11	2,1	4,6
		32. Жиление	1	5	0,7	2,0
		33. Резкое движение	2	3	1,4	1,3
		34. Рыгание	3	2	2,1	0,8
		35. Рвота	2	3	1,4	1,3
		36. Хрип	2	3	1,4	1,3
	Всего		142	235		

Наиболее значимыми для немецкой и русской звуковой картины мира являются *крик* (в среднем 9–12 % всей артикуляторной ономатопеи), *плач*, *вой* (5,6 % в немецком; 12,7 % в русском) и *смех*, *хихиканье* (7,8 % в немецком; 6 % в русском). Это полярные базовые человеческие эмоции – счастье и горе, которые часто выражаются в крике. Можно полагать, что и немцы и русские достаточно шумны (на это указывают исследования коммуникативного поведения); русские чаще плачут и горюют, а немцы чуть чаще смеются.

Приблизительно равное (небольшое) значение в немецкой и русской языковой картине мира придается таким процессам, как *втягивание носом воздуха* (*шмыганье*), *резкое движение*, *стон* и *хныканье*, *удушье*, *глотание* и *кусание*, *икота*, *зевота*, *цоканье*, *щелканье*, *чавканье*, *посвистывание*, *чихание*, *рвота*, *хрип*. Чуть большее значение в немецкой языковой картине мира придается *храпу*, *смеху*, *глотанию*; в русской – *фырканию*, *стону*, *икоте*.

Ср. нем. ...*Когда к утру оплыли свечки // И уползла ночная тень, // Мои смиренные овечки // Встречали храпом* новый день. // *Что ж, коли так – пусть спят бедняги! // А пира дружеского хор // Увековечит на бумаге // Ваш Филодор.* Георг Рудольф Векерлин. ...*когда б соседи чувств не заглушали // мне смехом, да и чувства не шуршали // и быть настороже мне не мешали...* Э.-М. Рильке.

Ср. рус. *Закон – он выше всех нас. Икота – выше всякого закона. И как поразила вас недавно внезапность ее начала, так поразит вас ее конец, который вы, как смерть, не предскажете и не предотвратите.* Вен. Ерофеев. Москва – Петушки. *Что-то переместилось в голосе, сошёл он совсем уж с горького места, среди которого, взяв обгорелую трубу, стояла печь с задымлённым челом, и из неё, из трубы той, разносило по опустошённой земле вой, стон иль просто ввысь посланный вздох.* В. Астафьев. Обертон.

Плач, вой, громкий крик, ораание, рев, пронзительный крик чуть более значим для русских (21,6 %), чем для немцев (18,3 %).

Ср. рус. *Вот эту фразу // хочу я прокричать и посмотреть // вперед – раз перспектива умереть // доступна глазу – кто издали' // откликнется? Последует ли эхо?// Иль ей и там не встретится помеха, как на земли? И. Бродский. Пронзительный, резкий крик // страшной, кошмарнее ре-диеза // алмаза, режущего стекло, // пересекает небо. И. Бродский; Нет.// Втиснуть нельзя этот стон, этот крик // В ямб. Д. Андреев.*

Ср. нем. *Я в мире так одинок, и всё ж одинок не вполне, // чтобы в плаче излиться. Э.-М. Рильке. И выходил из нор народ звериный, // Охоту бросил в девственных лесах, // И вдруг открылось, что совсем не страх, // Не хитрость – их молчания причина, // Но – музыка. Мычанье, рев и гам // Ничем казались им. Э.-М. Рильке.*

Значимость дыхания (дуновение, вдох/выдох, дыхание с присвистом) для русских (13,5 %) также несколько больше, чем для немцев (9,1 %).

Ср. *На стекла вечности уже легло // Мое дыхание, мое тепло. О. Мандельштам. Иная в сущем пениш струя: // Вздох ни о чем и ветер. Дышит Бог. Э.-М. Рильке.*

Значимые количественные различия (в 2–3 раза) в экспликации в языке наблюдаются в следующих процессах: 1) для немецкого языка более значимы лакание, лизание, сосание: 14,9 % в немецком; 7,2 % в русском; плевание: 4,2 % в немецком; 1,3 % в русском; 2) для русского – кашель: 2,1 % в немецком; 4,6 % в русском; жилиение: 0,7 % в немецком; 2 % в русском. Можно полагать, что немцы придают большее значение процессам питья и плевания, а русские – кашлю и кряхтению (жиление).

Ср. нем. *Когда б в Штальзунде, в Ла-Рошели // Стократ хваленные войска // Так штурмом брать форты умели, // Как мы берем окорока, // Когда могли бы те солдаты // Глушить врага, как мы – вино, // Все укрепления были б смяты // Давным-давно. Георг Рудольф Векерлин. Выходи в привольный мир! // К черту пыльных книжеск хлам! // Наша родина – трактир. // Нам пивная – Божий храм. // Ночь проведши за стаканом, // не грешно упиться в дым. // Добродетель – стариканам, // безрассудство – молодым! Ваганты. О Бог, я и в живом начале // Жду смерти в свете дней. // Я воду пью и хлеб, давясь, глотаю с ней.// Нет меры на Твоих весах для тяжести моей печали. Эльза Ласкер-Шюлер. И если Ты попросишь, – не придут, // никто не даст напиться, не утешит. Э.-М. Рильке.*

Ср. рус. *Дуб, дуб, дуб, возьми свой кашель, дубоглот – Ам, ам, ам! Заговор. Он лихо-радочно схватил со стола гипнотизерские червонцы, спрятал их в портфель и кашлянул,*

чтобы хоть чуточку подбодрить себя. Кашель вышел хриловатым, слабым. М. Булгаков. Мастер и Маргарита. *Палата была шумна обычным ночным больничным шумом: хрип, храп, стоны, бредовый разговор, кашель – всё мешалось в своеобразную звуковую симфонию, если из таких звуков может быть составлена симфония.* В. Шаламов. Колымские рассказы. *Из рассказов старых разведчиков он, конечно, знал, что человека, страдающего кашлем, на задание не возьмут, так как кашель может выдать всю группу немцам.* Э. Казакевич. Звезда.

Ложась, он кряхтел и пытался подкрепить себя привычным рассуждением: ни Наполеон, ни Гитлер не могли взять Британию потому, что имели врага на континенте. А. Солженицын. В круге первом. *Далёкий грохот и огонь Сталинграда сливались с шумом листвы и с жалобой камыша, и в этом соединении было что-то непередаваемо тяжёлое, командующий во время утренних прогулок кряхтел и матерился.* В. Гроссман. Жизнь и судьба. *Кряхтел, стонал, иногда плакал, но не унывал и, наскоро сведя синяки огромными, екатерининской чеканки, медяками, снова неустрашимо шел по трактирам.* Б. Васильев. Были и небыли.

На нянюшкиной руке жилился писклявый и нежный человеческий отпрыск, стягиваясь и растягиваясь, как кусок темно-красной резины. Б. Пастернак. Доктор Живаго. *Раз десять бегал Сережка, жилился, плакал и снова говорил упавшим встревоженным голосом.* А. Неверов. Ташкент – город хлебный. *А еще интеллигенция! Тужиться не научилась. А вены, вены!* Г. Щербакова. Дивны дела Твои, Господи... *«Но мы никогда не общались раньше, не симпатизировали друг другу, зачем тужиться теперь?»* Н. Иванова. Чужой среди своих. *Вот так и бог: или он есть, или его нет, и нечего тужиться в попытках понять его.* В. Личутин. Любостай. *Скушно будет и мне, и вам. Пыжиться, тужиться, выдумывать? Убого и опять же – скушно.* Ю. Даниэль. Письма из заключения. *Я помню, как, испугнутым гиппопотамом вскочивши со стула с поклонцем всем корпусом, бросился к вешалке он перевальцем и сунул в пальто мятый пучок газет, чтобы, вставши на цыпочки, тужиться в трудном усилии свое пальто отцепить...* А. Белый. Между двух революций.

2.3. Ономатоны говорения

С. С. Шляхова по характеру денотата и значимости фонического компонента выделяет в звукоподражательной подсистеме русского языка еще одну группу: ономатоны говорения [Шляхова 2003: 62], которые воспроизводят фонемными средствами нерелевантные акустико-артикуляторные звучания, характеризующие процесс говорения в отрыве от конкретного смысла речи,

представляя речь в ее целевых, модальных, физиологических, акустических характеристиках (*бла-бла* “пустая болтовня”; *шлепать* “болтать”).

Очевидно, что такая группа имеется и в немецком языке: нем. *blabla*, *Larifari* “пустая болтовня”; *schlappern* “болтать, говорить вздор”. Сложность денотата ономастопов говорения предполагает номинацию в сфере звукоизобразительности вообще, основание которой составляют механизмы подражания и синестезии. Специфика фоносемантических единиц связана с их «постоянным эволюционным дрейфом из одной сферы в другую, когда трудно определить, где заканчивается звукоподражательность и начинается звуко-символизм» [Шляхова 2005: 69]. Материал представлен в прил. 1.

I. Изображение говорения без указания на его характер

Нем. *sprechen, plaudern, schwatzen, labern, gackeln, schörren*; рус. *говорить, калякать, туткать, тьякать, баять*. Типичными являются переднеязычные и губные (наиболее легкие в артикуляции), которые отражают участие голоса и ротовой элемент артикуляции. В немецком языке это преимущественно глухие. Среди гласных частотен звук /a/. Сонант // указывает на голосовой источник и ротовой характер. Вибрант указывает на шумовой источник.

II. Изображение говорения с указанием на степень громкости

1. **Шепот:** нем. *ispfern, fispeln, zischeln, flüstern, lispeln, tuscheln, hauchen*; рус. *шу-шу, шушукать, шептать, шикать*. Глухой фрикативный отражает шумовой и спираторный характер артикуляции. В немецком латеральный указывает на голосовой источник и ротовой характер.

2. **Негромкая речь:** нем. *kollern, gurren, turteln, mucken*; рус. *па-па-па, лепетать, ворковать, бурчать, тюргать, уркать*. Здесь актуализируются взрывные (шумовой источник) и сонорные согласные (ротовой характер); среди гласных – наименее звучный /y/ (рус.), /u/ (нем.).

3. **Громкая речь, крик, брань:** нем. *schreien, brüllen, kreischen, grölen, rasanen*; рус. *орать, кричать, вопить, галдеть, реветь, рывкать, базлать, хайлить, хайланить*. Вибрант отражает турбулентные шумы, диссонанс звучания; заднеязычные – горловой характер артикуляции.

III. Изображение говорения с указанием на артикуляционную четкость

1. **Шепелявость:** нем. *zischeln, lispeln, nuscheln*; рус. *шепелявить*. Глухой фрикативный отражает спираторность процесса и отсутствие зубного элемента артикуляции.

2. **Заикание:** нем. *murksen, stottern, stamern*; рус. *заикаться*. Взрывной заднеязычный отражает смычку артикуляции при производстве звуков речи.

3. **Невнятная, нечленораздельная речь:** нем. *bäh, hm, tumm, babbeln, quakeln*; рус. *бурчать, бормотать, мямлить, лепетать, шмакать, бунчать*. Типичны губно-губные и сонорные.

4. **Говорение в нос, гнусавость:** нем. *näseln, nuscheln*; рус. *гнусавить, гундосить*. Сонорный назальный отражает носовой элемент артикуляции. В русском заднеязычный часто назализуется под влиянием сонорного.

IV. Изображение говорения с указанием на темп речи

Быстрая, торопливая речь: нем. *ratschen, rasseln, schnattern, schnadern, hervorsprudeln, plappern, glucken, sabbeln*; рус. *барабанить, репетить, тарактеть, тараторить, трещать*. Вибрант отражает шум, голос и скорость речи. В немецких ономатопах сонорный // указывает на голосовой источник звука.

V. Оценочное изображение говорения

1. **Монотонная, нудная речь:** нем. *summen, sumsen, leiern, surren*; рус. *зудеть, жужжать*. Звонкий фрикативный отражает голосовой источник звучания, сонорный лабиальный /m/, редупликация – однотипность звучания.

2. **Недовольная, злая речь:** нем. *blaffen, murren, zischen, fauchen, greißen*; рус. *лаяться, гавкаться, тявкать, бухтеть, шипеть*. Фрикативные, взрывные отражают движение наиболее подвижных органов речи при сильной выдыхательной струе. Вибрант знаменует звук, раздражающе действующий на слух.

3. **Ворчание, бурчание:** нем. *blubbern, brabbeln, grummeln, murmeln, krickeln*; рус. *бухтеть, бубнить, бурчать, ворчать*. В данных ономатопах актуализируются звонкие (губные) согласные и вибрант.

VI. Изображение говорения с указанием на смысловую структуру речи

1. Болтовня, бессодержательная речь: нем. *blabla, dudeln, gackeln, glücken, larifari, schwafeln, quasseln*; рус. *ля-ля фа-фа, болтать, калякать, балаболить, трещать*. В изображении болтовни могут актуализироваться взрывные и сонорные, которые указывают на участие голоса (нем. *babbeln, blabla*; рус. *болтать, балаболить*), вибрант, который отражает скорость (нем. *klappern, schlabbern, plappern*; рус. *тарыхтеть, тараторить*). Типична редупликация, указывающая на длительность и однообразие речи, и актуализация акустических ономатопопов.

2. Говорить, рассчитывая на сочувствие (жалуясь): нем. *nörgeln, quengeln, wimmern, maunzen, klönen*; рус. *стонать, скулить, ныть, хныкать*. Типично наличие сонорных, которые отражают голосовой источник. Здесь актуализируются артикуляторные ономатопопы плача, стоны, хныканья.

3. Сказать невпопад, неуместно: нем. *entschlüpfen, rausrutschen, losplatzen, rausplatzen*; рус. *брякнуть, ляпнуть, вякнуть*. Актуализация акустических ономатопопов: нем. *rutschen* “скользнуть”; нем. *platz*; рус. *бряк* “звук удара, стука”. В немецком языке добавляется префиксы *(he)raus, los*, которые обозначают движение наружу. В русском – суффикс *ну*.

5. Обманывать, сплетничать: нем. *hecheln, klatschen, plauschen, tratschen, quatschen*; рус. *брехать, заливать, звонить, свистеть, трепать*. Типичны акустические ономатопопы: нем. *klatschen* “хлопать (кого-л. по чему-л.)”; *ratschen* “звук резкого движения при протыкании, разрезании, разрывании”; *posaunen* “разглашать; раструбить”; рус. *брякать, хлопать, звонить*.

6. Говорение на непонятном языке: нем. *parlieren* (фр.); рус. *коть-мось* (коми-перм.); *спикать* (англ.); *пишкать* (польск.); *парлекать* (фр.); *шпрехать* (нем.). Заимствуется ономатопоп говорения чужого языка: фр. *parler*; нем. *parlieren*, рус. *парлекать*. Актуализируются звуки, которые наиболее отчетливо выделяются для слушателя в чужой речи (*пишкать, коть-мось*).

VII. Характеристика человека по его речи

1. Невнятно говорящий: нем. *Babbler, Bläffer, Plapperer, Plappertasche*; рус. *бормота, бунчало, бормотало, бумка, бормото, бормотуха*.

2. Любитель поговорить, болтун: нем. *Plauderer, Maul, Babbel, Brummer, Kläffer*; рус. *балаболка, болтуша, говорунчик, звонарь, чекуша, трепло*.

3. Лжец, склонный к обману: нем. *Quadratschnauze, Quatschmeier, Quatschmichel, Quatschkopf*; рус. *брехло, свистун, хлопуша, болтун, звонарь, трепло, базарило, ботало, трекало, хлопушка*.

4. Говорящий очень быстро: нем. *Schwatzbase, Plappertasche, Klapperschlange, Ratsche*; рус. *тараторка, трещотка, чечетка, цокотуха*.

VIII. Разговор (обычно характеризованный)

Нем. *Plauderstündchen, Kladderadatsch, Klatsch, Geklatsche*; рус. *болковни, говор, чикошня, болтовня, брехня, галдеж, жужжание, свист, трескотня*.

Итак, звукоподражательная подсистема ЗИС языков имеет достаточно многочисленную группу ономатопопов говорения. **Универсальные свойства ономатопопов говорения** по языкам: 1) большая часть ономатопопов говорения относится к разговорному языку и диалектам; 2) структурируются в языке согласно принципу соответствия структуры элементов денотата структуре языковой единицы; 3) большое количество ономатопопов говорения соотносится: а) с акустическими ономатопами: нем. *klatschen* “стучать, хлестать” – “выболтать, проболтаться”; *klappern* “громыхать; стучать” – “болтать, трещать”; рус. *хлопать* “громыхать; стучать” – “болтать, сплетничать”; б) с артикуляторными ономатопами: *schlabbern* “чавкать” – “болтать, говорить вздор”; *hauchen* “дышать” – “шептать”; *sabbeln* “пускать слюни; брызгать слюной” – “болтать”; рус. *стонать, хныкать* – “говорить, рассчитывая на сочувствие”; в) с криками животных и птиц: *bäh* “блеяние овцы” – “невнятная, артикуляционно нечеткая речь”; *brüllen* “рычать” – “громко кричать”; *tesckern* “блеять” – “мекать, невнятно говорить”; рус. *мычать* “мычание коровы, быка” – *мычать* “невнятно говорить”; 4) можно говорить об универсальных семантических переходах (метафорических моделях) в немецком и русском языках: а) звуки внешнего мира (обычно ударной природы) > говорение человека; б) звучание человеческого тела > говорение человека; в) крики животных и птиц > говорение человека.

К этим же выводам приходит Е. В. Ушакова, которая исследует русские и немецкие глаголы речевой сферы: в основе метафоризации глаголов гово-

рения лежат образы криков животных (*рычать, мурлыкать, шипеть; brüllen, brabbeln, zischen*), звуков природы и окружающего мира (*гудеть, тарыхтеть, (на)стучать; tönen, brummen*), конкретных действий, производимых человеком (*цедить, долбить, бросить, схлестнуться, излить; auspacken, eröffnen, herfallen, austauschen*) и явлений природы (*бушевать, вспылить, горячиться; sich erhitzen*). Общее количество таких глаголов – 88 в русских словарях и 46 в немецких. Метафорический перенос более характерен для глаголов речи русского языка [Ушакова 2008]. Вероятно, вывод относительно того, что метафорический перенос более характерен для русского языка, касается только глаголов. Наш материал этого не подтверждает.

Данная метафорическая модель указывает на то, что в языке фиксируется представление о том, что неодушевленные предметы и в целом универсум демонстрируют свойственные человеку физические, психические, интеллектуальные качества, в том числе способность говорить, разговаривать.

Ср. ...раздраженный и крылатый // сухой песок, щебечущий по-птичьи. А. Тарковский; У этого черепа был язык. В. Шекспир; ...улица корчится безъязыкая – ей нечем кричать и разговаривать... В. Маяковский; ...тот свет... не без-, а все-язычен. М. Цветаева. Ах, страданье молчаливо, // Неспособно к многословью. Г. Гейне. Кто ручейком зажурчал, — того узнает Узнаванье, // И оно, восторгая, ему // Творенье являет, // Чей источник — в конце, завершенье – в Начале начал. Э.-М. Рильке.

Здесь, вероятно, следует говорить об антропоморфизме как мыслительном процессе «переноса облика и свойств человека на материальные и идеальные объекты, в результате которого такие объекты уподобляются человеку, становятся “человекоподобными”. В древности человек был “базисной метафорой” (М. Мюллер): посредством “вдувания нашего собственного духа в хаос предметов и воссоздания его по нашему образцу” формировались представления о мире, мифология, структура языка» [Забияко 2009].

Можно отметить *специфические (идиоэтнические) черты ономастов говорения*: 1) в немецких ономатопах говорения зафиксировано большое количество сложных слов (*Plappermaul, Plappertasche, Plauderstündchen* и т.п.), что указывает на активное участие маргиналий в словосложении; 2) в немецком языке обнаружено незначительное количество глаголов (*plaudern, tratschen, plauschen*), которые обозначают собственно говорение.

Данные количественного анализа состава ономастопов говорения в немецком и русском языках представлены в табл. 4. В нашем материале количественный состав различных классов ономастопов говорения в немецком и русском языках приблизительно одинаковый.

Таблица 4

Класс ономастопов говорения	Количество слов			
	Единиц		%	
	нем.	рус.	нем.	рус.
Говорение без указания на его характер	22	26	10,5	9,5
Говорение с указанием на степень громкости	24	28	11	10
Говорение с указанием на артикуляционную четкость	20	21	9,5	8
Говорение с указанием на темп речи	5	19	2	7
Оценочное изображение говорения	20	38	9,5	14
Говорение с указанием на смысловую структуру речи	53	57	25	20
Характеристика человека по его речи	50	66	23	23,5
Разговор (обычно характеризованный):	20	21	9,5	8
Всего	212	276		

По данным Е. А. Ушаковой, исследующей русские и немецкие глаголы речевой сферы, структуры лексико-семантических полей этих глаголов русского и немецкого языков в целом совпадают, семантические различия обнаруживаются на уровне отдельных подгрупп [Ушакова 2008: 9].

По мнению Е. А. Ушаковой, «при сопоставлении метафорических значений глаголов двух языков обнаруживается несовпадение признаков переноса и отсутствие эквивалентных семантических структур слов. Так, различаются образы звуков животных и птиц, лежащие в основе глаголов речи двух языков (ср. *ворковать*, *каркать*, *фыркать* и *krächzen* “глухие звуки ворон или попугаев” → “глухая речь человека, как при простуде”, *quieken* “писк мыши” → “писклявая речь детей”, *schnattern* “звуки, произносимые гусями и утками” → “легкомысленное общение девочек”). Для немецкого языка, в отличие от русского, не характерен перенос номинаций со звуков живой природы и окружающего мира на речь человека» [Ушакова 2008: 14–15]. На наш взгляд, данные утверждения преждевременны. Ср. *klatschen* “стучать, хлестать” – “выболтать, проболтаться”; *klappern* “громыхать” – “болтать, трещать” и пр.

По Е. А. Ушаковой, в основе глаголов говорения русского и немецкого языков лежат как совпадающие (*открыть* – *eröffnen*, *hinzufügen* – *добавить* и

др.), так и несовпадающие образы (*дудеть, цокотать, городить, сыпать; teckern* (образ блеющего козла → речь недовольного человека), *anspielen* (образ передачи мяча → намек), *totreiten* (образ загнанной лошади → долго обсуждаемая тема) и др.), что свидетельствует о сходстве и различии в метафорическом осмыслении действительности этими народами [Ушакова 2008: 14–15]. Представляется, что говорить о специфике метафорического мышления этносов только на материале глаголов не совсем корректно.

Ср. в русском языке относительно речи: 1) метафора мячика: *Мой голос, как лошадь, испугался пьяного «наездника» и «выбросил» меня из седла.* В. Смехов. Театр моей памяти. *Тональность дискуссии прыгала как мячик – то вверх, то вниз.* А. Яковлев. Омут памяти. *Тогда худенький человек взял в одну руку портфель, в другую фуражку, пошел, как ни в чем не бывало, к двери, и я услышал отчетливый голос, упругий, как мячик, ясный, пронзительно-спокойный.* М. Шагинян. Агитвагон. *И «малогабаритность» этого жанра очень по мне: когда переводишь, все, целиком, – в руках, перекидываешь, как мячик, из ладони в ладонь, никакой громоздкости в работе.* Ю. Даниэль. Письма из заключения; 2) козел, баран и его голос: *Он даже вроде бы стал оскаливаться в улыбке: «А вот возьмут вас за глотку наши чекисты, заверещите тогда, будете блеять, что мы, мол, ничего не говорили, что мы над коммунистом не издевались!»* И. Шкловский. Эшелон. *Один получит обидное прозвище «козел», потому что будет противно блеять, а другой станет гордостью города, прославит его.* А. Ясова. Живой голос колокола. *Его нельзя согнуть в бараний рог и заставить за какую-нибудь бляшку блеять по-бараньи: бя-я-я!* Н. Лесков. Зимний день. *Должен я перед ней, перед шкурой, по-куриному кудахтать да по-бараньи блеять.* Г. Успенский. Из биографии искателя теплых мест. *Я все молчал, но у Генриха голос был козлетон, а слух – медведь на ухо наступил.* А. Найман. Любовный интерес. *Вениамин Иванович говорил Эди, что у него прекрасный козлетон. Не бас, не баритон, но козлетон.* Э. Лимонов. Подросток Савенко. *...сердитый Фимочка решительно заявил, что у новенькой не голос, а «козлетон».* Л. Чарская. Приютки.

По нашим данным, явное различие по языкам наблюдается только в фонолексической группе «Говорение с указанием на темп речи» (2 % в немецком; 7 % в русском). По данным Е. В. Ушаковой, подгруппы, характеризующие темп речи, составляют 12 русских и всего 2 немецких глагола [Ушакова 2008: 14]. Этот факт требует истолкования, так как очевидно, что характеристика темпа речи более значима для русского языкового сознания, нежели немецкого.

Считается, что средний темп немецкой речи обычно составляет 240–250 слогов в минуту [Lindner 1997], а русской – 240–260 слогов в минуту [Балыхина 2007]. Данные различия в восприятии темпа речи немцами и русскими не могут считаться существенными. Средний темп немецкой речи, оптимальный для восприятия, равен 110–130 словам; в русском языке – колебания более значительные (150–210 слов в минуту) [Кривнова 2007: 40].

На наш взгляд, данный вопрос требует специального исследования, поскольку эти различия в восприятии могут быть связаны со множеством факторов: средняя длина синтагмы в слогах; процент синтагм, содержащих паузы, средняя длина внутрисинтагменной паузы; процент границ синтагм, оформленных паузами, средняя длина межсинтагменной паузы; количество пауз на минуту речи; количество слогов в синтагме и др. [Жемерова 2009].

3. Полифункциональность фонемотипов

Исследование функций фонемотипов по разным классам ономатопопов позволяет установить их звукоизобразительную полифункциональность и определить те фонемотипы, которые несут в языке максимальную звукоизобразительную нагрузку (табл. 5).

Таблица 5

Фонемотип	Функция отражения	
	Русский язык	Немецкий язык
PLOS ^{3B}	1) прямое отражение удара, 2) мгновенный характер звучания, 3) громкость звучания, 4) голосовой источник говорения, 5) шумовой источник говорения, 6) взрывной источник говорения	1) прямое отражение удара, 2) мгновенный характер звучания, 3) громкость звучания, 4) голосовой источник говорения, 5) шумовой источник говорения, 6) взрывной источник говорения, 7) резкость завершения артикуляторного движения
PLOS ^{ГЛ}	1) прямое отражение удара, 2) отражение краткости тонового неударя, 3) мгновенный характер звучания, 4) шумовой источник говорения, 5) взрывной источник говорения, 6) негромкость говорения	1) прямое отражение удара, 2) отражение краткости тонового неударя (тона), 3) мгновенный характер звучания, 4) шумовой источник говорения, 5) взрывной источник говорения, 6) негромкость говорения
PLOS ^{lab}	1) смычный характер артикуляции, 2) участие губ, 3) ротовая локализация артикулятемы	1) смычный характер артикуляции, 2) участие губ, 3) ротовая локализация артикулятемы
PLOS ^{gut}	1) шумовой источник, 2) взрывной источник, 3) напряженность голосовых связок при говорении, 4) негромкость говорения	1) шумовой источник говорения, 2) взрывной источник говорения, 3) напряженность голосовых связок при говорении, 4) негромкость говорения

Фонемотип	Функция отражения	
	Русский язык	Немецкий язык
FRIC ^{gl}	1) отражение неударного чисто шумового (шума), 2) шумовой источник говорения, 3) отсутствие голоса при говорении	1) отражение неударного чисто шумового (шума), 2) шумовой источник говорения, 3) отсутствие голоса при говорении
FRIC ^{3b}	1) отражение неударного тоношумового, 2) шумовой источник говорения, 3) голосовой источник говорения, 4) громкость говорения	1) отражение неударного тоношумового, 2) шумовой источник говорения, 3) голосовой источник говорения, 4) громкость говорения
FRIC ^{med}	1) аппроксимированное отражение удара, 2) горловой характер кинемы, 3) напряженность процесса	1) аппроксимированное отражение удара, 2) горловой характер кинемы, 3) напряженности процесса
FRIC ^{prac}	1) участие передней части языка, 2) щелевой характер артикуляции, 3) спираторный характер артикуляемы	1) участие передней части языка, 2) щелевой характер артикуляции, 3) спираторный характер артикуляемы
FRIC ^{gutt}	1) щелевой характер артикуляции, 2) горловой характер артикуляемы, 3) спираторный характер артикуляемы	1) щелевой характер артикуляции, 2) горловой характер артикуляемы, 3) спираторный характер артикуляемы
FRIC ^{lab}	1) щелевой характер артикуляции, 2) спираторный характер артикуляемы, 3) участие губ	1) щелевой характер артикуляции, 2) спираторный характер артикуляемы, 3) участие губ
R	1) отражение чистого диссонанса, 2) дрожащий характер кинемы, 3) горловой характер кинемы, 4) напряженность процесса, 5) «грубый, резкий» характер артикуляемы, 6) громкость процесса, 7) шумовой источник, 8) взрывной источник, 9) скорость говорения, 10) напряжение голосовых связок при говорении	1) отражение чистого диссонанса, 2) дрожащий характер кинемы, 3) горловой характер артикуляемы, 4) напряженность процесса, 5) «грубый, резкий» характер артикуляемы, 6) громкость процесса, 7) шумовой источник говорения, 8) взрывной источник говорения, 9) скорость говорения, 10) напряжение голосовых связок при говорении
AFFR	1) аппроксимированное отражение удара, 2) отражение неударного чисто шумового (шума), 3) отражение элемента чавкающей артикуляции, 4) средняяязычно-небная смычно-щелевая артикуляция, 5) участие передней части языка, 6) напряженность процесса, 7) шумовой источник говорения, 8) взрывной источник говорения	1) аппроксимированное отражение удара, 2) отражение неударного чисто шумового (шума), 3) отражение элемента чавкающей артикуляции, 4) средняяязычно-небная смычно-щелевая артикуляция, 5) участие передней части языка, 6) напряженность процесса, 7) шумовой источник говорения, 8) взрывной источник говорения, 9) тоношумовой неудар
SON ^{nas}	1) отражение тонового резонаторного неударного, 2) голосовой источник говорения, 3) говорения в нос, 4) участие носовой полости	1) отражение тонового резонаторного неударного (тона), 2) голосовой источник говорения, 3) говорения в нос, 4) участия носовой полости
SON ^{lat}	1) отражение тонового неударного, 2) передача движения жидкости, 3) латеральный элемент артикуляции	1) отражение тонового неударного (тона), 2) передача движения жидкости, 3) голосовой источник говорения, 4) латеральный элемент артикуляции
SON ^{lab}	1) отражение тонового неударного, 2) участие носовой полости, 3) голосовой источник, 4) участие губ	1) отражение тонового неударного (тона), 2) голосовой источник говорения, 3) участие носовой полости, 4) участие губ в процессе

Фонемотип	Функция отражения	
	Русский язык	Немецкий язык
VOС	1) отражение тонового неударя, 2) передняя / задняя артикуляция, 3) участие голосовых связок, 4) голосовой источник говорения, 5) огласовочная функция	1) отражение тонового неударя (тона), 2) передняя / задняя артикуляция, 3) участие голосовых связок, 4) голосовой источник говорения, 5) огласовочная функция
Дифтонги		1) огласовочная функция, 2) участие голосовых связок, 3) напряженность процесса

Анализ функций фонемотипов в сфере акустического денотата показывает, что согласные в немецком и русском языках имеют от 8 до 13 звукоизобразительных функций. Характерно, что со снижением «гласности» снижается и количество звукоизобразительных функций: наименьшее количество функций у гласных, а также дифтонгов в немецком языке, значительно больше – у сонорных, аффрикат, вибранта; максимальное число функций – у взрывных, фрикативных. Очевидно, что это связано как с количеством фонем в ряду фонемотипов, так и с количеством оппозиций по дифференциальным признакам (глухость – звонкость, твердость – мягкость, лабиализованность – нелабиализованность и пр.).

Таким образом, наибольшая звукоизобразительная нагрузка в немецком и русском языках отмечается у взрывных (в немецком – 12 звукоизобразительных функций, в русском – 11); фрикативных (по 13 функций); вибранта и аффрикат (по 10 функций).

4. Выводы по главе

Исследование ономотопеи в аспекте фоносемантической типологии позволяет сделать следующие выводы.

1. Установлены следующие *универсальные свойства ономотопеи*:

1) в исследуемых языках представлено три основных класса ономотопов: акустические, артикуляторные, ономотопы говорения. Для звуковой картины мира немецкого и русского языков самыми значимыми являются звучания окружающего мира, эксплицированные в языке акустическими ономотопами (81–83 % исследованного материала). Звуки речи в акустической картине мира чуть более значимы (9–11 %), чем звучания человеческого тела (около 8 %);

2) объяснение именно такого характера экспликации возможных разнорядковых звуковых миров в языке следует искать в культурологии, психологии и когнитологии. Нельзя говорить о семантической «ничтожности», например, артикуляторных ономапов, поскольку жизнь тела является семиотически значимой во всех человеческих культурах. В культурологическом и философском контексте рассмотрение экспликации ономапии в языке заслуживает особого внимания;

3) количественное совпадение экспликации типов звучаний в русском и немецком языках говорит о непротиворечивом отражении в языке объективной реальности в некотором времени и пространстве (при условии приблизительно одинаковой звуковой среды), а также указывает на универсальный характер экспликации в языке звуковой картины мира;

4) звукоподражательная подсистема ЗИС исследуемых языков представлена одинаковым количеством классов, подклассов и фонолексических групп:

а) акустическая ономапия – 5 классов, включающих 17 типов;

б) артикуляторная ономапия – 3 класса, 8 подклассов, включающих 36 типов в немецком языке и 35 типов в русском языке;

в) ономапы говорения – 8 фонолексических групп, включающих 22 типа;

5) все ономапы структурируются по общей модели на уровне фонемотипов;

6) все ономапы организованы по принципу соответствия структуры элементов денотата структуре языковой единицы;

7) все фонемотипы в составе ономапов полифункциональны: согласные в исследуемых языках имеют от 8 до 13 звукоизобразительных функций. Наибольшая звукоизобразительная нагрузка отмечается у взрывных (в немецком – 12 звукоизобразительных функций, в русском – 11); фрикативных (по 13 функций); вибранта и аффрикат (по 10 функций).

8) во всех группах ономапов черты изоморфизма преобладают над алломорфизмом;

9) во всех группах выявлена корреляция количественного состава ономапов в исследуемых языках.

а) акустические ономатопы: менее всего представлены *тоновые звучания* (класс континуантов) – около 5–6 %; самым широко представленным классом являются *тоново-ударные звучания* (класс инстантов-континуантов) – около 40–43 %; *диссонирующие* (класс фреквентативов) и *чистые удары* (класс инстантов) составляют около 18–22 %;

б) артикуляторные ономатопы: наиболее значимыми для звуковой картины мира являются *крик* (9–12 %), *плач, вой* (5,6 % в нем., 12,7 % в русском) и *смех, хихиканье* (7,8 % в немецком, 6 % в русском), которые отражают базовые человеческие эмоции; небольшое значение придается таким процессам, как *шмыганье, резкое движение, стон, хныканье, удушье, глотание, кусание, икота, зевота, цоканье, щелканье, чавканье, посвистывание, чихание, рвота, хрип*;

в) ономатопы говорения: большая часть ономатопов говорения относится к разговорному языку и диалектам; большое количество ономатопов говорения соотносится с акустическими (нем. *klatschen* “хлестать” – “проболтаться”; нем. *klappern*, рус. *хлопать* “громыхать” – “болтать, сплетничать”) и артикуляторными (*schlabbern* “чавкать” – “болтать”; *hauchen* “дышать” – “тихо говорить”; рус. *стонать, хныкать* – “говорить, рассчитывая на сочувствие”) ономатопами, а также с криками животных и птиц (нем. *meckern* “блеять”, рус. *мычать* “о корове” – “невнятная речь”). Можно говорить об универсальных семантических переходах в немецком и русском языках: а) звуки внешнего мира (обычно ударной природы) > говорение человека; б) звучание человеческого тела > говорение человека; в) крики животных и птиц > говорение человека;

10) ономатопеи в языках часто представляют собой рифмованные образования (нем. *holterdiepolter, lalarifari, papperlapapp, zappzarapp, ruck-zuck*; рус. *цап-царап, трали-вали, тьяп-ляп, шурум-бурум*) и аблаутные диадмы (нем. *klipp-klapp, klitsch-klatsch, kling-klang, knips-knaps, piff-paff, pitsch-patsch*, ср. рус. *тик-так, динь-дон, буры-бары, шуры-шары* и пр.), которые являются ярчайшими метами иконических слов.

2. Также выявлены *специфические (идиоэтнические) свойства ономатопеи:*

1) колебания в численной представленности того или иного типа (колебания незначительны). Явное количественное различие по языкам (в два-три раза) наблюдается в следующих типах:

а) акустические ономатопы: в немецком материале не представлен тип 15 «Тоношумовые-тоновые шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты»;

б) артикуляторные ономатопы: в типах *лаkanie*, *лизание*, *сосание* (14,9 % в немецком языке; 7,2 % в русском); *плевание* (4,2 % в немецком; 1,3 % в русском); *кашель* (2,1 % в немецком; 4,6 % в русском); *жиление* (0,7 % в немецком; 2 % в русском);

в) ономатопы говорения: только в фонолексической группе «Говорение с указанием на темп речи» (2 % в нем.; 7 % в рус.). В немецком языке зафиксировано большое количество сложных слов (*Plappermaul*, *Plappertasche*, *Plauderstündchen* и т.п.);

2) незначительное количество однофонемных ономатопей (*sch* “тсс”, *r* “звук работающего механизма”) в немецком языке, что, на наш взгляд, связано с несистемной фиксацией подобных единиц в живой устной речи;

3) подтверждается отсутствие в немецком языке вибранта, обязательно для русского, в обозначении “хруста, треска”; для немецкого типично начальное /kn/: *knack(s)*, *knick(s)*, *knallen*.

Таким образом, в сфере ономатопей универсальных тенденций выявлено значительно больше, чем специфических.

Семантика ономатопов не ограничивается передачей звучаний окружающей реальности. В следующей главе анализируется неограниченный семантический потенциал ономатопей, позволяющий увидеть, как звук (в том числе и через механизмы синестезии / синестемии) разворачивается в обширную систему значений.

Глава III. СЕМАНТИКА ОНОМАТОПЕИ

1. Предварительные замечания

Семантические аспекты звукоподражаний изучались на материале немецкого [Глухарева 1978; Дементьева 1982; Корниенко 1983; Матасова 2006, Хабибуллина 2003; Филимоненко 2008; Пузиков 2006 и др.] и русского [Шляхова 1991, 2003, 2006, 2012; Аваков 2007; Тишина 2010 и др.] языков. Так, С. А. Филимоненко доказывает, что для немецких звукоизобразительных глаголов характерны метафорические переносы, которые выражены четырехчленной оппозицией: *животное – человек, природа – человек, природа – животное, механизм – животное / человек*, где наибольшее распространение получили первые два типа связи [Филимоненко 2008: 14–15].

Большинство исследователей немецкой [Филимоненко 2008; Аваков 2007] и русской ономотопеи [Карпухин 1979; Казарин 2000; Аваков 2007; Тишина 2010; Фатюхин 2000] рассматривает ее семантику в рамках рубрик, которые традиционно связаны со звукоподражательностью (подражание голосам животных и птиц, звуки человека, природные звуки и т.д.). Авторы предлагают традиционную семантическую типологию ономотопей. Подобная ситуация складывается и в изучении других языков [Стефановская 2012: 10].

Естественно, что именно ономотопея является основным средством отражения в языке звуковой картины мира. В то же время «простота» ономотопов – «простота кажущаяся. Значение такого слова – образование сложное и многогранное» [Воронин 1986: 29].

Многие исследователи на материале различных языков показали, что звукоизобразительные слова могут развивать богатую систему значений, вплоть до абстрактных понятий, таких как *Бог, жизнь, страх, разум, страсть* [Воронин 1982; Газов-Гинзберг 1965; Маковский 1996; Михалёв 1995; Шляхова 2003, 2004 и др.]. Изучение структуры фоносемантических полей привело к выводу о прототипических центрах (значения *резать, бить, сжимать, округлое, звукоподражание, буккальная деятельность*). Выяснив связи этих семантических прототипов с производными значениями, можно

описать протоязыковую картину мира, проследить ее развитие и сопоставить с современными когнитивными моделями [Михалёв 2008а, 2009б].

2. Фоносфера и ее экспликация в языке

Несмотря на то что звуковая картина мира привлекала многих исследователей, системного описания эта часть языковой картины мира до сих пор не получила. Частично эта проблема разрешается в отдельных исследованиях [Казарин 2000; Шляхова 2005, 2006, 2012; Курашкина 2007].

В работах С. С. Шляховой обосновывается понятие *фоносфера* [Шляхова 2005, 2006, 2012], которая является фрагментом картины мира и эксплицирована в языке ономатопами. ЗИС языка является отражением фоносферы в языке. Фоносфера – это некий звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровне, заполненный разнотипными биологическими (часто неосознаваемыми человеком), техническими и культурно-семиотическими (осознаваемыми человеком) звуковыми системами [Шляхова 2005].

Здесь следует пояснить соотношение понятий *фоносфера*, *языковая картина мира*, *звуковая картина мира*, *фоносемантическая картина мира*. *Звуковая картина мира* – это часть фоносферы, осознаваемая человеком и эксплицированная в языке; часть языковой картины мира; отраженная в языке совокупность представлений о звучащем мире; способ концептуализации звукового пространства. *Фоносемантическая картина мира* – это часть языковой картины мира, отраженная в языке при помощи фоносемантических единиц и категорий.

В рамках фоносферы выделяют биологическую (естественную, природную) и социальную (искусственную, антропо- и культурно-ориентированную) фоносферы. Соответственно, кодовыми механизмами передачи информации в рамках социофоносферы являются искусственно создаваемые в культуре знаковые системы, а в рамках биофоносферы – естественно складывающиеся системы звуковых сигналов. Биофоносфера и социофоносфера включают несемиотические структуры – природные и технические шумы.

В рамках *биофоносферы* выделяются:

1) *натурфоносфера* – звуки природных стихий в натурфилософском смысле (вода, воздух, огонь, земля), в том числе фоносфера осадков, состояния атмосферы, других метеорологических явлений (дождь, снег, движение воздуха и воды, оползни, ледоход и пр.): нем. *gluck, kluck* “звук движения жидкости”; *rutsch* “звук скольжения”; рус. *свистеть, выть* “о ветре”;

2) *фитофоносфера* – звучания растений (шум листвы, рост, высыхание, разрушение, ломание, взаимодействие и физические контакты и пр.): нем. *knicks*, рус. *крак* “звук при разламывании дерева”;

3) *зоофоносфера* – крики (голоса) и звуки, издаваемые животными и птицами при движении, передвижении, поедании пищи, взаимодействии: нем. *quak*, рус. *ква-ква* “кваканье”; нем. *sit*, рус. *жжж* “жужжание насекомых”;

4) *антропофоносфера* – звуки, издаваемые человеком (кроме речевых звуков) при движении, передвижении, поедании пищи, взаимодействии: нем. *ach, Ächzer* “вздых”, рус. *ах, охать*; нем. *happs*, рус. *ам, хам* “звук при кусании, хватании ртом”; нем. *hatschi*, рус. *анчихи* “звук чихания”.

Эта классификация условна, поскольку эти фоносферы являют собою маргинальные (переходные, диффузные) структуры. Так, зоофоносфера и антропофоносфера практически совпадают, их выделение обусловлено лишь источником звука (человек/животное). Характерно, что зоофоносфера и антропофоносфера представлены в языке общим рядом ономастиков, что указывает, в частности, на то, что человек и животное в отдельных своих проявлениях суть одно и то же. При этом очевидно наложение натурфоносферы и фитофоносферы на зоофоносферу и антропофоносферу при взаимодействии и физических контактах и пр.

Ср. нем. *gackeln, gackern* 1) “кудахтать (о курах), гоготать (о гусях)”, 2) “болтать и хихикать”, 3) “трещать”; *kläffen* 1) “гавкать”, 2) “браниться, собачиться”; *krächzen* 1) “каркать”, 2) “хрипеть, кряхтеть (о человеке, животном)”; рус. *кудахтать* 1) “о курах”, 2) “говорить, болтать”, 3) “приговаривать, хлопоча, суетясь”; *гавкать* 1) “о собаке”, 2) “кричать, ругаться”, 3) “говорить грубым низким голосом”; *каркать* 1) “о вороне”, 2) “говорить, предвещающая недоброе”.

В рамках биосферы выделяются системы естественных звуков, которые часто лишены информационной составляющей, что позволяет относить их к природным шумам.

В рамках *социальной фоносферы* выделяют:

1) *музыкафоносферу* – музыкальные звуки: нем. *tandaradei, tralla(la)*, рус. *ля-ля, на-на-на, тра-ля-ля* “пение, музыка, мелодия”;

2) *сигналофоносферу* – специальные звуковые системы – азбука Морзе, военные сигналы, сигналы технических средств (телефон, СВЧ-печь, компьютер, будильник, зуммер, клаксон, рингтоны и пр.): нем. *piep*, рус. *би-би, пи-пи* “звуковой сигнал автомобиля; автосигнализации”, “зуммер”;

3) *технофоносферу* – технические шумы и звучания (работающий механизм, движение технических средств передвижения и пр.): нем. *trapp*, рус. *дыр-дыр-дыр, тр-р-р* “звук работающего механизма, двигателя”.

Здесь также можно говорить об условности выделения фоносфер, о переходном, диффузном характере их границ. Так, частично совпадают музыкафоносфера и сигналофоносфера, сигналофоносфера и технофоносфера; их выделение обусловлено функцией и характером (намеренный / ненамеренный) звука. Более того, частично совпадают сигналофоносфера и музыкафоносфера с натурфоносферой, фитофоносферой и зоофоносферой, что очевидно, например, в рамках медитативной музыки или «экологического джаза», а также в сигналах сотовых телефонов, говорящих игрушках и пр. Ср. нем. *piepsen* 1) “пищать, чирикать”, *ugs.* 2) “свистеть”, 3) “ныть, жаловаться”, но *Piepser* “пейджер, звуковой сигнализатор (например, состояния принтера)”.

В техносфере можно выделять системы искусственных звуковых систем, которые лишены информационной составляющей (технические шумы).

В рамках социальной фоносферы можно выделить также (с определенными оговорками) *лингвофоносферу* (речевые звуки, звуки говорения (нем. *larifari*, рус. *ля-ля, трени-брени* “болтовня”), однако более органично ее расположение в переходной зоне между биосферой и семиосферой.

Количественная экспликация фоносферы сопоставляемых языков представлена в табл. 6.

Структура фоносферы	Немецкий язык	Русский язык
БИОФОНОСФЕРА		
Натурфоносфера	12,65	13,5
Фитофоносфера	2,84	2,4
Зоофоносфера	6,3	6,1
Антропофоносфера	19,65	20,23
Всего	41,44	42,23
СОЦИОФОНОСФЕРА		
Музыкафоносфера	1,28	1,1
Сигналофоносфера	0,28	0,26
Технофоносфера	6,14	4,85
Лингвофоносфера	6,54	5,97
Всего	13,24	12,18
Итого	55,68	54,41

Анализ показывает, что звуковая картина мира на уровне ономапии представлена лишь в половине случаев (55,7 % в немецком языке, 54,4 % в русском), оставшийся корпус звукоподражательной лексики не связан со звуковой картиной мира, так как отражает другие стороны человеческого бытия, формируя через семантические переходы «незвуковые» значения.

Семиотическая фоносфера исследовалась в рамках лингвистики, этнолингвистики, музыковедения, культурологии, биоакустики и других наук. Семиофоносфера является результатом перехода звуковых систем био- и социофоносферы в пространство «другой» семиотики, которая включает не только естественным образом организованные звуковые системы (исследуемые в рамках биосемиотики), но и не-семиотические структуры – природные и технические шумы. В рамках семиофоносферы не-семиотическое звуковое пространство социо- и биосферы семиотизируется.

В семиофоносфере происходит интерпретация звуковых сигналов и шумов и «встраивание» их в контекст культурно-исторического пространства. Внешне хаотично звучащий мир, лежащий за границами семиофоносферы, семиотизируется и превращается в информацию другого порядка. Так, звуки животных становятся интеллектуальной характеристикой человека: нем. *Bähschaf* “дурак”; *Bählamt* 1) дет. “ягненок”, 2) “овца (о глупом)” (*bäh* “блеяние”); рус. *ни бе ни ме (ни кукареку)* 1) “ни то ни се”, 2) “дурак, болван”.

На наш взгляд, исследование эволюции значений звукоподражаний в системе языка позволяет прояснить многие вопросы, связанные с когнитив-

ными процессами и характером отражения объективной реальности в языке. В то же время исследование экспликация фоносферы в «самой себе и для себя» не позволяет увидеть значимость ономотопеи в языковой картине мира в целом. В нашу задачу входило выявление роли ономотопеи в экспликации картины мира как таковой в исследуемых языках. С этой целью было предпринято идеографическое описание ономотопеи согласно идеографическим словарям Ф. Дорнзайфа [Dornseiff 2004] и О. С. Баранова [Баранов].

3. Идеографическое описание ономотопеи

В наиболее значительном идеографическом словаре немецкого языка Ф. Дорнзайфа фоносемантические маргиналии отсутствуют. «Разбивка осуществляется в следующем порядке: от а priori (1–4-й классы) к словам, выражающим понятия, связанным с социальными отношениями и культуры (13–20-й классы), через группы слов, обозначающих понятия, относящиеся к природе (5–8-й классы) и человеку (9–12-й классы)» [Dornseiff 2004]. Согласно словарю Ф. Дорнзайфа, поля «а priori», «природа», «человек» в нашем материале получают следующие количественные характеристики (табл. 7).

Данные таблицы показывают практически одинаковое наполнение выделенных семантических полей в исследуемых языках. Подавляющее большинство ономотопей располагаются в семантическом поле «Человек».

Таблица 7

Семантические поля	Количество ономотопей, %	
	немецкий язык	русский язык
А priori	15,65	15,18
Природа	21,7	20,98
Человек	62,57	63,84

«В словаре Ф. Дорнзайфа, как, впрочем, и в других идеографических тезаурусах, широко представлена лексика всех стилевых слоев языка. Это оправдано тем, что одним из адресатов словаря являются люди, занимающиеся литературным трудом (писатели, переводчики, журналисты), которым он должен помочь найти нужное слово для адекватного выражения мысли. Слабой стороной словаря является неясность принципов выделения двадцати ос-

новых понятийных классов» [Морковкин 1970]. Несмотря на стилевое и стилистическое разнообразие представленной в словаре Ф. Дорнзайфа лексики, фоносемантические маргиналии в нем отсутствуют.

В русских идеографических словарях более или менее системное описание фоносемантические маргиналии получили в русском тезаурусе О. С. Баранова [Баранов]. Идеографическое описание немецкой и русской ономотопеи проводилось в рамках 12 разделов: 1. *Реальность*, 2. *Образование (формация)*, 3. *Множественность*, 4. *Организованность*, 5. *Природа*, 6. *Бытие*, 7. *Живая природа*, 8. *Человек (физиологический)*, 9. *Личность*, 10. *Общество*, 11. *Социальная сфера*, 12. *Цивилизация*. Количественный анализ исследуемых слов представлен в прил. 2.

Раздел 1. РЕАЛЬНОСТЬ

В подразделе «*Реальность*», в котором представлены такие абстрактные понятия, как объект, существование, миропорядок, возможность, невозможность, логика и т.п., ономотопеи встречаются редко. В русском языке зафиксировано лишь несколько акустических ономотопов для выражения обусловленности (*вытекать* “являться логическим выводом, следствием чего-либо”, *проистекать* “происходить из чего-либо”), касательства (*касаться* “иметь отношение к кому-либо или к чему-либо, быть связанным с кем-либо или с чем-либо”, *соприкасаться*).

В подразделе «*Связь*», в котором данное понятие представлено как категория целостности действительности, наибольшее количество акустических ономотопов зафиксировано в подгруппе «Отрицание»: нем. *abschlagen*, *ausschlagen* “отвергать”; “отказываться (от чего-л.)”; *aus den Angeln reißen* “перевернуть вверх дном”; рус. *отбиваться*; *отказаться наотрез*, *отталкивать*, *отклонять*. Семантический переход «удар > отрицание» является регулярным в немецком и русском языках.

Раздел 2. ОБРАЗОВАНИЕ (ФОРМАЦИЯ)

В подразделе «*Образование*» ономотопея значительно представлена в подгруппах «*Соединение*» (нем. *klitschen* “склеиваться”; *picken* “липнуть”;

рус. *сцеплять, приляпать, липнуть, паутина*) и «**Разделение, часть**» (нем. *rochen* “толочь; дробить; измельчать (например, руду); *Brocken* “кусочек; крошка; обломок”; рус. *прервать; рассечь; дробить; обломок; осколок; огрызок*). Ономатопы удара в данной подгруппе обозначают способ соединения/разъединения. В немецком и русском языках установлены регулярные семантические переходы 1) «удар > соединение», 2) «удар > разделение, часть»; в русском – «звук тела > разделение, часть» (*огрызок*).

В подгруппе «**Соответствие, целостность**» звукоподражания зафиксированы для обозначения искажения (нем. *verzerren* “искажать”; *verküppeln* “изуродовать”; *schief und krumm* “вкривь и вкось”; рус. *корявый, вкривь и вкось; перекося; передергивать, ломать*), путаницы (*Verwirrung, Wirrwarr* “путаница”; *Fitze* “клубок, путаница”; рус. *сбиться с толку; сбиться с панталыку; черт голову [ногу] сломит*), точности, полноты, одинаковости, неопределенности, недостаточности. Наибольшее количество акустических ономастопов зафиксировано в подгруппе «Искажение, путаница», т.е. семантические переходы «удар > деформация, искажение > путаница, неразбериха» являются типичными для немецкого и русского языка.

Раздел 3. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

В тематической группе «**Величина**» самыми обширными являются подгруппы: «**Совокупность**» (нем. *Klumpatsch, Klump, Pflatsch* “куча, груда”, *wimmeln von D, knüppeln, kribbeln* “кишеть (чем-л.)”; рус. *куча, чохом*), «**Скорость**» (нем. *schwipp, schwupp, wupp, schwuppdiwupp, ritsch-ratsch* “быстрое, неожиданное и/или интенсивное действие, движение”; рус. *трах-бах, раз, хват, сломя голову*), «**Интенсивность**» (нем. *knackfrisch* “очень свежий”, *piepjung* “желторотый (очень молодой)”; рус. *броский; хлесткий; взрывной*). Множественность в немецком и русском языках выражается ономатопами удара и диссонанса. Артикуляторные ономатопы встречаются реже: нем. *hauchzart* “нежнейший; тончайший”; рус. *кричащий*. Данные языковые единицы имеют в основном разговорную окраску. В немецком языке подгруппа «Интенсивность» представлена значительно больше, чем в

русском языке. Регулярные семантические переходы: 1) «удар > совокупность», 2) «удар > скорость», 3) «удар > интенсивность», 4) «звуки тела > интенсивность».

В группе «**Форма**» как в немецком, так и в русском языке акустические ономатопы служат для обозначения различных «**округлостей, выпуклостей**» (нем. *Zacke* “желвак, шишка, нарост”, *Beule* “шишка, желвак (на теле)”, “выпуклость, вмятина (на металлической посуде)”, *Plotzer* “шарик (из стекла)”; рус. *кочка, почка, плюшечка* “таблетка”); «**полостей, пустот**» (нем. *Beutel*, “мешок, кошелек”, *Zecker* “корзина для покупок”, *Kötze, Kieze* “корзина”, *Knappsack* “котомка, ранец, сума (у нищих)”; рус. *копанец* “колодец”, *чеплажка, буча* “сосуд”, *бучок* “корзина”, *плюшка* “рюкзак”, *жерло* “отверстие”, *щерба* “выбоина”); «**изгибов, кривизны**» (нем. *Bogen* “дуга”, “изгиб”, “арка”, “древесина для гнутья, свод”, *Beuge* “излучина (реки), кривизна (поверхности)”, *Buckel, Puckel* “горб”, *Kringel* “кривой, неровный круг”; рус. *коготь* “коготь”, *курица* “железный крюк”, *корячить* “гнуть”). В данной группе в немецком языке зафиксирована преимущественно нейтральная лексика. Семантические переходы: 1) «удар > округлость, выпуклость», 2) «удар > полость, пустота», 3) «удар > изгиб, кривизна».

Раздел 4. ПРИРОДА

В группе «**Явление**» ономатопы удара, диссонанса развивают значения, связанные с началом действия, его ускорением, ограничением, исчезновением, окончанием и т.п. Подгруппа «**Организовать**»: нем. *den Laden (schon) schmeißen* “провернуть/обтяпать это дело”, *einen Krampf drehen/reißen* “провернуть/совершить что-л. нечистое/незаконное”, *ein Lager aufschlagen* “разбить лагерь”; рус. *обстрипать, обтяпать, разбить* (сад), *ворочать* (делами). «**Побуждать к действию**»: нем. *puffen* “подталкивать”, *einer Sache einen Ruck geben* “ускорить [сдвинуть с места] дело”, *anspornen* “подгонять, побуждать, поощрять, стимулировать”; рус. *подтолкнуть, понукать*. «**Исчезнуть (материально)**»: нем. *trallala gehen, futsch sein, hops gehen* “исчезнуть”; рус. *превратиться в прах, как ветром сдуло, ухайдакать*.

В данной группе преобладают акустические ономатопы, которые обозначают скорость, интенсивность явления. Здесь также зафиксированы артикуляторные ономатопы: ср. нем. *einer Sache (D) Leben einhauchen* “вдохнуть жизнь в какое-либо дело”, ср. рус. *вдохнуть душу* (во что-л.), *рассосаться* “исчезнуть”. Ономатопы, обозначающие дыхание, развивают значение “начало / конец действия”. Русский артикуляторный ономатоп *сосать* развивает значение “постепенное исчезновение”. Регулярные семантические переходы: 1) «удар > начало, ускорение, ограничение, исчезновение, окончание действия», 2) «дыхание > начало». В русском языке выявлен переход «звуки тела > исчезновение (*рассосаться*)».

Различные этапы протекания процесса (группа «**Время**») нередко номинируются акустическими ономатопами. Более подробно данная лексика представлена в группе «Жизнь человека» (раздел, подраздел «Личность»). «**Протекать (во времени)**»: нем. *Knickpunkt* “переломный момент”; *Zapfenstreich* “время отбоя”; *abblasen* “давать отбой, отменять (бой, выступление, мероприятие)”; рус. *протекать* (протекает процесс); *стечение* обстоятельств; *катиться* (ночь катится к рассвету); «**Момент**»: нем. *eine geschlagene Stunde* “битый час”; *das ist nur ein Handgriff* “раз и готово”; *wie fortgeblasen* “как ветром сдуло”; рус. *пробил час; разом; враз; битый час; как [будто / словно / точно] ножом отрезало; как [будто / словно / точно] ветром сдуло [сдунуло]*. Акустические ономатопы обозначают скорость, интенсивность явления, имеют разговорную окраску. Регулярные переходы: 1) «удар > интенсивность», 2) «удар > течение жизни».

В группе «**Материя**» выделяются подгруппы: «**Механическое движение**» (нем. *bremsen* “(за)тормозить”; *hopsen* “прыгать, скакать”; *huscheln* “промелькнуть, скользнуть”; *schaukeln* “качать, раскачивать”; *Ruck* “толчок, рывок”; рус. *толчок, рывок, качать*); «**Удар**» (нем. *patschen* “хлопать, похлопывать”; *butzen* “ударить, бухать”; *peitschen* “сечь, хлестать”; рус. *боткать, буцать, буцать, стучать, хлопать, трахнуть*); «**Производить звук**»: нем. *ticken* “тикать”; *tückschen* “тремечь”; *klicken* “щёлкать”; *pimprern* “звенеть”; рус. *бряцать, стучать, скрипеть, трещать, щёлкать, журчать*. В подгруп-

пах «Удар», «Звук» зафиксированы акустические ономотопы. Регулярный семантический переход «удар > движение».

Ономатопы удара регулярно образуют значения, связанные с **«разрушением, деформацией»**: нем. *kaputt* “разбитый, испорченный”; *Knick* “надлом, излом”; *bröcklig* “хрупкий, ломкий”; *zerbrechen* “расколоть”; рус. *скрючиться, рвать, лопаться, треснуть, ломать(ся)*. Семантическая трансформация «удар > разрушение, деформация» является регулярной в немецком и русском языках.

Ономатопы удара развивают значения, связанные с жидкостью, ее движением и т.д. Подгруппа **«Жидкость»**: нем. *zapfen* “цедить, наливать (вино из бочки и т.д.)”; *Tippel, Tüpfel* “капля”; *plempern* “лить”, *quatschen* “хлюпать (о жидкой грязи)”; рус. *булькать, капли, болтыхать, хлюпать, плюхаться*. Артикуляторные ономотопы встречаются редко: нем. *lecken* “течь, протекать, пропускать воду” (*lecken* “лизать”). Семантический переход «удар > жидкость» является регулярным в немецком и русском языках. В немецком языке установлен переход «звуки тела > движение жидкости».

Раздел 5. БЫТИЕ

В подразделе «**Вселенная**», в котором описываются такие сферы, как «Космос», «Галактика», «Геология», «Геофизика», «История Земли», содержится незначительное количество звукоподражательной лексики. Ономотопея встречается в следующих подгруппах: **«Небесная сфера, земля»**: нем. *Erdkruste* “земная кора”; *Schwarzes Loch* “чёрная дыра”; *Riß* “трещина”; *Erdbeben* “землетрясение”; *Ausbruch* “извержение вулкана”; рус. *чёрная дыра, плешивый месяц, блинница* “утренняя звезда”. Семантическое преобразование «удар > небесная сфера, земля» характерно для немецкого и русского языков.

Предметы и явления, которые, как правило, связаны с разрушением, деформацией, номинируются акустическими ономотопами. **«Ландшафт»**: нем. *Rutsch* “оползень”; *Kraxelfelsen* “крутая скала”; *Krachen* “лощина; ущелье, пропасть”; *Klippe* “крутой утёс, риф”; рус. *склон, обрыв, хребет, скала, ущелье, ключ, исток*. Названия гор, впадин, водоемов и т.п. мотивируются аку-

стическими ономатапами. Следует отметить, что в данных подгруппах в немецком и русском языках зафиксировано большое количество нейтральной лексики. Семантический переход «удар > ландшафт (горы, впадины, обрывы)» является регулярным в немецком и русском языках.

Различные **природные явления**, связанные с водой, ветром, температурой и т.п., обозначаются акустическими ономатапами.

«**Дождь, снег, град и пр.**»: нем. *Patsche* “лужа; слякоть”; *Tatsch* “грязь, слякоть”; *es pieselt* “идет мелкий нудный дождь”; *Platsch* “ливень”; рус. *моросить, накрапывать, пучина, пучинить* “наводнять”, *слякоть, кычить* “идти, порошить (о небольшом снеге)”; *хлюпанница* “топь”; *брызги* “первая оттепель”. «**Ветер**»: нем. *Huscher* “(лёгкий) порыв ветра”; *Bö* “шквал; (сильный) порыв ветра”; *blasen* “дуть”; *sausen* “шуметь; свистеть”; рус. *а-а-а, гу-у-у, у-у-у* «завывание ветра, метели», *гудеть* (о ветре). «**Холод, мороз**»: нем. *Zapfen* “сосулька”; *klirren* “трещать (о сильном морозе)”; *krachende Kälte* “трескучий мороз”; рус. *грянуть, трещать* (о морозе), *снежные хлопья, колотун*. «**Жара**»: нем. *knalleni* “жарко светить, жечь (о солнце)”; *knallheiß* adj “очень жарко”; *bullig* “жаркий; палящий (о зное); *grelle* “ярко светить”; рус. *солнечные лучи, палить, припекать, пекло*. Глагол *grelle* “ярко светить” происходит от корня *grell* “гневное рычание”. «**Неясная погода**»: нем. *rusig* “неспокойный (о погоде)”; *Kracher, Donnerschlag* “удар грома”; *Donnerbö* “грозовой шквал”; рус. *небо расколосось, ах, бах, бабах* “раскаты грома”.

Номинация происходит по звуку, связанному с данными явлениями. Для обозначения явлений, связанных с порывами ветра, как в русском, так и в немецком языках служат также артикуляторные ономатыпы: нем.: *pusten* “(сильно) дуть (о ветре)”, рус. *дуть, свистеть, завывать*. В русском языке в данной группе преобладает разговорная и диалектная лексика. В немецком и русском языках выявлены регулярные семантические переходы «звук > природное явление», «дыхание > ветер», в русском языке – семантический переход «звуки тела (рот) > холод, мороз (сосулька)».

Раздел 6. ОРГАНИЗОВАННОСТЬ

В тематической группе «**Функционирование**» в немецком и русском языках зафиксированы подгруппы «**Благополучие**»: нем. *klappen* “удаваться, ладиться, идти на лад”, *aus der Patsche rauskommen* “выпутаться, выкрутиться”, *tippstopp* “безупречный, отличный”, *bockstark* “клёвый, классный”; рус. *не подкопаешься, не придраться, катить масть, чик-чирикнуть, тип-топ, чики-чики; раз плюнуть [чихнуть]* “легко справляться”. «**Неблагополучие, препятствие**»: нем. *tappen (nach Dat)* “попадать (в лужу, ловушку, ситуацию и т.д.)”, *Kladderadatsch* “крах, провал, фиаско”, *in die Patsche kommen* “попасть впросак, влипнуть”, *Das ist futsch!* “Пиши пропало!”; рус. *влипнуть, вляпаться, выбивать(ся) из колеи, хлебать горе / лихо, несолоно хлебавши*.

Акустические ономаины в немецком и русском языках дают регулярные семантические циклы: “удар > благополучие”, “удар > неблагополучие”, обозначая при этом интенсивность. В русских фразеологизмах: *раз плюнуть [чихнуть], хлебать горе, лихо; несолоно хлебавши*, артикуляторные ономаины *плюнуть, чихнуть*, обозначающие физиологические процессы, которые не требуют усилий, развивают значение “легко жить”, артикуляторный ономаин *хлебать* “пить большими глотками” приобретает значение “трудно жить”. Таким образом, в русском языке установлен семантический переход «звук тела > благополучие / неблагополучие».

Раздел 7. ЖИВАЯ ПРИРОДА

Подгруппа «**Растения**» представлена акустическими ономаинами: нем. *Bockbeere* “смородина чёрная”; *Knackbeere* “земляника зелёная, полуница”; *Klatschmohn* “мак-самосейка”; *Puffbohne* “конские бобы”; рус. *пучок* “почка”, *кочки* “синий ирис”; *пучки* “борщевка”; *плюш, болоболка* “купальница”.

В немецком языке большая часть названий растений принадлежит либо специальной ботанической лексике, либо нейтральной лексике. Большинство названий представляют собой сложные слова, в состав которых входит ономаин: *klatsch* “звук удара по упругому”, *knack* “звук при треске, хрусте”, *puff* “звук удара, стука”. В немецком языке имеются также артикуляторные

ономатопы: нем. *Nieswurz* “морозник”, “чемерица” (*niesen* “чихать”), *Pfeifengras* “молиния” (*pfeifen* “свистеть”). В русском языке в этой подгруппе большинство названий растений имеет разговорную окраску. В немецком и русском языках регулярный семантический переход «удар > растения», в немецком языке – семантический переход «звуки тела > растения».

«Помятая, выдолбленная, разбитая и т.д. природа»: нем. *Knieholz* “низкорослый лес; криволесье”; *Geplotzte Äpfel, Birnen* “битые яблоки, груши”; *bröd* ю.-нем. “гнилой, трухлявый”; рус. *батог* “длинный толстый стебель сорняков”; *кочережка* “суковатое дерево”, *дерюга* “цепкая сорная трава”; *дерть* “крупное драное дерево”; *коряга* “суковатый пень”. Предметы, явления, действия, связанные с разрушением, деформацией, номинируются в немецком и русском языках акустическими ономатопами. Регулярный семантический переход – «удар > деформация, разрушение».

В группе «Животные» ономатопея играет значительную роль: выделяются подгруппы «Животные» (нем. *Klapperschlange* “тремучая змея”; *Bulle* “бык”; рус. *бык, баран, чушка* “свинья”); «Птицы» (нем. *Knarrente* “чирок-трескунок”; *Puter* “индюк”; рус. *грач, трясогузка, кряква, чирок, кукушка*); «Рыбы» (нем. *Burrhahn* “турухтан”; рус. *тяпуга, колода, скалозуб*); «Насекомые» (*Brummer* ugs. “навозная муха; большая жужжащая муха, жужжащий жук”; *жужелка, жужжалка, зузука* “жужжащее насекомое”); «Физиологическая сущность» (нем. *karren* “холостить (животных)”; *Tatze* “лапа (животного; о руке человека)”; рус. *клюв, шерсть, колоть, жалить, клевать, течка*); «Слова подзывания и отгона животных» (нем. *tucktuck, put put* “слова для кур”; *kusch* “возглас, которым отгоняют домашних животных”; *бар-бар, баранко, бараиш* “подзывают барана”; *кур, цып-цып* “слова для кур”); «Звуки, издаваемые животными, птицами, насекомыми» (нем. *gackeln* “кудахтать, клохтать, гоготать”; *riscken* “стучать клювом”; рус. *лаять, блеять, жужжать, мычать*).

Большинство названий животных в данной группе как в немецком, так и в русском языках мотивированы: 1) звуками, издаваемыми животными, птицами, насекомыми: нем. *Piepmatz* “птенчик”; *Kläffer* “брехливая собака”, рус.

кряква, кукушка, свиристель; 2) подзывными словами: нем. *Putput* “курочка”, *Puter* “индюк”; рус. *цыпленок*; *баран*. В данной группе также зафиксированы акустические (нем. *Schlappohr* “вислоухий (о зайце и т.п.)”; *Klappmütze* “хохлач”; рус. *бухало* “филин”, *кочка* “курица”) и артикуляторные (нем. *Säugetiere* “млекопитающие”; *Heulwolf* “койот”; рус. *кровососущие*) ономатопы.

В этой группе имеется большое количество разговорной, диалектной лексики: ср. нем. *Köter* “дворняжка, собачонка”, *Schlappohr* “вислоухий (о зайце и т.п.)”, *Brummer* “навозная муха, большая жужжащая муха”; рус. *бухарь* “тетерев”, *курохват* “ястреб”, *курехта* “индюшка”, *кур* “петух”. В немецком языке широко представлена специальная охотничья лексика: ср. нем. *brunsten, brunften* “быть в течке (о животных)”; *Ratz* “хорёк лесной [чёрный]”, “крыса”, “хомяк”, *Ratze* “крыса”, а также специальная зоологическая лексика: ср. нем. *Brummhahn* “тетерев”, *Trampeltier* “двугорбый верблюд”. Регулярные переходы: 1) «удар > животные», 2) «звуки животных > животные», 3) «подзывные слова > животные»; 4) «звуки тела > животные».

Раздел 8. ЧЕЛОВЕК

В данном разделе зафиксировано большое количество звукоподражательной лексики для обозначения физиологических, эмоциональных, психических характеристик человека.

В тематической подгруппе «**Органы, части тела**» преобладают акустические ономатопы: нем. *Patsche* “лапа (о руке)”, *Klappe* “глотка”; *Breche* “брюхо, пузо”, *Plauze* “лёгкое”; рус. *хлопушка* “сердце”, *грабка* “рука”, *брюхо* “живот”. Артикуляторные ономатопы также имеют место в этой подгруппе: рус. *глотка*, *чавка* “челюсть”, *храпки* “ноздри”, *храп* “горло”, *сопатка* “нос”; нем. *Pfeife derb* “Penis” (ср. *pfeifen* “свистеть”); *Blasrohr* разг. “задний проход” (ср. *blasen* “дуть”). Регулярные семантические переходы: 1) «звук > органы, части тела», 2) «звуки тела > органы, части тела».

Подгруппа «**Принимать пищу**» в немецком и русском языках представлена акустическими (нем. *pickern* “есть”, *bamsen* “набивать едой”, *acheln jaggen* “есть, жрать, рубать”; рус. *чунать*, *тюкать*, *буткать*, *бацать*, *тяпать*,

рубать, жрать, хрюпать) и артикуляторными (нем. *schmatzen, katschen* “чавкать”; рус. *хлепать, чавкать, глотать, сонеть*) ономатопами.

Подгруппа «**Пить**» представлена преимущественно артикуляторными ономатопами: нем. *glucke(r)n* “пить, издавая булькающий звук”, *herunterschlucken* “пить большими глотками”, *schlabbern, lappen* “хлепать, лакать”; ср. рус. *хлепать, лакать, сонеть*. Акустические ономаты встречаются в небольшом количестве: нем. *hinunterkippen* “пить большими глотками”; рус. *хлестать* “пить”, *журнуть* “отпить”.

Акустические ономаты в данных подгруппах указывают на интенсивность действия, артикуляторные ономаты актуализируют шумность процесса. Следует отметить, что эти подгруппы в русском языке представлены значительно обширнее, чем в немецком языке. Установлены регулярные семантические переходы в языках: 1) «удар > принимать пищу», 2) «звуки тела > принимать пищу, пить».

В подгруппе «**Дыхание**» в немецком и в русском языках есть не только артикуляторные ономаты (тип 14 «Дуновение (ртом)», тип 15 «Вдох/выдох», тип 16 «Дыхание с присвистом»; см. гл. III, п. 2.2). В этой подгруппе имеются акустические ономаты: нем. *Schnapper* “в(з)дох, тяжёлое дыхание”, *nach Luft schnappen* “задышаться, тяжело дышать” (*schnapp* “хватать”); рус. *хватать воздух* “тяжело дышать”, которые указывают на интенсивность процесса.

В подгруппе «**Спать**» в немецком и русском языках имеются не только артикуляторные ономаты (храпа) (нем. *schnarchen, schnurken* ugs. “храпеть”; рус. *дрыхнуть, всхрапнуть, храпеть*), которые обозначают в данном случае не храп как физиологический процесс, а крепкий сон. В немецком языке зафиксированы также акустические ономаты (нем. *knacken, ratzen, bremsen* “дрыхнуть, спать” (*knacken* “трещать”, *ratzen* “царапать”, *bremsen* “жужжать, гудеть”), которые также обозначают крепкий сон. Русские акустические ономаты *прикорнуть, клевать носом* отражают состояние во время сна (прислоняться к чему-л., наклоняться).

В немецком и русском языках подгруппа «**Половой акт**» мотивирована акустическими ономатопами: нем. *bocken, knacken, bumsen, puffen, floppen,*

bürsten, poppen “koitieren”; рус. *хлопаться, бахаться, бабахаться, бацаться, пилиться, пороться, дергать, трахать*. В русском языке в этой подгруппе значительно больше слов.

В подгруппе «**Другие физиологические процессы**» зафиксированы артикуляторные ономатопы для обозначения процессов глотания, икоты, зевоты, жила, рвоты (см. гл. III, п. 2.2. Артикуляторные ономатопы (тип 23, 29, 30, 32, 34). В данной подгруппе зафиксированы также акустические ономатопы, обозначающие акт мочеиспускания: нем. *pissen, pieseln, bullen, pinkeln* “мочиться”; рус. *сикать, писять, брызгать, драть, отливать*. Номинация происходит по звуку, производимому во время мочеиспускания.

В группе «**Физиологическая сущность**» в русском языке содержится большая подгруппа «**Физическая слабость**», которая состоит из акустических ономатопов: *выбиться из сил, закрутиться, упариться, захопотаться, наломаться, ухайдакаться* и артикуляторных ономатопов: *выдохнуться, задохлик, уыхаться, плюгавец, слюнтяй*. В немецком языке эта группа значительно меньше и состоит из акустических ономатопов: нем. *Piesepampel, Schlappsack* “слабак, хилак”; *krächelrig, klapperig* “слабый, дряхлый”. Акустические ономатопы обозначают интенсивность процесса, артикуляторные – физическое состояние.

Подгруппа «**Боль > болезни, нездоровье**» представлена акустическими ономатопами (нем. *Bocksprungspuls* “подскакивающий пульс”, *rasselnde Atmung* “хриплое дыхание”, *Kratz* “шрам, рубец”; *summen* ugs. “гудеть (о голове)”, *Rauschbrand* “газовая гангрена”, *Brummkater* “шум в голове (с похмелья)”; рус. *гудеть, чесотка, рубец, зуд, трещать, трясучка* “озноб, жар”), а также артикуляторными ономатопами (нем. *Pustel* “пустула, гнойник” (*pusten* “(сильно) дуть”); *Keuchhusten* “коклюш” (*keuchen* “пыхтеть”); рус. *хрипы, ханьгать, дохат* “кашлять” (см. гл. III, п. 2.2, тип 5. Чихание, тип 31. Кашель, тип 35. Рвота, тип 36. Хрип). Следует отметить, что в этой подгруппе в немецком языке большое количество ономатопов принадлежит нейтральной и специальной медицинской лексике. Акустические ономатопы указывают на характер болезненных ощущений (нем. *Schwirbel* “головокружение” (*schwirbeln* “кружиться”),

Krätze “чесотка” (*kratzen* “чесаться”), *Bocksprungspuls* “подскакивающий пульс”, ср. *Bock* “козел”, т.е. пульс «прыгает», как козел. Кстати сказать, *Bocksprungspuls* является специальным медицинским термином.

Таким образом, артикуляторные и акустические ономотопы активно участвуют в номинации различных физиологических процессов и состояний. Семантические переходы: 1) «удар > физическая слабость»; 2) «удар > половой акт»; 3) «звук > боль > болезни, нездоровье»; 4) «звуки тела > боль > болезни, нездоровье» являются регулярными в немецком и русском языках. В русском языке выявлен семантический переход «звуки тела > физическая слабость».

В группе «Внешность» как в русском, так и немецком языках зафиксированы преимущественно акустические ономотопы, обозначающие, как правило, недостатки фигуры и отдельных частей туловища и лица: нем. *Buckelkraxe* “некрасивая, страшная как смертный грех женщина”, *bummer* “безобразный, некрасивый”, *pickelig* “прыщавый”, *Krummhals* “кривошея”, *batzlaugert* “пучеглазый”, *Knolle* “нос картошкой”, *Krummnase* “кривой нос”; рус. *корявый* “рябой человек”, *бучня*, *чувырло* “отгалкивающий”, *хлопалки* “уши”, *буркалы* “глаза”, *пучеглазый*, *кочережный* “нос”. Реже называются достоинства: нем. *Knospentmund* шутл. “губы бантиком [поцелуйчиком]”, *zaskig* “бравый, молодецватый”, “по-военному”; рус. *смазливый* “красивый”. Регулярный семантический переход «удар > некрасивость, уродство».

Группа «Психика». Подгруппа «*Расстройство сознания*» мотивирована преимущественно акустическими ономотопами: нем. *plemplem*, *plim-plim* *salopp* “свихнувшийся, ненормальный”; *Tick* “одержимость, причуда, каприз”, *Raps*, *Rappel* “внезапное помешательство, приступ бешенства, дурь”; рус. *стукнутый об стенку / (пыльным) мешком / палкой* “странный, оторопевший, не в себе”, как *громом хлопнуло*, *чокнуться*, *стукнуться*, *трехнуть* “сойти с ума”. Ономотопы удара и диссонанса в немецком и русском языках развивают значение “сойти с ума”, что подтверждает регулярный семантический переход «удар > расстройство сознания».

Подгруппа «*Бесхарактерность*» мотивируется акустическими ономотопами: нем. *Schlappschwanz sein* “быть тряпкой, недотёпой” (*schlappen*

“шлепать, хлябать”), *Piesepampel* “тряпка” (*pieseln* “мочиться”), *Plumpsack* “увалень, тюлень” (*plumpsen* “шлёпнуться”); рус. *размазня, побитая собака, растяпа*. В русском языке в этой подгруппе зафиксированы также артикуляторные ономаины (рус. *хлюпик, слюнтяй*), а также слово *мямля*, которое мотивируется ономаином говорения (*мямлить* “медленно, вяло и невнятно говорить”). Регулярный семантический переход в языках «удар > физическая слабость > бесхарактерность», в русском языке – семантический переход «звуки тела > физическая слабость > бесхарактерность».

Группа «Мышление». «Процессы мышления, понимания», отсутствие ума номинируются, как правило, акустическими ономаином: ср. нем. *rauken* “зубрить, долбить”, *klick machen* “усечь, до кого-л. дошло”, *es hat bei j-m geklingelt* “наконец-то дошло до кого-л.”, *auf den Kopf knallen* “вдалбливать кому-л. что-л. в голову”; рус. *бахтурить* “перегружать мысли чем-либо”, *долбить* “твердить наизусть”, *усечь*.

В данной группе встречаются также артикуляторные ономаины: нем. *Pfeifenkopf, Pfeifenmann* “дурак”, *Pfeife salopp abwertend* “неспособный человек, бездарь, дурак”; рус. *всосать, раскусить* “понять”, Глагол *pfeifen* “свистеть” приобретает значение “отсутствие ума”. Ср. рус. *свистун* “пустой человек, бездельник, тунеядец”. Глагол *всосать* “принимать пищу, жидкость”, развивает значение “понимать”, т.е. поглощать, усваивать информацию.

В немецком и русском языках переходы: 1) «удар > процессы мышления, понимания»; 2) «звуки тела > процессы мышления, понимания».

Для обозначения положительных и отрицательных эмоций активно используются звукоподражательные слова. Представим самые многочисленные подгруппы в группе «Эмоции».

В подгруппе «Смех» преобладают артикуляторные ономаины (см. гл. III, п. 2.2, тип 21. Смех). Акустические ономаины также имеют место в данной подгруппе: нем. *sich kaputt/krumm/schief lachen* “умирать со смеху, хохотать до упаду” (*kaputt* “сломан, разбит”), *sich [D] einen Bruch lachen* “надорваться от смеха” (*Bruch* “перелом”); рус. *надрываться/лопаться/трястись от смеха*.

В тематической подгруппе «*Плакать*» преобладают артикуляторные ономатопы (см. гл. III, п. 2.2, тип 17. Плач). Здесь также зафиксированы акустические ономатопы: ср. нем. *bauzen* диал. “плакать; реветь”; ср. рус. *лить слезы*, которые обозначают интенсивность процесса.

Раздел 9. ЛИЧНОСТЬ

В данном разделе, в котором отмечаются различные проявления качеств характера человека, а также описываются этапы жизни человека, его чувства, трудовая деятельность, содержится большое количество ономатопий.

«*Мужчина*»: отрицательные коннотации: нем. *Pinkel* ugs. abwertend “пижон, задавала”; *Zipf* österr. abwertend “нудный мужик”; *Kloben* “чурбан; неотёсанный, грубый человек”; *Töffel* “простофиля, растяпа”; *Plump* “неотёсанный, топорный”; *Ballawatsch* österr. ugs. “бездарность (о человеке)”. Рус. *пискаля*, *хлюпик* “слабак, нытик”; *сосун* “молодой, неопытный, неумелый человек”. Положительные коннотации: нем. *Schnuckiputz* ласк. “милочек, дорогуша, золотце”; рус. *хлопец*, *чувак* “молодой человек”.

«*Женщина*»: отрицательные коннотации: нем. *Tucke* abwertend “злая вредная баба”; *Pissnelke* derb abwertend “девушка, которая обманывает ожидания мужчин, сикушка”; *Ruschel* “сумасбродка, взбалмошная баба; неряха”; рус. *хлыстка* “проститутка”, *бахвалка* “щеголиха”, *плюха*, *хлыстовка* “высокая, худощавая женщина”. Положительные коннотации: нем. *Schnucki* ugs., *Mutz* бав. “милочка, кисонька, голубушка”; рус. *секс-бомба* “сексуально привлекательная женщина”; *хлопушка* “ласковая, хозяйственная”, *кисонька*.

«*Дети*»: нем. *Buzel*, *Butz*, *Butzale* “ребенок, малыш”; *Butzawaggl* “капризный маленький ребенок”; *Knirps Murks*, *Murkel*, *Krümel* “карапуз, малыш, крошка”; *Vams*, *Vamps* bayег. “вредный ребенок”; *Kötel* nordd. “дерзкий ребенок (какашка)”; *lullig* ю.-нем. “капризный, своенравный”; рус. *лялька*, *пискун*, *сосунок*, *цыплёнок*, *бутуз*, *отпрыск*, *ползун*, *ползунок*, *верезга* “плаксивое дитя”; *короед*, *дергуша* “о непоседливом ребенке”.

В немецком и в русском языках подгруппы «Мужчина», «Женщина», «Дети» мотивируются преимущественно акустическими ономатопами: нем. *Kloben* “чурбан; неотёсанный, грубый человек” (*klieben* “колоть”); *Knispel*

landsch “надоедливый человек” (*knispeln* “теребить что-л., (издавая негромкий звук); *Butzawaggl* “капризный маленький ребенок” (*butzen* dial. “толкать; ударить, бухать”); *Fips* “малыш” (*fipsen* “дать щелчок кому-л.”); рус. *пискаля* “слабак, нытик”, *хлюник*, *хлыстка* “проститутка”. Артикуляторные ономотопы зафиксированы незначительно: нем. *Säugling* “грудной ребёнок, сосунок”, *Schnaufer* schweiz. “незрелый юноша”; рус. *сосунок*, *сопляк*. В отношении мужчин и женщин, как правило, подчеркиваются отрицательные качества характера, поведения, реже – достоинства.

В немецком и русском языках акустические ономотопы регулярно образуют значения, связанные с обозначением человека (мужчины, женщины, ребенка), чаще всего с отрицательной коннотацией, артикуляторные ономотопы – значения, связанные с обозначением ребенка, юноши. Регулярные переходы: 1) «удар > человек (мужчина, женщина, ребенок)»; 2) «звук > человек (мужчина, женщина, ребенок)»; 3) «звук тела > ребенок, юноша».

Группа «Жизнь человека». В подгруппе «Зарождение жизни» в немецком и в русском языках зафиксированы акустические ономотопы: ср. нем. *es hat bei ihr geklingelt, es hat bei ihr geschnappt* ugs. “она забеременела”, рус. *куколка*, *почка*, *источник*, *тереть* “метать икру”. Звукоподражательные глаголы *klingen* “звенеть” и *schnappen* “защёлкнуть” указывают на начало беременности. Ср. рус. *прозвенеть* “звоном указать определенное время”.

В подгруппе «Течение жизни» отражаются различные моменты в жизни человека: нем. *auf Aufbruch heiraten* шутл. “выйти замуж (жениться) в расчете на скорую смерть богатого супруга (супруги)”, *schnappen* “стремиться найти, раздобыть, охотиться за наследством”, *glucken* “высиживать (что-л.), сидеть как клуша”; рус. *куриться* “жить без суеты”, *как курочка* “о тихом, спокойном”, *братся* “сочетаться браком”.

«Старение»: нем. *Runkunkel* разг. “старушенция; старая карга”; *alter Knacker* “старик”; *Wackelgreis* “шатающийся старикан”; *Knirps* “человек старый”; *Kracher* abwertend “старикан, старая развалина (о человеке)”; рус. *катиться под гору*; *стереться*; *дряхлеть*; *чахнуть*; *истрепаться*; *старый хрыч*, *кырно* “старый человек”. Как в немецком, так и в русском языках в

подгруппе «Старение» преобладают акустические ономато́пы, которые часто служат для обозначения разрушения, деформации. В данной подгруппе зафиксированы также артикуляторные ономато́пы: нем. *auf dem letzten Loch pfeifen* “дышать на ладан”; *bis zum letzten Schnaufer* “до последнего издыхания/вздоха”; рус. *выдохнуться, дышать на ладан*. Артикуляторные ономато́пы развивают значение угасания физиологических процессов.

Подгруппа «**Смерть**» представлена в немецком и русском языках акустическими ономато́пами: нем. *abschnappen, abkratzen* “протянуть ноги, сдохнуть”, *hops gehen* “погибнуть, сломать себе шею”; *knallen* “хлопнуть, застрелить”, рус. *окочуриться, копыта откинуть, боты загнуть* “умереть”, *кочконуть, прибить* “убить”. Ономато́пы удара часто развивают значение “убить”. Артикуляторные ономато́пы также имеют место в данной подгруппе: нем. *j-s Lebenslicht wurde ausge|blasen/pustet* “кто-л. умер/погиб”; рус. *сдыхать, сдохнуть*. В русском языке эта подгруппа значительно шире представлена, чем в немецком. Регулярные семантические переходы: 1) «звук > зарождение жизни»; 2) «удар > старость»; 3) «удар > смерть»; 4) «звуки тела > старость»; 5) «звуки тела > смерть».

Группа «**Духовная сфера**». Подгруппа «**Интимные отношения, любовь**» мотивирована преимущественно акустическими ономато́пами: нем. *butzen* “целовать”, *tätscheln* “ласкать, гладить”, *baggern* “флиртовать”, *mit Wimpern klimpern* “строить глазки”, *mit den Augen klappern* “стрелять глазами, кокетничать”, рус. *щелкать / стрелять глазами* “кокетничать”, *чухай, бахтер* “ухажер”, *бахтерить, ухлестывать* “ухаживать”, *трепун* “ветреный мужчина”, *харка, шуриша* “любовница”. В русском языке, по нашим наблюдениям, эта подгруппа значительно шире представлена, чем в немецком. В этой подгруппе встречаются также артикуляторные ономато́пы: нем. *j-n zum Schnaufen bringen* “распалить / заводит кого-л.”, “возбуждать в ком-л. влечение, страсть” (*schnaufen* “пыхтеть”), *schlecken* “лизаться, целоваться (*schlecken* “чмокать, лакомиться”); рус. *чмокнуть, лизаться, сосаться*.

Подгруппа «**Волнение, переживание**»: нем. *Ruck* “волнение, возмущение”; *bocken (sich)* “скучать”; *Knochenkotzen* “тошнотворность”; *zittern (vor D)*

“дрожать, переживать”; *beben* “дрожать, бояться, трепетать”; рус. *кокотать* “оставаться одной, горевать”; *кукситься, скука, скребет* (на душе, на сердце)”, *дручить* “мучить, томить”; *дергаться* “нервничать”; *трепать* “дрожать”. В данной подгруппе преобладают ономато́пы удара и диссонанса, которые отражают интенсивность «бурных» волнений. «Тихие» волнения обозначаются артикуляторными ономато́пами: нем. *seufzen* “вздыхать, сожалеть”, *losheulen* “распустить слюни”; рус. *вздыхать* “тосковать, горевать, грустить о ком-либо”, *распускать слюни / нюни*.

Регулярными в немецком и русском языках являются семантические переходы: 1) «удар > интимные отношения, любовь»; 2) «удар > волнение, переживание»; 3) «звуки тела > интимные отношения»; 4) «звуки тела > волнение, переживание».

Группа «Деятельность человека». Подгруппа «*Трудиться*» мотивирована акустическими ономато́пами: нем. *bimsen* “трудиться, стараться изо всех сил” (*bimsen* ugs. “колотить”), *plotzen* “упорно работать” (*plotzen* “ударять, бить”), *racken* südd. (*rack* “трах”); *rapsen* “трудиться, биться, мучиться” (*rapsen* “хлопать, шлёпать”); рус. *биться, зубрить, долбить, грызть* (*гранит науки*).

Обширная подгруппа «*Бестолковая, неаккуратная деятельность*» представлена акустическими ономато́пами: нем. *patshert* “неловкий, неумелый” (*patsh* “бах, хлоп”); *huscheln* “работать небрежно, кое-как, тят-ляп” (*husch* “шух, шмыг”), *Flöhe knacken* “бездельничать, прозябать” (*knacken* “щёлкать, давить (блох)”, рус. *чикаться; тят-ляп, кочкать* “делать небрежно”, *груши околачивать* “бездельничать”, *лоботряс* “бездельник”. В русском языке в данной группе также зафиксированы артикуляторные ономато́пы: рус. *пыхтеть* “упорно работать”, *хлебальником щелкать* “быть растяпой”, *плевать [поплевывать] в потолок* “лениться”.

«*Профессия, виды деятельности, место работы*». Различные виды деятельности номинируются акустическими ономато́пами, которые обозначают, как правило, действие, производимое человеком во время этой деятельности: нем. *Rauker* “литаврщик”, “учитель” (*rauken* “бить в литавры”; барабанить (на фортепьяно), *Kicker* “футболист”, “хоккеист” (*kicken* “ударять, толкать (шайбу –

в хоккее); бить (по мячу – в футболе)”, *Hauer* “забойщик” (*hauen* “(оружием) рубить, наносить удар”); *Klapperschlange* abwertend “машинистка” (*klappern* “громыхать, стучать”); *Bumber* “артиллерист”; *Kohlengrube* “шахта, *Stoß* “забой”; рус. *лесоруб, дровосек, долбила* “плотник”; *копач* “могильщик”; *болвашка* “милиционер”, *бахора* “знахарь”; *шлепок* “курсант”, *угольный разрез; забой*.

Регулярные семантические переходы: «звук > деятельность человека (упорная, бестолковая, неаккуратная)» и «звук > человек, осуществляющим эту деятельность». В русском языке зафиксирован семантический переход «звуки тела > трудиться / бездельничать».

Раздел 10. ОБЩЕСТВО

В данном разделе описываются такие понятия, как *люди, общество, жизнь общества, человечество, этнос, зарубежье, культура* и т.п. Обнаружено достаточно большое количество акустических ономастов для обозначения самых различных **явлений в общественной жизни**: нем. *verpfuschen* “провалить (дело)”; *Wortverdreher* “крюкотвор, фальсификатор, человек, искажающий чужие слова”; *Umsturz* “свержение, ниспровержение (власти); переворот (общественный)”; рус. *дорваться до власти; играть первую скрипку* “о лидере”; *вырвать кресло* (из-под кого-л.) “снять с должности”; *крюкотвор* “бюрократ”; *шишка* “важное, влиятельное лицо”. Жизнь в обществе описывается также лексикой, зафиксированной в разделе 4 «Природа», группа «Явление». Семантический переход «удар > общественная деятельность».

Самой большой группой в разделе «Общество» является «**Естественный язык**». В данной тематической группе функционируют ономасты говорения (см. гл. III, п. 3), которые характеризуют **особенности произношения, говорения, общения**: нем. *lispeln, nuscheln* “шепелявить”, *brabbeln* “невнятно говорить, бормотать”, *abmucken* “раздражённо говорить, отчитать, проработать, выбранить”; рус. *шушукаться, шипеть, болтать, брюзжать*.

Для выражения особенностей общения очень часто используются акустические ономасты: нем. *krach* “звук удара” – *Krach machen [schlagen]* ugs. “скандалить”, *donnern* “греметь” – *Donnerwetter* “нагоняй, шумная ссора,

скандал”, *klopfen* “бить, колотить” – *Sprüche klopfen* “разглагольствовать, произносить общие фразы, витийствовать”; *klipp* “хлоп” – *klipp und klar* “коротко и ясно, недвусмысленно, без намёков / обиняков”; рус. *тюкать да чукать* “давать советы, указания”, *закидывать словечко* “намекать”, *долбить* “ругать”, *ляпнуть* “говорить что-л. некстати или бестактное”.

Большое количество акустических онома톱ов содержит подгруппа **«Бранные окрики»**: *Halt deinen Mund, sonst klatscht's!* “Заткнись, а то получишь по шее [по морде]”, *Halt die Klappe!* “Заткнись! Заткни глотку! Захлопни рот!”, *Fick dich (bloß) ins/aufs Knie!* вульг. “Да отвали ты! Ну ты меня достал!”, рус. *Кол бы те в землю! Колом тя в горло! Заткнись! Отвали!*

Здесь также зафиксирована подгруппа **«Писать, почерк»**: нем. *Krähenfüße* “каракули”, *kratzen* “царапать, писать каракулями”, *hauen* “накатать, подмахнуть, подписать”; рус. *накорябать, накатать, чиркать, нацарапать*. Акустические ономатопы обозначают способ написания, а также его интенсивность. Регулярные семантические переходы: 1) «звук > говорить»; 2) «удар > говорить, общаться, ругаться»; 3) «удар > писать».

Группа **«Культура»**. Подгруппа **«Музыка»**. Музыка, звон обозначаются акустическими ономатопами: *Paukenwirbel* “барабанная дробь” (*pauken* “барабанить”); *bammeln* “звонить (как колокол)” (*bam* “бам, бом”); *klimpern* “бренчать на музыкальном инструменте” (*klimper-klamper* “звук музыкального инструмента (пианино и т.п.)”); рус. *тренькать, барабанить, бренчать, стучать*. Подгруппа **«Музыкальные инструменты»**. Названия музыкальных инструментов мотивированы акустическими ономатопами, которые обозначают звук инструмента, а также способ его извлечения: нем. *Brummeisen* “губная гармошка” (*brummen* “гудеть, жужжать”); *Schrump* ugs. “скрипка” (*schrump* “трень, брям, трям”); *Zupfgeige* “гитара” (*zupfen* “дергать”); рус. *щипковые, духовые инструменты, скрипка, бандура* “струнный инструмент”. Артикуляторные ономатопы встречаются реже: нем. *Pfeife* “свисток, дудка, свирель”, *Vockpfeife* “волынка”; рус. *свисток, дудка*.

Подгруппа **«Религия»**. Религиозные представления, отношения, философия религии описываются в немецком и русском языках преимущественно

специальной философской и церковной лексикой. Акустические ономотопы зафиксированы для обозначения *сверхъестественного*: нем. *Butz, Butzertummel, Butzemann, Puck* “домовой, гном, барабашка”; *Kuckuck salopp* “чёрт”; *Murner* “Кот Мурлыка (в сказках)”; рус. *кикимора; кукан; барабашка; шишкун; бабайка; бабай; баба-яга*. Регулярные переходы в немецком и русском языках: 1) «звук > музыкальные инструменты»; 2) «звуки тела > музыкальные инструменты»; 3) «удар > сверхъестественное».

В подразделе «Экономика» такие сферы, как материальный учет, гражданское право, экономические отношения, макроэкономика, микроэкономика, описываются в немецком и русском языках, как правило, специальными терминами. Звукоподражательная лексика зафиксирована в большом количестве в описании материального положения человека. Группа «**Материальное положение**», которая состоит из шести подгрупп: «**Богатство**», «**Скупость**», «**Бедность**», «**Деньги**», «**Заработать деньги**», «**Тратить деньги**», – мотивирована акустическими ономотопами: нем. *mit Kling und Klang* “с большой роскошью”, *mit Geld in der Tasche klimpern* “звенеть деньгами [мелочью] в кармане”, *Knacker* “скряга”, *Klippschuld* “небольшой долг, должок”; рус. *корка* “слиток серебра”, *хапок* “большая прибыль”, *корячиться* “нуждаться”, *сшибить, подмолотить* “заработать деньги”.

«**Деньги**» называются по звучанию, которое они издают: нем. *Bims (bim* “звон колокола”), *Pieper salopp (piep* “писк птенцов”), *Pinke* ugs. (*pink, pink* “металлический звон”); рус. *шелест, хруст, динь-динь*.

Подгруппа «**Заработать деньги**» в русском языке представлена значительно шире, чем в немецком: нем. *etw. (die Kasse) zum Klingeln bringen* “где-л. появились деньги, зазвенели монеты”, *aus etw. Geld herausschlagen* “делать деньги, зашибать деньгу”, *den großen [einen fetten] Happen schnappen* “урвать львиную долю”; рус. *сшибить / подмолотить / выколотить / срубить / сшибить / зашибить деньгу / монету / копейку; срубить бабок / капуста*. Регулярные переходы: 1) «удар > заработать / тратить деньги»; 2) «звук > деньги»; 3) «звук > богатство / бедность».

Раздел 11. СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

В данном разделе ономотопея активно функционирует в немецком и русском языках. Большое количество акустических ономотопов зафиксировано в группах **«Питание»** и **«Спиртное»**: *Tatsch* “каша”; *Hoppelpoppel* “жареный картофель с ветчиной [с салом], залитый яйцами”; *Klitsch* “непропечёное (клёккое) тесто”; *Knackwurst* “копчёная колбаса”; *Sauser* “(виноградное) сусло”; *Plempe* “бурда (о кофе)”; *Schlappermilch* “кислое молоко”; рус. *клёккое тесто, чеснок, клецки, крома* “горбушка хлеба”, *середка* “ломоть хлеба, болтокиша” “простокваша”, *шипучка*.

Подгруппа **«Пить спиртное»** представлена преимущественно акустическими ономотопами: нем. *einen Zacken haben* “быть под хмельком”, *Sauser* “кутёж, попойка”, *schnapsen* “пить водку”, *bürsten* “пить, выпивать”; рус. *клюкнуть, бухнуть, зашибать, трескать, долбануть, трахнуть*. Ономотопы удара очень часто развивают значение “употреблять спиртное”, обозначают при этом интенсивность действия. В русском языке это очень обширная группа. Здесь имеются также артикуляторные ономотопы: нем. *schlucken* “пить алкоголь” (*schlucken* “глотать”); *gurgeln* “выпить алкоголь” (*gurgeln* “полоскать горло”); рус. *хлебнуть, засосать, насосаться, глотнуть, налижаться, лакнуть, налакаться*. Русские глаголы *лизать, глотать, лакать, сосать* обозначают физиологические процессы и относятся к нейтральной лексике. Приобретая суффикс *-ну*, приставки *-на, -за* данные глаголы обозначают различные способы приема спиртного и имеют сниженную разговорную окраску. Регулярные переходы: 1) **«удар > продукты питания, напитки»**, 2) **«удар > пить спиртное»**, 3) **«звуки тела > пить спиртное»**.

В группе **«Отдых»** зафиксированы преимущественно акустические ономотопы, которые обозначают способ действия или его интенсивность. **«Досуг, развлечения»**: нем. *Zicke* “проказы, (дурацкие) проделки, выходки, шутки”, *Rumtata* “танцы, песни, веселье”, *Hopphei* “шумный праздник”, *Rutsch* “прогулка”, *Rutscher* “галоп (танец)”; рус. *тукоток, бацалки* “танцы”.

«Детские игры, игрушки и игровая деятельность»: нем. *Tocke* “кукла”, *zecken* “салить, пятнать (при игре в салки, пятнашки)”, “играть в салки [в

пятнашки]”, *Hopse* “детская игра Himmel und Hölle”, “клеточки для игры в классики”, *Schaukel* “качели”; рус. *куча мала* “детская игра”, *копаться [рыться] в песке*, *прыгалки* “классики”, *бухалы* “войнушки”.

«Игры взрослых и игровая деятельность»: нем. *Puck* “шайба (хоккейная)”, *im Netz zappeln* “запутаться в сетке”, *Klucker, Klicker* “шарик, бабка”, *Knipser* “игрок, который забивает много голов”; рус. *резаться* (в шахматы и т.п.), *плюхта* “стальная бита”, *хлопта* “плошка для игры в лапту”, *болтики*, *лапта*, *касло*, *балалайка*. **«Азартные игры»:** нем. *zocken* “играть в азартные игры (на деньги)”, *Zicke f* “десятка (при игре в скат)”, *Poch* “пох, стукалка (азартная игра)”; рус. *стучалка*, *копытце*, *баламутка*, *лопатка*, *чесать колоду*.

В подгруппе **«Куриль»** зафиксированы акустические ономотопы: нем. *plotzen* “курить (затягиваясь)”; *Mutz* диал. “окурок”; рус. *шабить*, *шкворчат* и артикуляторные ономотопы: нем. *raffen* “попыхивать трубкой, дымить, пускать дым (курить)”; рус. *ныхать*, *чихнуть* “курить”.

Регулярные семантические переходы в немецком и русском языках: 1) «удар > развлечение, игра, игрушки, игровая деятельность»; 2) «удар > курить»; 3) «звуки тела > курить».

Группа **«Поведение человека»**. В немецком и русском языках зафиксировано достаточно большое количество акустических ономотопов, обозначающих различные поведенческие характеристики человека: **«Ложь, подхалимаж, коварство»:** нем. *betakeln* “обмануть, перехитрить”, *zickig* “капризная, своенравная, ломака”, *bamstig* “заносчивый, чванливый”, *verknacken* “оставить в дураках (кого-л.)”; рус. *расшаркиваться*, *ходить на цыпочках*, *подлизываться*.

«Гонор, хвастовство»: нем. *sich D an die Brust klopfen* “похваляться, возгордиться”, *protzen mit D* “хвастаться, чваниться, кичиться”; *brodeln* “хвастаться, важничать”, *Pinkel* “фат, воображала”, рус. *набивать себе цену*, *бахвалиться*.

«Упрямство»: нем. *bocken (sich)* “капризничать, упрячиться”, *sich D die Eier schaukeln lassen* “ломаться/капризничать”, *mäuen* “упрячиться, упорствовать”; рус. *дрочиться* “приставать”, *хорохориться*, *ломаться*,

«(Униженно) просить»: нем. *sich D die Hacken ablaufen nach D* “обивать пороги (добиваясь чего-л.)”, *abklappern nach D* “обходить, исходить (в поисках чего-л.)”, *einen krummen Bückel machen* “гнуть спину, угодничать, низкопоклонничать”; рус. *бить [ударять] челом, идти на поклон [с поклоном], гнуть спину [хребет, шею, горб], ломать [ломить] шапку*.

В данной группе встречаются также артикуляторные ономотопы: нем. *Lecker* “подлиза, подхалим, блюдолиз” (*lecken* “лизать”), *quiquilieren, quinkeleren* “прибегать к уловкам [к увёрткам]” (*quiquilieren* “свистеть”), *aufblasen* “пыжиться, надуться” (*blasen* “дуть”), *große Bogen spucken* “задаваться, задирать нос” (*spucken* “плевать”), *pfeifen* “низко оценивать что-л., плевать на что-л.” (*pfeifen* “свистеть”); рус. *дуться* “сердиться”, *чихать* “не обращать внимания”, *плевать* “проявлять презрение, безразличие”, *подлизываться*. Большинство слов принадлежит разговорной, диалектной речи. Регулярные семантические переходы: 1) «удар > ложь, подхалимаж, коварство»; 2) «удар > гонор, хвастовство, упрямство»; 3) «удар > (униженно) просить»; 4) «звуки тела > ложь, подхалимаж, коварство»; 5) «звуки тела > гонор, хвастовство».

Группа «Государство». Ономотопеи встречаются для описания таких понятий, как «Власть в обществе», «Лидер», «Бюрократия», «Выборы» (см. раздел 10 «Общество»). В таких сферах, как «Государственная независимость», «Государственное устройство», «Государственное право», «Государственная политика», «Политический строй», ономотопея не зафиксирована.

В немецком и русском языках большое количество ономотопей функционирует в группе «Правонарушения». «Осудить, арестовать»: нем. *bimsen* “застукать”, “арестовать”, *klappen, verknack(s)en* “засудить, приговорить к заключению (кого-л.)”, *schnappen* “сцапать”, *brummen* “сидеть в тюрьме [под арестом]”; рус. *схватить, сцапать, защелкнуть наручники* “арестовать”, *хапанье, гоп-стоп* “вид преступления”, *пыхтеть, вляпаться* “попасться”. Эта подгруппа мотивируется главным образом акустическими ономотопами, которые обозначают скорость, интенсивность процесса. В русском языке в этой подгруппе есть артикуляторный ономотоп: рус. *пыхтеть* “тяже-

ло дышать” – “содержаться под стражей”, “отбывать срок”, который выражает монотонность и трудность процесса нахождения в тюрьме. В немецком и русском языке является регулярным семантический переход «удар > осудить, арестовать». В русском языке зафиксирован также семантический переход «звуки тела > осудить, арестовать».

Раздел 12. ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Группа «Быт». В бытовой сфере зафиксировано наибольшее количество звукоподражательной лексики как в немецком, так и в русском языке. Акустическими ономатопами номинируются различные постройки, отходы, предметы быта, передвижение человека.

«**Постройки, заведения**»: нем. *Klippschule* “начальная школа (учебное заведение) примитивного типа”; *Kerker* “тюрьма, темница”; *Puff* “публичный дом”; *Kuckuck* “полевая кухня”; рус. *хибара*; *мазанка*, *трухалек* “туалет”; *плюшина* “сарай”, *щепник* “для хранения дров”; *тычком* “кабак”.

«**Отходы**»: нем. *Zacke* “обрубок; кулья; остаток; огарок (свечи); окурок (папиросы)”; *Batzen* “обрубок”; *Mutz* “старый [поломанный] инструмент; обрубок”; рус. *отброс*, *осколок*, *обломок*, *щепка*, , *шелуха*, *скорлупа*, *лузга*.

«**Предметы быта**»: нем. *Krimskrams* “хлам”; *Burburi* “шерстяная ткань с начёсом”; *Töffel* “домашняя туфля; шлёпанцы”; *Klitsch* “шапка”; *Bammelage* “висюлька, подвеска”; *Piepe* “бочка”; *Furzmulde* “походная койка”; *Ritsche* “скамеечка для ног”; рус. *бутор* “имущество, пожитки, утварь, хлам”; *бахотня* “сарафан”, *хлястик*, *плюшанка* “пиджак”, *ткань с начесом / в рубчик*; *чапложка* “головной убор”; *бахмарик* “боа из перьев”, *чухалка* “расческа”; *бученица* “кадка”, *бухарка* “стакан”, *пуфик*. В данной подгруппе зафиксирован артикуляторный ономотоп *Hauchstrumpf* “чулок-паутинка”. Глагол *hauchen*, обозначающий дыхание, усиливает легкость, тонкость изделия.

«**Передвижение человека**»: нем. *tappeln* “идти мелкими шажками”; “семенить”; *zuckeln* “идти трусцой”; “медленно брести, плестись”, “труситься (о лошади)”; *zippeln* “семенить ногами”; *patschen* “шлёпать, топтать (по грязи, воде и т.п.)”; рус. *лететь кувырком*, *катить*, *чапать*, *топать*, *шлёпать*,

шаркать; *косями брякать* “быть в состоянии ходить”; *переть* “идти напролом”. В данной группе зафиксировано только передвижение с помощью ног, т.е. к цивилизации (поезда, самолеты, авто) отношения не имеет.

Регулярные переходы: 1) «удар > постройки, заведения»; 2) «удар > отходы»; 3) «удар > предметы быта»; 4) «удар > передвижение человека (при помощи ног)»; «дыхание > интенсивность (легкость)».

Группа «Техника». Подгруппа «Техника»: как в русском, так и в немецком языках зафиксировано большое количество акустических онома-пов для обозначения орудий труда и механизмов: нем. *Patschen* “хлопушка”, *Bocksäge* “лучковая пила”, *Picke* “кирка”, *Rackmesser* “топор (для разруб-туш)”, *Schnappmesser* “складной нож”, *Ratsche* “гаечный ключ”, *Schar* “лемех (например, плуга)”; “лапа (культиватора)”; “сошник (сеялки)”; “выкопчный рабочий орган (машины для уборки корнеплодов)”; рус. *стукалка*, *батог*, *долото*, *скоба*, *щипцы*, *цеп*, *чап*, *кочерга*, *хлопушка*, *теребалка* “орудие для те-ребления шерсти”; *храбаста* “трещотка”; *плюшка* “поплавок”, *хлопальщик* “для загона зверя”. В русском языке эта группа слов, по нашим данным, зна-чительно больше, чем в немецком; большая часть из них принадлежит разго-ворной речи и диалектам, тогда как в немецком языке большинство названий орудий труда и механизмов относятся к нейтральной лексике.

Группа «Транспорт». «Средства передвижения»: нем. *Klipper* “реак-тивный самолёт (лайнер) для трансатлантических полётов”; “клипер, быстро-ходное парусное судно”; *Töff* “машина (мотоцикл), тарихтелка”; *Brummi* тя-желый грузовик”; *Krachmacher* “тарихтелка, громыхало”; рус. *драндулет*, *тарихтелка*, *каток* “телега”, *чух-пух* “старое авто”; *бомба* “автомобиль БМБ”, *долбуша*, *буча* “вид судна”; *тырка* “тачка”; *трясучка* “телега”.

Акустические онома-топы в группах «Техника», «Транспорт» указывают на действия и звук, производимыми техническими средствами. В немецком языке обнаружены артикуляторные онома-топы: *Schnaufperl* “драндулет, ста-ромодная тарихтелка” (*schnaufen* “сопеть, пыхтеть, тяжело дышать”), кото-рый указывает на звук, производимый транспортным средством.

В немецком и русском языках в данных группах зафиксированы сле-дующие регулярные семантические переходы: 1) «удар > инструмент, уст-

ройство»; 2) «звук > передвижение транспортом», в немецком языке – семантический переход «звуки тела > транспортное средство».

Группа «Технология». В немецком и русском языках существует достаточно большая подгруппа «**Обработка древесины**»: нем. *Kloben* “полено, чурбан”, *Klipper* “чурка”, *Holzklotz, Klotz* “кряж, чурак”, *hauen, kappen* “рубить лес”; рус. *колотье, колода, болван* “расколотые бревна”, *болванка* “обрубок дерева”, *дёрть* “крупное драное дерево”, *чурбак*. Ономатопы удара в немецком и русском языках развивают значения, связанные с понятием “дерево”.

«**Технологические процессы**»: нем. *schaben* “тереть”; “скрести, скоблить”; “мездрить”; *behauen* “обрубать (зубилом); обтёсывать”; *weben* “ткать, вырабатывать ткань”; *schneiden* “резать”; *pinken* “колотить (по чему-л., например, молотком)”; “ковать”; рус. *рубить; тесать; ткать; кроить; дробить; точить; скрести; скоблить*.

«**Функционирование техники**»: *Brummfaktor* “коэффициент пульсации”; *Patschputz* “обратная вспышка (во впускном трубопроводе)”; *Klingeln* “детонация, детонационный стук двигателя”; *Knallschleppe, Knallteppich* “треск при прохождении самолетом звукового барьера”; *Klirrfaktor* “коэффициент нелинейных искажений, клирфактор”; *Krachtöter* “подавитель помех”, *Leckgas* “утечка газа”; *Heulton* “акустическая обратная связь”; рус.: *вспышка; треск; выброс; электрический ток; электрическая цепь*.

Технологические процессы, а также процессы функционирования техники в немецком и русском языках мотивируются преимущественно акустическими ономатопами, которые обозначают действие или звук, производимые в данном процессе, в немецком языке – артикуляторными ономатопами: нем. *Leckgas* “утечка газа”; *Heulton* “акустическая обратная связь”. В немецком языке подгруппы «Технологические процессы» и «Функционирования техники» значительно больше, чем в русском языке, Причем большая часть лексики в немецком языке представлена специальными техническими терминами.

Регулярные семантические переходы: 1) «удар > дерево»; 2) «удар > технологические процессы»; 3) «звук > функционирование техники», в немецком языке «звуки тела > функционирование техники».

Итак, идеографическое описание семантики немецкой и русской онома-
топии показывает, что она с разной вероятностью зафиксирована практиче-
ски во всех областях (см. прил. 2): 1. *Реальность* (0,13 % в немецком, 0,3 %
в русском), 2. *Образование (формация)* (4,4 % в немецком, 4,5 % в русском),
3. *Множественность* (8,9 % в немецком, 8,3 % в русском), 4. *Природа* (8,5 %
в немецком, 8,6 % в русском), 5. *Бытие* (4,1 % в немецком., 3,9 % в русском),
6. *Организованность* (2,2 % в немецком, 2 % в русском), 7. *Живая природа*
(9,1 % в немецком, 8,5 % в русском), 8. *Человек (физиологический)* (14,8 % в
немецком, 16,1 % в русском), 9. *Личность* (9,7 % в немецком, 9,8 % в рус-
ском), 10. *Общество* (10,8 % в немецком, 10,3 % в русском), 11. *Социальная
сфера* (14,8 % в немецком, 16,2 % в русском), 12. *Цивилизация* (12,4 % в не-
мецком, 11,4 % в русском).

Общее количество групп составляет 47, подгрупп в немецком языке –
187, в русском языке – 191. Следует отметить, что данная семантическая ти-
пология не претендует на полный охват всех аспектов проявления бытия че-
ловека: в дальнейшем возможно ее дополнение и уточнение.

4. Универсальное и специфическое (идиоэтническое)

в семантике онома-топии

Исходя из полученных нами данных, можно утверждать: онома-топия в
немецком и русском языках охватывает с разной вероятностью подавляющее
большинство сфер окружающей действительности за исключением некото-
рых узких специальных областей экономики, права, истории, религии и т.п.
В семантике онома-топов восстанавливается целостная картина бытия чело-
века во множестве аспектов его проявления. Несмотря на некоторые разли-
чия, немецкие и русские онома-топы имеют похожую семантику. Это позво-
ляет говорить о том, что природа онома-топии универсальна, т.е. не зависит от
временного и пространственного контекста, а имеет выход на «природную»,
«натуральную», примарно мотивированную сущность.

К универсальным тенденциям в семантике онома-топии можно отнести
следующее:

1. Семантика немецких и русских ономапей внутри семантических полей совпадает, что, на наш взгляд, указывает на универсальный характер звукоподражательных слов как таковых.

2. Количественная представленность немецких и русских ономапей в выделенных разделах практически идентична (рис. 2–4).

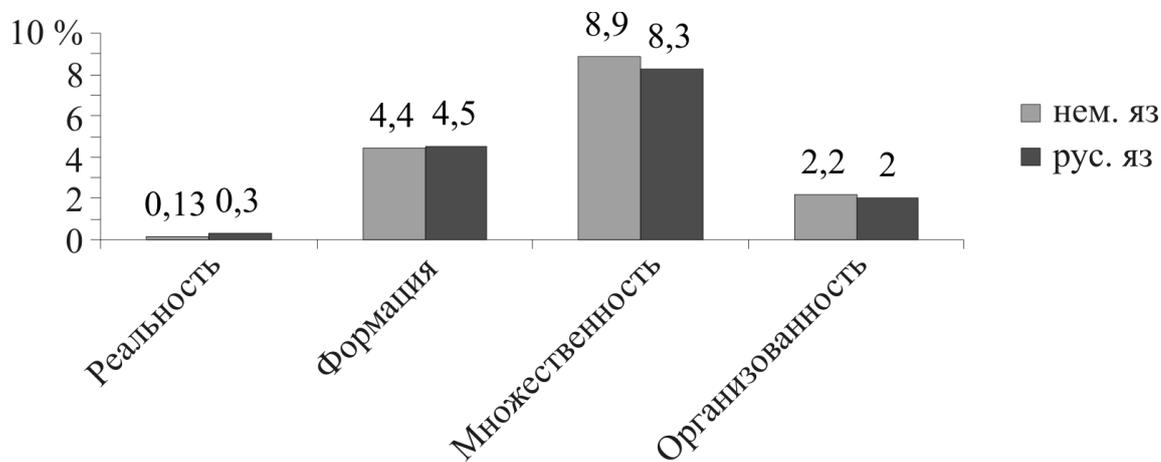

Рис. 2

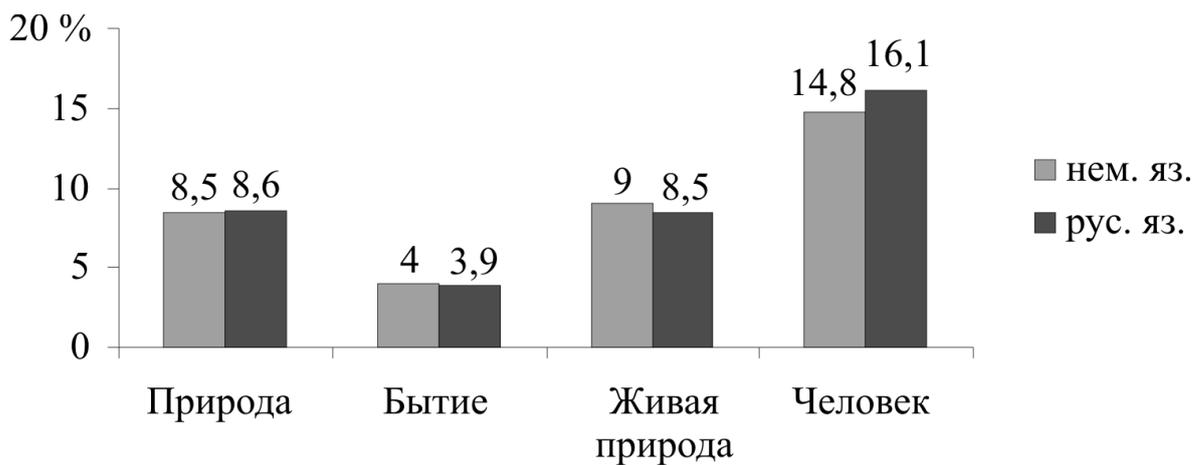

Рис. 3

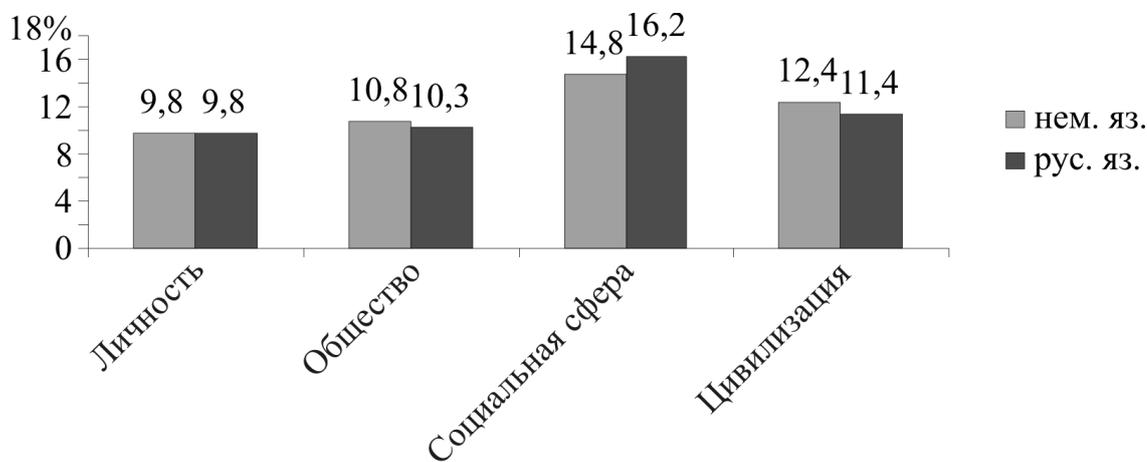

Рис. 4

3. Самое большое количество ономастических слов зафиксировано в разделах «Социальная сфера» (14,8 % в немецком, 16,2 % в русском всего исследованного материала), «Человек» (14,8 % в немецком, 16,1 % в рус.), «Цивилизация» (12,4 % в немецком, 11,4 % в русском). Ономастические слова также широко представлены в подразделах: «Общество» (10,8 % в немецком, 10,3 % в русском), «Личность» (9,7 % в немецком, 9,8 % в русском), «Живая природа» (9,1 % в немецком, 8,5 % в русском), «Множественность» (8,9 % в немецком, 8,3 % в русском), «Природа» (8,5 % в немецком, 8,6 % в русском), «Образование (формация)» (4,4 % в немецком, 4,5 % в русском), «Бытие» (4,1 % в немецком, 3,9 % в русском).

Наименьшее количество зафиксировано в разделах «Организованность» (2,2 % в немецком, 2 % в русском) и «Реальность» (0,1 % в немецком, 0,3 % в русском).

4. В семантическом поле «Человек» преобладает стилистически маркированная лексика. Звукоподражательная лексика наиболее частотна в репрезентации различных характеристик человека (физиологических, личностных, социальных) и окружающего его предметно-вещного мира. Исключение составляют тематические группы «Техника» и «Технология», где зафиксировано большое количество нейтральной и специальной лексики, особенно в немецком языке.

5. Семантическое поле «Природа» является менее представленным (8,6 % в немецком, 8,5 % в русском). Ономастическое слово описывает различные этапы явления (не только природного), материю (удар, звук, вещество), номинирует различные небесные и земные объекты, природные явления, животных, растения. В данном семантическом поле также преобладает разговорная и диалектная лексика, за исключением подгруппы «Ландшафт», в которой в названиях возвышенностей, впадин, водоемов и т.п. в немецком и русском языках зафиксирована нейтральная лексика, а также подгрупп «Животные», «Растения», в которых в немецком языке встречается большое количество специальных терминов.

6. Звукоподражательная лексика менее активно участвует для репрезентации понятий «Соединение» и «Искажение, путаница» (по 0,7 % в обеих

языках), «Разделение, часть» (1,6 % в немецком, 1,4 % в русском), «Получать, приобретать, брать» (0,5 % в немецком, 0,4 % в русском), «Совокупность, множество» (0,7 % в немецком, 0,8 % в русском), «Малое» (0,7 % в немецком, 0,3 % в русском), «Скорость» (1 % в немецком, 0,7 % в русском), «Интенсивность» (1 % в немецком, 0,2 % в русском), «Округлость, шар, шишка» (1,4 % в немецком, 2,2 % в русском), «Отверстие, полость» (1,4 % в немецком, 1,5 % в русском), «Изгиб, кривизна» (0,9 % в немецком, 0,6 % в русском), «Благополучие» (0,6 % в немецком, 0,7 % в русском), «Неблагополучие» (1 % в немецком, 0,9 % в русском) и пр.

7. В некоторых научных областях (астрономия, история Земли (геологические эры и периоды), математика, физика, химия, медицина (диагностика, приборы), философия) ономотопы обнаружены в незначительном количестве: нем. *Schwarzes Loch* “чёрная дыра”, *Bruch* “дробь”, *Kern* “ядро”, *Quelle* “источник”, *Strahl* “луч”; рус. *чёрная дыра*, *источник*, *электрический ток*, *электрическая цепь*, *утечка*, *вспышка*.

Математическая терминология, как известно, является интернациональной: нем. *Skalar*, *transzendent*, *Tensor*, *Spinor*, *hyperkomplexen Zahlen*, *Quaternionen*; рус. *скаляр*, *трансцендентный*, *тензор*, *спинор*, *гиперкомплексные числа*, *кватернион*. Однако в данной сфере также зафиксированы ономотопы: нем. *Bruch* “дробь”, *Bruchzahl* “дробное число”; рус. *дробь*, *дробное число*, *цепная дробь*. Явления в разных сферах, связанные с движением, действием, разрушением, деформацией, скоростью, интенсивностью, номинируются акустическими ономотопами.

8. Звукоподражания не зафиксированы или единичны в узких специальных областях религии (религиозные представления, отношения, философия религии), экономики (гражданское право, экономические отношения, макроэкономика, микроэкономика), истории, права (государственная независимость, государственное устройство, государственное право, государственная политика, политический строй). Лексика в данных областях часто является интернациональной: нем. *Souveränität*, *partikuläres Recht*, *Kolonisation*, *Usurpierung*, *Immigration*; рус. *суверенитет*, *партикулярное право*, *колонизация*, *узурпация*, *иммиграция* и т.п.

9. Исследование немецкой и русской ономотопеи наглядно показывает многие тенденции системного развития слова, обобщенных А. А. Поликарповым [Поликарпов 2001]:

а) Универсальна тенденция к грамматикализации: подавляющее большинство фоносемантических маргиналий со временем переходит в разряд системно грамматикализованных единиц: нем. *ach* “вдох” > *ächzen* “ахать, стонать”; *put* “слова для кур, цыплят” > *Put abwertend* “мелюзга”, *Puttchen* 1) “малыш”, 2) “маленькая беспомощная женщина”; *husch* “звук при резком движении воздуха, свист при рассекании воздуха” > *Huscher* “порыв ветра”; рус. *ax* > *ахать*; *цып* > *цыпленок*; *тук* > *стук, стучать*; *шух* > *шугануть*;

б) Тенденция к абстрактизации значений слов со временем очевидна в развитии незвуковых значений у ономотопей: нем. *butz* “бац, бряк” > *Butz* “домовой”, “карапуз”, “сердцевина”; “сгусток”; *drehen* “вращать, крутить” > *Draht* “провода”; *scheren* “резать”, “стричь” > *Schar* “толпа, куча”; *brechen* “ломать” > *Brache* “поле под паром”; рус. *касаться, грозный, скрипка*;

в) Тенденция к реализации регулярных – синэстетических и логических – направлений установления ассоциативных связей между значениями в пределах слова в ходе появления у слова новых значений: ономотопы имеют регулярные семантические переходы, образуя достаточно жесткую модель семантического развития. Под семантическим переходом понимается факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений – в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции. В современной синхронии «реально отграничить полисемию от синкретизма невозможно», т.е. «определение понятия семантического перехода, очевидно, не должно зависеть от противопоставления полисемия vs. синкретизм» [Зализняк 2009].

10. Всего в сфере ономотопеи в немецком и русском языках установлено 83 регулярных семантических перехода, в том числе в сфере акустических ономотопов – 60, в сфере артикуляторных ономотопов – 19, в сфере ономотопов говорения – 4. Таким образом, звучания внешней среды более значимы для когнитивной деятельности человека:

а) в сфере акустической ономотопеи установлено 60 регулярных семантических переходов (прил. 3):

– удар, звук удара > 1) отрицание; 2) соединение / разделение, часть; 3) деформация, искажение > путаница, неразбериха; 4) совокупность; 5) интенсивность; 6) округлость, выпуклость; 7) полость, пустота; 8) изгиб, кривизна; 9) начало, ускорение, ограничение, исчезновение, окончание действия; 10) движение; 11) жидкость; 12) небесная сфера, земля; 13) ландшафт; 14) благополучие / неблагополучие; 15) растения; 16) животные; 17) органы, части тела; 18) принимать пищу, пить; 19) половой акт; 20) физическая слабость > бесхарактерность; 21) некрасивость, уродство; 22) человек; 23) течение жизни; 24) старость; 25) смерть; 26) интимные отношения, любовь; 27) процессы мышления, понимания; 28) расстройство сознания; 29) волнение, переживание; 30) деятельность (упорная, бестолковая, неаккуратная, общественная) человека; 31) человек, осуществляющий деятельность; 32) писать; 33) говорить, общаться, ругаться; 34) сверхъестественное; 35) заработать / тратить деньги; 36) продукты питания, напитки; 37) пить спиртное; 38) развлечение, игра, игрушки, игровая деятельность; 39) курить; 40) ложь, подхалимаж, коварство; 41) гонор, хвастовство, упрямство; 42) (униженно) просить; 43) осудить, арестовать; 44) постройки, заведения; 45) отходы; 46) предметы быта; 47) передвижение человека (при помощи ног); 48) инструмент, устройство; 49) дерево; 50) технологические процессы;

– звук (удар, шум, тон) > 1/51) природное явление; 2/52) боль > болезни, нездоровье; 3/53) человек; 4/54) зарождение жизни; 5/55) говорить, 6/56) музыка, музыкальные инструменты; 7/57) деньги; 8/58) богатство / бедность; 9/59) передвижение транспортом; 10/60) функционирование техники;

б) в сфере *артикуляторной ономапии* установлено 19 регулярных семантических переходов (см. прил. 3):

– дыхание > 1/1/61) начало / конец; 2/2/62) ветер; 3/3/63) старость, слабость; 4/4/64) смерть;

– звуки тела (рот, нос) > 1/5/65) органы, части тела; 2/6/66) боль > болезни, нездоровье; 3/7/67) ребенок, юноша;

– звуки тела (рот) > 1/8/68) животные; 2/9/69) принимать пищу, пить; 3/10/70) интимные отношения; 4/11/71) процессы мышления, понимания;

5/12/72) звуки волнение, переживание; 6/13/73) ложь, подхалимаж, коварство; 7/14/74) гонор, хвастовство; 8/15/75) пить спиртное; 9/16/76) музыкальные инструменты; 10/17/77) курить; 11/18/78) интенсивность;

– звуки, издаваемые животными > 1/19/79) животные;

в) в сфере *ономатопов* *говорения* установлено 4 регулярных семантических перехода (см. прил. 3):

– говорение человека < 1/1/80) звуки внешнего мира; 2/2/81) звучание человеческого тела; 3/3/82) крики животных и птиц.

– подзывные слова > 1/4/83) животные.

К семантической специфике ономатопеи можно отнести следующее:

1. В семантике немецкой и русской ономатопеи обнаружены незначительные количественные и качественные различия (см. прил. 2):

а) в **немецком языке** не обнаружены звукоподражания для обозначения таких абстрактных понятий, как обусловленность (рус. *вытекать, проистекать*), касательство (рус. *соприкасаться, касаться*), содержание (рус. *подробность, разрез “аспект”*), полнота (рус. *от края и до края; на всю катушку; от корки до корки*). В немецком языке в 2–4 раза больше (рис. 5–7), чем в русском языке, подгруппы: «Игры взрослых, игровая деятельность» (0,9 % в немецком, 0,4 % в русском), «Технологические процессы» (0,6 % в немецком, 0,3 % в русском), «Технические приборы, приспособления» (1,6 % в немецком, 0,5 % в русском), «Функционирование техники» (1 % в немецком, 0,2 % в русском), «Интенсивность» (1 % в немецком, 0,1 % в русском), «Фигура» (0,7 % в немецком, 0,1 % в русском), «Течение жизни» (0,7 % в немецком, 0,3 % в русском), «Старение» (0,8 % в немецком, 0,4 % в русском), «Скупость» (0,5 % в немецком, 0,2 % в русском), «Напитки» (0,4 % в немецком, 0,2 % в русском), «Досуг, развлечения» (0,7 % в немецком, 0,4 % в русском), «Имущество, утварь» (0,2 % в немецком, 0,07 % в русском).

Согласно фоносемантической картине мира немецкий человек – это малоэмоциональный скупой фигуристый человек, который интенсивно при помощи техники создает имущество и утварь; старея, наблюдает за течением жизни и проводит досуг за напитками и играми;

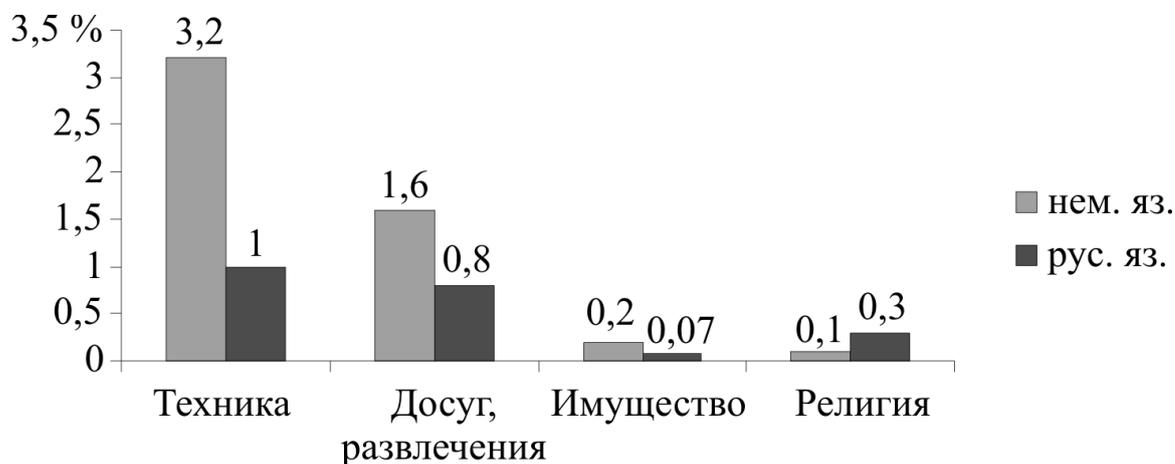

Рис. 5

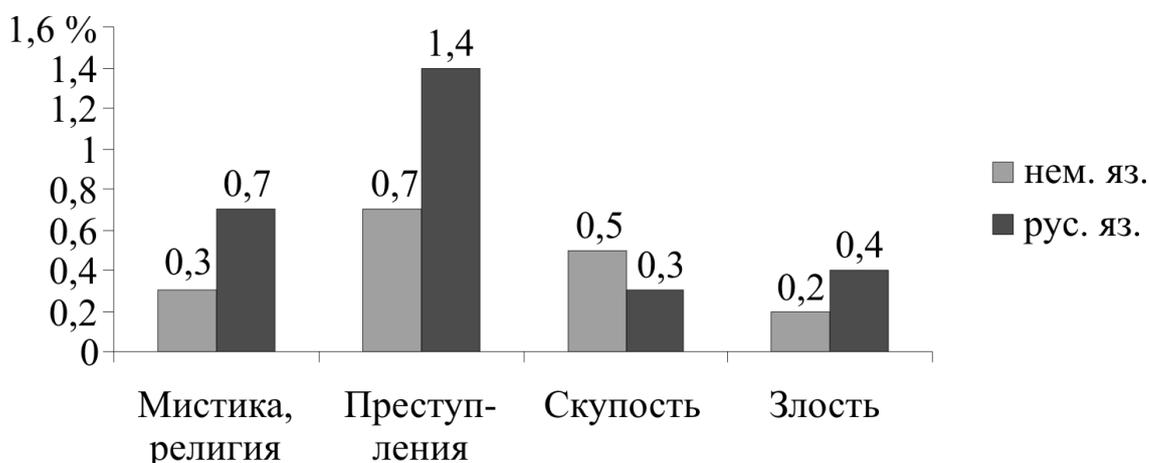

Рис. 6

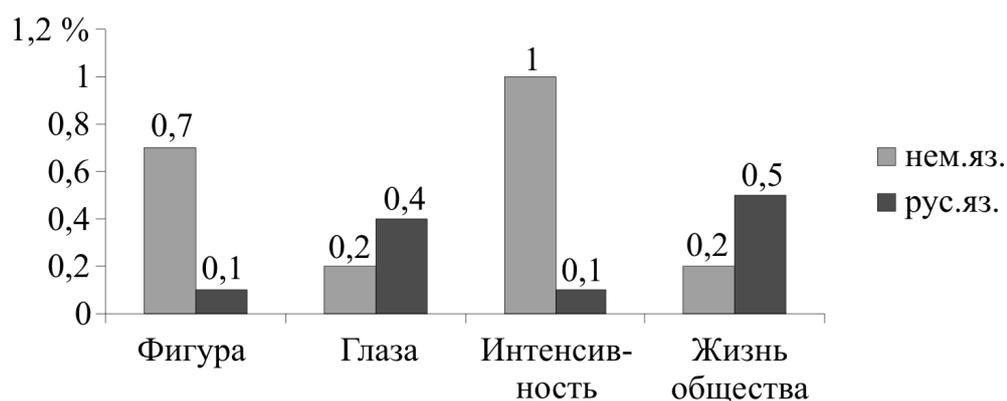

Рис. 7

б) В **русском языке** в нашем материале в 2–4 раза больше (рис. 5–7), чем в немецком, представлены подгруппы «Следы, пятна» (0,3 % в немецком, 0,6 % в русском), «Подзывные слова и слова отгона животных» (0,3 % в немецком, 0,8 % в русском), «Физическая слабость» (0,5 % в немецком, 1 % в русском).

русском), «Глаза» (0,2 % в немецком, 0,4 % в русском), «Невнимательность» и «Упрямство» (0,1 % в немецком, 0,4 % в русском), «Злиться, сердиться» (0,2 % в немецком, 0,4 % в русском), «Инструменты для охоты, рыбалки» (0,2 % в немецком, 0,5 % в русском), «Жизнь общества» (0,2 % в немецком, 0,5 % в русском), «Религиозные отношения, обычаи» и «Ветхая одежда» (0,1 % в немецком, 0,3 % в русском), «Сверхъестественное» (0,3 % в немецком, 0,7 % в русском), «Преступники» (0,7 % в немецком, 1,4 % в русском). Эти различия связаны, во-первых, с менталитетом, во-вторых, с недостатком лексикографической фиксации, в-третьих, с национальной спецификой ономотопеи. Так, в нашем словаре [НРСО] зафиксировано всего 6 подзывных слов и отгона животных, тогда как в словаре русских фоносемантических аномалий – более 230 подзывных слова и 30 слов отгона животных [Шляхова 2004].

Согласно фоносемантической картине мира русский человек – это физически слабый, глазастый, но невнимательный, сердитый и упрямый человек в ветхой одежде, возможно, преступник, который занимается скотоводством и охотой, ориентирован на жизнь общества, соблюдает религиозные обычаи, верит в сверхъестественное и оставляет везде следы.

2. Семантический потенциал ономотопеи возрастает благодаря ее словообразовательной активности. В **немецком языке** много сложных слов, в составе которых присутствуют фоносемантические маргиналии: *platsch* “бултых” > *Platschregen* “проливной дождь, ливень”; *plumps* “плюх” > *Plumpsklo*, *Plumpsklosett* “уборная (без спуска), нужник”; *schnapp* “щелк” > *Schnappschuss* “моментальный снимок”; *Bäh* “блеяние овцы, бе, бя” > *Bähschaf* дурак, болван. В **русском языке** зафиксировано незначительное количество сложных слов, в составе которых присутствуют звукоподражательные компоненты: *дырокол*, *частокол*, *ледокол*, *дровосек*, *свистопляска*, *ледоруб*.

3. В **немецком языке** обнаружены единичные примеры однофонемных акустических ономотопов (*R-R-R* “звук работающего механизма, двигателя”), ономотопов говорения (*Äh* ugs. “восклицание, рассчитанное на ответственность, призыв к общению”, *sch* “призыв к тишине”), тогда как в **русском языке** это явление частотно.

Ср. з-з-з, ж-ж-ж “жужжание насекомых”; р-р-р “раскаты грома”, “звук вращения”, “рычание собаки”, “орание, рёв”; у-у-у “завывание ветра, метели”; ш-ш-ш “шуршание, шелест”, “звук при резком движении воздуха, свист при рассекании воздуха”, с-с-с “шипение змеи”, “звук вырывающейся струи воздуха” и пр.

4. Русские однофонемные маргиналии развивают большое количество звукоподражательных и междометных значений.

Ср. (1) **а-а-а** как звукоподражание обозначает: 1) подзывные слова для утят и гусят; 2) громкий крик: а) от боли, б) от радости, в) от ужаса, испуга; 3) зевоту, звук при зевании; 4) стон; 5) говорение в отрыве от конкретного смысла того, что говорится; 6) пение и пр.; (2) как междометие обозначает или указывает на: 1) эмоциональную оценку говорящего: а) насмешку, усмешку, б) ехидство, злорадство, издёвку; 2) эмоциональное состояние говорящего: а) тревогу, испуг, страх, ужас, б) гнев, возмущение, негодование, в) радость, удовлетворение, г) укоризну, упрёк, порицание, 3) обнаружение, констатацию и пр. [Шляхова 2004].

Спектр значений **немецких** однофонемных маргиналий в функции звукоподражаний, по нашим данным, меньше, чем в русском языке.

Так, в нашем словаре зафиксированы следующие значения: **aa** **1.** Громкий крик от боли, ужаса, испуга и т.д. **2.** Звук при зевании. **3.** Стон. **4.** *kinderspr.* Звук при акте дефекации. На звукоподражательные значения данных единиц указывается редко. Лишь в словаре В.Д. Девкина содержится словарная статья *aa*, где приводится следующий пример: *Mutti, aa! – Warte, ich setze dich gleich aufs Töpfchen!*, который иллюстрирует звукоподражательное значение данной единицы [Девкин: 33].

5. В немецком языке существует большое количество технических, научных, специальных терминов, образованных от акустических и артикуляторных ономатопов, тогда как в **русском языке** большая часть терминов (технических, горных, медицинских и др.) являются заимствованиями из латинского, английского, немецкого и других языков.

Ср. технические термины немецкого происхождения в русском языке: *бремсберг*, *шурф*, *шахта*, *штрек* горн., *цапфа* “опорная часть оси или вала” (ср. нем: *Zapfen* 1. затычка, пробка (бочки), 2. тех. цапфа, шейка, шип, втулка), *кайло* “ручной инструмент для откалывания кусков ломких пород” (ср. нем. *Keule* “дубина, булава”), *керн* 1. “образец породы в виде цилиндрического столбика, извлекаемый из скважины для геологического исследования”, 2. “точка, наносимая кернером при разметке деталей”, 3. “самая центральная, наиболее плотная часть ядра какой-л. галактики” (ср. нем. *Kern* 1. “косточка, ядро, зерно, семя, сердцевина”, 2. тех. “сердечник, эл. тж. керн (напр., трансформатора)”, 3. мет. “(литейный) стержень, шишка”, 4. горн. “керн, колонка выбуренной породы”), *дратва* “прочная льняная нитка, пропитанная варом для предохранения от гниения, применяется при изготовлении и ремонте обуви” (ср. нем. *Draht* “провода”).

Ср. немецкая терминология оноματοпечического происхождения: **Технические** (< акустические): 1) *patsch* “звук удара, чак, чик” > *Patschen* “обратная вспышка во впускном трубопроводе”, *Patschputz* “двухслойная штукатурка (с накрывкой из двух слоев)”; 2) *knack* “звук треска, щёлк, хрусть” > *Knack* “щелчки, треск, акустический удар”; 3) *klick* “щелканье, клик, щелк” > *Klickfolge* “последовательность коротких импульсов”; 4) *klipp* “щелканье, лязг” > *Klippmaschine* “машина для разделки рыбы на клипфиск”, “остеломатель, шасталка”, “машина для наложения зажимов, скоб или скрепок, клипсатор”; 5) *klirr* “звук удара о металлическое, стеклянное, звон” > *Klirrfaktor* “коэффициент нелинейных искажений, клирфактор”; 6) *krach* “звук сильного удара, трах” > *Krachtöter* “подавитель помех, шумоглушитель”.

Горные (< акустические): 1) *bremsen* “жужжать, гудеть” > *Bremsberg* “сортировочная горка”, “бресберг”; 2) *schürfen* “царапать, скрести” > *Schurf* “шурф”, *schürfen* “вести разведочные работы [разведку], шурфовать”; 3) *Stoß* “удар, толчок” > *Stoß* “боковая стенка (выработки), забой”; 4) *Schlag* “удар” > *Schlag* “штрек, сбойка”; 5) *gruben* “рыть, копать” > *Grube* “рудник, шахта”.

Технические (< артикуляторные): 1) *lecken* “лизать” > *Leckgas* “утечка газа”, *Leckrechnung* “расчёт непотопляемости (судна)”; 2) *hauchen* “дуть, дышать” > *hauchfrei* “свободный от налёта, помутнения или белесоватости”; 3) *heulen* “выть” > *Heulton* “акустическая обратная связь”, *Heulfrequenz* “частота колебаний скорости (звуконосителя)”.

Медицинские (< акустические): 1) *pauken* “бить в литавры, барабанить” > *paukender Herztou* “пушечный тон сердца”, *Paukenfell* “барабанная перепонка”; 2) *graben* “копать, рыть” > *Grabenfuß* “траншейная стопа”; 3) *kribbeln* “чесаться, зудеть” > *Kribbelkrankheit* “эрготизм, отравление спорыньей”; 4) *rasseln* “тремь, звенеть” > *Rasselgeräusche* “хрипы”.

Медицинские (< артикуляторные): *pusten* “(сильно) дуть” > *Pustel* “пустула, гнойник”; *keuchen* “пыхтеть” > *Keuchhusten* “коклюш”.

Ботанические (< акустические): 1) *knacks* “щёлк; хрусть; трах” > *Knackbeere* “земляника зелёная, полуница (*Fragaria viridis* Duch.)”, *Knackbusch* “пузыреплодник (*Physocarpus Maxim.*)”; *Knackmandel* “миндаль обыкновенный (*Amygdalus communis* L.)”; 2) *kratzen* “скрести, царапать” > *Kratzdistel* “бодяк (*Cirsium Mill.*)”; *Krätzenkraut* “скабиоза (*Scabiosa L.*)”; 3) *klatsch* “хлоп, шлёп” > *Klatschmohn* “мак-самосейка (*Papaver rhoeas* L.)”.

Ботанические (< артикуляторные): 1) *pfeifen* “свистеть” > *Pfeifengras* “молиния (*Molinia Schrank*)”; 2) *niesen* “чихать” > *Nieswurz* “морозник (*Helleborus L.*)”, “чемерица (*Veratrum L.*)”.

Зоологические (< акустические): *knacken* “трещать” > *Knäkente* “чирок-трескунок (*Anas querquedula L.*)”; 2) *brummen* “гудеть, жужжать” > *Brummhahn* “тетерев”; 3) *trampeln* “топать (ногами)” > *Trampeltier* “двугорбый верблюд”.

Зоологические (< артикуляторные): 1) *saugen* “сосать” > *Säugetiere* “млекопитающие (Mammalia)”; 2) *heulen* “выть” > *Heulwolf* “койот (*Canis latrans Sm.*)”.

Для немецкого языка установлена явная тенденция употребления в области техники слов с начальными сочетаниями, включающими /r/ в качестве второго элемента и /k/ в качестве первого элемента. Пометы [диал.] связаны в немецком языке прежде всего с сочетаниями Sl, kl, kn и kr; [разг.] – с Sl, kl,

kr, St, tr, Sw. Полученные данные свидетельствуют о наличии определенных статистических закономерностей, характеризующих отношение «звук – смысл» не только в пластах общенародной лексики, но и в области специальной, терминологической лексики [Левицкий 2009: 71–72].

6. В немецком языке фоносемантические маргиналии образуют большое количество эргонимов и названий торговых марок, что совсем не типично для русского языка: школа плавания «*Schwimmschule Plitsch-Platsch*»; предприятие по производству санитарной и отопительной техники «*Plitsch Platsch Sanitärtechnik GmbH*» (*plitsch-platsch* “плюх-бултых”); школа вождения «*Fahrschule Töff Töff GmbH*» (*töff* “звук работающего двигателя”); средство против насекомых «*Anti Brumm Naturel Pumpzerstäuber*» (*brumm* “з-з-з, ж-ж-ж”); интернет-аптека «*Der gesunde Klick*» (*klick* “щелк”) и пр. Представить в русском языке официальные названия типа *Бултых-сантехника, Анти-ж-ж-ж спрей, Дыр-дыр-школа* или *Плюх-бултых-школа* практически невозможно. Этот факт, как и большой корпус терминов-ономатопов, указывает на большую значимость ономатопеи для немецкого языка, нежели для русского.

7. В сфере немецкой и русской артикуляторной ономатопеи установлены специфические (идиоэтнические) семантические переходы. В немецкой ономатопее установлено четыре перехода: Звуки тела (рот, нос) > 1 / 2) движение жидкости, 2 / 2) растения; 3 / 3) функционирование техники. Звуки тела (нос) > 1 / 4) транспортное средство. В русской ономатопее выявлено семь специфических семантических переходов: Звуки тела (рот) > 1) разделение, часть; 2) исчезновение; 3) холод, мороз; 4) благополучие / неблагополучие, 5) физическая слабость > бесхарактерность; 6) трудиться / бездельничать; 7) осудить, арестовать.

Специфические (идиоэтнические) свойства ономатопеи в какой-то степени отражают культурную парадигму этносов. Так, в немецком языке существует большое количество технических, научных, специальных терминов, образованных от фоносемантических маргиналий, тогда как в русском языке термины являются в большинстве случаев заимствованиями, в том числе из немецкого языка.

Идеографический анализ ономастических групп показывает, что экспликация понятий, связанных с техникой, в немецком языке более чем в три раза превышает данные по русскому языку. Общеизвестно, что немцы дали миру множество изобретений, которые совершили революцию в материальном и духовном мире: печатный станок (Иоганн Гуттенберг), глобус (Мартин Бехайм), порох (Бертольд Шварц), мотор (Николас Отто), автомобиль (Карл Бенц), двигатель внутреннего сгорания (Рудольф Дизель), радар (Кристиан Хюльсмайер), ротационная машина (Фридрих Кениг), вакуумный насос (Отто фон Герике), а также европейский фарфор (Иоганн Фридрих Бёттгер) и пр.

Немцы любят конструировать не только технику, но и слова: Например, *Vergangenheitsbewältigung* «преодоление наследия прошлого». Перед немцами простирается вереница бесконечных препятствий, которые приходится преодолевать нации, пытающейся покончить со своим не слишком чистым прошлым. <...> в парке или на автостоянке вы видите табличку: «*Astbruchgefahren*», содержащую в одном слове целую фразу о том, что вы находитесь в зоне, где рискуете «покалечиться-из-за-обрушившихся-сучьев» [Зайдениц 1999].

Семантика *интенсивность* в немецком языке в десять раз превышает экспликацию этой группы в русском языке, что актуализирует трудолюбие немцев и их знаменитый «категорический императив» «*Ordnung muss sein*» («Порядок превыше всего»). «Немцы гордятся своей работоспособностью, организованностью, дисциплиной, опрятностью и пунктуальностью. Ведь из этого складывается порядок (*Ordnung*), который вмещает в себя не только такие понятия, как чистоплотность, но и корректность, пристойность, предназначение и множество других замечательных вещей. <...> Если что немцам и нравится, так это труд. Он – основа основ» [Там же]. «Так постепенно сложился русский стереотип поведения – быть в меру трудолюбивым: все равно ведь неизвестно, как, когда и каким образом ты лишишься результатов своего труда!» [Сергеева 2005: 152].

Превышение в 2–4 раза (по сравнению с русским языком) семантики отдельных групп также отражают ментальные черты немцев:

– *досуг, развлечения*: «Вообще-то немец считает себя скромным и довольно заурядным человеком. Дайте ему пиво, колбасу, немного уюта (*Gemütlichkeit*) и другого немца, с которым можно было бы поспорить о политике или пожаловаться на жизненные неурядицы, и он будет доволен. Нигде стремление немцев добиваться желаемого не проявляется так явно, как во время отпуска на море. На самых разных побережьях за ними укрепились дурная слава из-за той бешеной энергии, которую они развивают при обживании лучших мировых пляжей» [Зайдениц 1999];

– *напитки*: «Германия – один из главных производителей пива в мире. Пиво для немцев не только образ жизни, оно наполняет жизнь смыслом» [Там же];

– *имущество, утварь*: «Обычно немцы не любят хвастаться своим богатством. Тем не менее их массивные золотые украшения говорят сами за себя и всегда лежат под рукой. Немцы высоко ценят качество и готовы платить за него. Они хорошо одеты, носят добротную обувь, водят солидные автомобили, живут в домах с двойными рамами и центральным отоплением, заставленными качественной бытовой техникой и пр.» [Там же]. «Русские не особенно ценят деньги. С деньгами лучше, чем без них, потому что бедность – это крайне неприятно. Но иметь много денег – нехорошо. У людей честных много денег быть не может – по крайней мере, если они не эстрадные звезды или чемпионы по теннису» [Жельвис 2001]. «Энергосберегающая» стратегия жизни русских: *Работа не волк, в лес не убежит; Всей работы не переделаешь; Всех денег не заработаешь*. «Посвятить жизнь накопительству – крайняя глупость, надо жить здесь и сейчас, поэтому более разумно не торопиться, терпеть» [Сергеева 2005: 153].

В русском языке в 2–4 раза больше, чем в немецком, представлены группы, которые также связаны с русским характером и стилем жизни:

– *религиозные отношения, обычаи*: «Стержневым компонентом в менталитете русских является православие, в котором заключены основы традиционной культуры русского этноса» [Еромасова 2007: 34]. «Русский взгляд на жизнь можно выразить с помощью трех основных понятий: “душа”, “тоска” и

“судьба”. “Душа” – это некая нематериальная субстанция, понятие о которой неразрывно связано с православием. Душа – жизненная сила каждого живого существа» [Жельвис 2001]. Что касается немцев, то «если следовать протестантскому вероучению, то не существует глубокого противоречия между материальным благополучием человека на Земле и его существованием в загробной жизни» [Зайдениц 1999];

– *сверхъестественное*: «Русские достаточно суеверны. Черного кота, перебегающего вам дорогу, нельзя оставить без внимания; старайтесь не просыпать соль и не разбивать зеркала; если вы идете на экзамен, не забудьте подложить пятак под пятку» [Жельвис 2001]. Убежденность в неизменности, непреодолимости судьбы породили у русских осторожность и мистицизм, веру в чудо и «авось»;

– *глаза*: *Глаза – зеркало души*. «...русские расценивают рассматривание как нормальное публичное поведение, жители западных стран – как нечто достаточно личное» [Жельвис 2001].

– *инструменты для охоты, рыбалки*: «Рыбалка популярна в любое время года, но зимой, когда ехать на дачу смысла нет, мужчины стекаются к ближайшим водоемам (часто даже прямо в центре города) в надежде наловить рыбы» [Там же].

Таким образом, установлено, что в области семантики немецкая и русская ономастопея содержит больше сходства, чем различий. Это свойство характерно для любой фоносемантической категории.

5. Звукоподражательные и звукосимволические семантические

поля: области совпадения

Накопленные в области семантики наблюдения позволили выдвинуть, сформулировать и обосновать гипотезу о семантическом синкретизме [ЭС-СЯ, Маковский 1989, Левицкий 2001, 2009, Lewickij 1998], под которым понимается «объединение в одном значении нескольких, часто трудно совместимых, семантических компонентов» [Левицкий 2001: 94].

Материалы нашего Словаря [НПСО] дают новый материал для подтверждения этой гипотезы, а также позволяют пересмотреть традиционные семантические связи, сгруппировать содержащиеся в языке лексические еди-

ницы в иные лексико-семантические парадигмы, восстановив возможные утраченные семантические связи между «омонимичными» корнями.

Эта тенденция явно прослеживается и в некоторых отечественных работах по этимологии [Маковский 2000, Левицкий 2009]. Так, В. В. Левицкий на основе квантитативного анализа этимологического словаря Ю. Покорного и семантической типологии рассматривает дериваты индоевропейского корня **semə-/smē-* «резать», а также дериваты других индоевропейских корней с тем же значением. В результате устанавливается, что сема «резать» сочетается с семами «режущий предмет», «обрезанный, укороченный, маленький», «думать, воспринимать», «отрезанный, осколок». С учетом установленных типов семантических изменений автор предлагает новые этимологические решения [Левицкий 2009]. Наш материал дает новые данные для установления семантических изменений в эволюционировании ономатопей немецкого и русского языков.

А. Б. Михалёв, проанализировав фронтально лексическую семантику 5 языков различной степени родства [Михалёв 1995] и расширяя перечень языкового материала [Михалёв 1999, 2006, 2007а, 2008а, 2008б], сформулировал полевой принцип структурирования лексики. Согласно его теории фоносемантического поля подражательные и символические возможности речевых звуков создают ядро фоносемантической системы, которое затем разрастается через семантические переходы в микрополя. Формальной единицей фоносемантического поля являются фонемотипы, которые формируют морфемотип [Михалёв 1995]. Совокупность ядра и микрополей автор называет «семантическим пространством» [Михалёв 2007б].

Сопоставление семантического пространства различных языков, выделенных на основании исследования начальных согласных, показывает их общность, т.е. лексика, объединенная по наличию общего начального согласного, «формирует семантическую систему, состоящую из взаимосвязанных семантических полей со звукоизобразительным центром. Наибольшее сходство наблюдается в ядерных полях» [Джукаева 2010б].

По нашим данным, семантика звукоподражательных и звукосимволических семантических полей совпадает, что указывает на семантический синкретизм иконических знаков, который сохраняется и в современной синхронии.

Покажем это, сравнив семантическое пространство ономотопеи немецкого и русского языков с семантикой звуко-символизма. Сопоставление семантического пространства ономотопеи, выделенного нами, проводилось с сопоставлением звуко-символической семантики на материале:

1) семантики начальных согласных: «дентальная» (инициаль /r/-, /l/-, /n/-, /d/, /t/-, /s/-, /p/-, /ð/-), «лабиальная» (инициаль /b/-, /m/-, /f/ (/p/)-, /w/-), «велярная» (инициаль /k/, /g/, /j/-) лексика древнеанглийского и индоевропейского языков [Дрожащих 2006];

2) семантики фонестем – [Spir-Lab.Plos (B/P)], [Spir-Dent.Lab.Fric. (V/F)], [Spir-L], [Spir-M], [Spir-N], [Spir-R], [Spir-Spir], [Spir-Dent], [Spir-Guttur] – русского, французского, английского, арабского, немецкого, абазинского, чеченского, новогреческого языков [Михалёв 1995, 1999, 2007а, 2008б; Зимова 2005; Джукаева 2010а, 2010б];

3) семантики редупликативов в славянских языках [Колева-Златева 2008].

Исследование звуко-символизма в различных языках показывает «очевидную тенденцию полевого структурирования значений: от минимальных семантических признаков до макрополей, в которые объединяются целые группы слов с единственным общим элементом – звуком» [Михалёв 2007б].

В результате сопоставительного анализа были выявлены **области совпадения семантики** звукоподражательных и звуко-символических фоносемантических полей (прил. 4). Из 191 семантической подгруппы в нашем материале немецкой и русской ономотопеи не нашли семантического соответствия в области звуко-символизма только 20 подгрупп (10,5 %): 9. *Содержание*. 37. *Побуждать к действию*. 70. *Слова подзывания и отгона животных*. 75. *Сон*. 84. *Лицо*. 86. *Нос, уши*. 90. *Ноги*. 91. *Вес*. 126. *Музыкальные инструменты*. 130. *Скупость*. 133. *Заработать деньги*. 140. *Спиртные напитки*. 141. *Пивные заведения*. 142. *Пьющий человек*. 152. *Упрямство*. 153. *Униженно просить*. 163. *Наркотики*. 182. *Мебель*. 188. *Средства передвижения*. 191. *Функционирование техники*.

Области максимального совпадения семантики ономотопей и звуко-символизма связаны со следующими семантическими группами (см. прил. 4):

4. Соединение, 11. Искажение, путаница, 24. Увеличить, 27. Округлость, шар, шишка, 30. Стык, граница, 43. Механическое движение, 73. Принимать пищу, 77. Другие физиологические процессы, 101. Плакать.

Таким образом, семантика звукоподражательных и звукосимволических фоносемантических полей совпадает на 89,5 %. Этот факт позволяет предполагать общую природу иконических языковых единиц, независимо от их звуко-символических или звукоподражательных свойств. Можно полагать, что общность семантики ономато-пей и звуко-символических слов обусловлена синкретизмом древних основ, который сохраняется в иконической лексике до сих пор. Исследования звукоподражательности и звуко-символизма «позволяют предположить иную категоризацию действительности на начальной стадии кодирования языковых единиц (в глоттогенезе), а фоносемантическое фокусирование открывает возможность восстановления протокогнитивных процессов» [Михалёв 2008а].

Этот тезис подтверждается исследованиями в области компаративистики и сравнительно-исторического языкознания, которые показывают коррелирующие семантические связи и переходы. Так, в сравнительно-историческом исследовании регулярных семантических переходов в германских языках установлено, что семантика многих германских корней восходит к единому этимону, семантической диаде «рассекать» / «стигать» [Меркулова 2009].

Анализ генетических и мотивационных связей лексико-семантического поля «безумие» в русском языке выявил следующие мотивационные модели (семантические переходы): 1) движение (*сдвинуться в сторону, терять путь, мешать, кружить(ся), крутить(ся), трястись* → *падучая*); 2) восприятие (*говорение, зрение, слух, ментальное восприятие*); 3) внешнее воздействие (*Божье произволение, ударить, ломать, повреждать, дырявый, владеть, обладать, искривлять, мучить, беспокоить, осмеивать, уязвлять (словом), нарушать «целостность», норму, обманывать, мерцать (о свете)* и пр. Среди них наиболее продуктивными являются мотивационные модели *ударить* → *лишить рассудка* (12 гнезд), *сдвинуться в сторону* → *сойти с ума* (10 гнезд), *владеть, обладать (о враждебных силах)* → *сводить с ума* (7 гнезд) [Турилова 2010].

Только «укрепившись на фоносемантических позициях, лингвистика в состоянии дойти до самого сокровенного в человеческом языке и мышлении: до их истоков» [Михалёв 2007б].

Наибольшее число семантических совпадений ономотопеи и звукоимоволизма показывают исследования, демонстрирующие масштабность привлекаемого материала [Михалёв 1995, 1999, 2007а, 2008б; Дрожащих 2006; Колева-Златева 2008].

Особо следует отметить редупликации, которые являются структурирующим свойством фоносемантических маргиналий. Редупликация является специфической чертой звукоизобразительных слов. «Среди всех признаков звукоимоволического слова с диахронической точки зрения наиболее устойчивым и, следовательно, наиболее надежным для их распознавания является редупликация. Как структурный признак она труднее всего поддается “маскировке”» [Колева-Златева 2008: 81].

«В тех языковых системах, где редупликация является употребительным видом словопроизводства, она тесно взаимосвязана со звукоизобразительностью» [Петухова 2001]. Исследователи единодушно указывают на иконический характер редупликации: «семантика редупликации является в значительной степени иконической и универсальной» [Минлос 2004]. «Формальные и функциональные параметры редупликации в русском и английском языках могут быть признаны универсальными и генетически первичными» [Мехеда 2010]. «Наиболее существенным следствием из иконичности редупликации становится размытость значений, заметно затрудняющая типологическое сопоставление редупликации в разных языках» [Рожанский 2010: 204].

В то же время «информативная ценность редупликатива достаточно велика, что объясняется сочетанием формальной оболочки слова, зачастую имеющей звукоизобразительный или звукоподражательный характер, и семантическим значением редупликатива, которое в свою очередь складывается из денотативного значения и широкого коннотативного спектра (эмоционально-оценочного, экспрессивного)» [Мехеда 2010].

Кроме того, «интеръективные формы, имеющие звукоизобразительный (ономатопеический), звукосимволический и эмоционально-симптоматический характер, объединяются на общей основе своей прототипической когнитивной интеракциональной природы» [Кустова 2010]. Проторечевая интеракциональность данных форм, на наш взгляд, не вызывает сомнения, однако в эволюции языка только ономатопея сохраняет очевидную знаковую иконичность.

6. Выводы по главе

Анализ семантики ономатопеи позволил выявить следующие *универсальные тенденции* в сфере звукоподражательности:

1. Ономатопея в немецком и русском языках охватывает с разной вероятностью подавляющее большинство сфер окружающей действительности за исключением некоторых узких специальных областей экономики, права, истории, религии и т.п. В семантике ономатопов восстанавливается целостная картина бытия человека во множестве аспектов его проявления.

2. Семантика немецких и русских ономатопей внутри семантических полей совпадает, что указывает на универсальный характер звукоподражательных слов как таковых. Установлено, что в области семантики ономатопея содержит больше сходства, чем различий.

3. Количественный анализ наполнения семантического пространства ономатопеи исследованных языков демонстрирует удивительное сходство:

а) на уровне фоносферы в сопоставляемых языках экспликация *биофоносферы* составляет 41–42 % всего исследованного материала (в том числе натурфоносфера – 12–13 %; фитофоносфера – около 2,5 %; зоофоносфера – около 6 %; антропофоносфера – 19–20 %); экспликация *социофоносферы* – 12–14 % (в том числе музыкафоносфера – около 1 %; сигналофоносфера – около 0,3 %; технофоносфера – около 5–6 %; лингвофоносфера – около 6 %).

В целом только 54–56 % всего исследованного материала ономатопей эксплицирует звуковую картину мира, остальной корпус исследованной лексики отражает в языке картину мира в целом. Наиболее значимые звучания располагаются в звуковом поле *антропофоносфера* (19–20 %) и *натурфоно-*

сфера (12–13 %). Отмечается количественная корреляция семантических полей *зоофоносфера*, *лингвофоносфера*, *технофоносфера* (около 6 %), т.е. звуки животных, шумы механизмов и человеческая речь одинаково привлекают внимание человека;

б) по типологии тезауруса Ф. Дорнзайфа, в нашем материале ономотопеи сопоставляемых языков представлены семантическими полями *a priori* (15 %), *природа* (21–22 %) и *человек* (62–64 %). Подавляющее большинство ономотопей располагаются в семантическом поле *человек*;

в) по типологии тезауруса О. С. Баранова, самое большое количество ономотопей в немецком и русском языках зафиксировано в разделах *Социальная сфера* и *Человек* (по 14–16 %), *Цивилизация* (11–12 %). Ономотопеи также широко представлены в подразделах *Общество* (10–11 %), *Личность* (9–10 %), *Живая природа* и *Множественность* (по 8–9 %), *Природа* (по 8–8,5 %).

4. Ономотопы сопоставляемых языков имеют регулярные семантические переходы, образуя достаточно жесткую модель семантического развития. Всего установлено 83 регулярных семантических перехода, в том числе в сфере акустических ономотопов – 60 (*удар, звук удара* > *отрицание; соединение / разделение, часть; деформация, искажение; совокупность; интенсивность; округлость, выпуклость; полость, пустота; изгиб, кривизна; начало, ускорение, ограничение, исчезновение, окончание действия; жидкость; небесная сфера, земля; ландшафт; благополучие / неблагополучие; растения; органы, части тела; некрасивость, уродство; смерть* и др.), в сфере артикуляторных – 19 (*дыхание* > *начало; ветер; старость, слабость, смерть; звуки тела* > *органы, части тела; боль болезни, нездоровье; ребенок, юноша; принимать пищу, пить; интимные отношения; ложь, подхалимаж, коварство; гонор, хвастовство; музыкальные инструменты; интенсивность* и др.). в сфере ономотопов говорения – 4 (*звуки внешнего мира; звучание человеческого тела; крики животных и птиц* > *говорение человека; подзывные слова* > *животные*).

Акустические ономотопы со значением «ударять, бить» и «производить звук» развивают самый полный спектр значений и встречаются во всех тематических подгруппах в исследуемых языках. Артикуляторные ономотопы

традиционно обозначают различные физиологические процессы, которые «прорастают» в эмоции, чувства, особенности поведения человека.

5. Для когнитивной деятельности человека звучания человеческого тела и неживой природы более значимы в сфере акустического денотата (звуковые – первичные, прототипические – значения); в сфере неакустического денотата (незвуковые – более поздние – значения) важнее звучания внешней среды.

6. Сравнение семантического пространства ономотопеи немецкого и русского языков с семантикой звукосимволизма (начальные согласные, редупликация, фонестемы в индоевропейском, славянских, древнеанглийском, русском, французском, английском, арабском, немецком, абазинском, чеченском, новогреческом языках) показывает, что семантические области звукоподражательных и звукосимволических полей совпадают на 89,5 %, отражая семантический синкретизм иконических знаков, который сохраняется и в современной синхронии. Из 191 семантической подгруппы в нашем материале ономотопеи не нашли семантического соответствия в области звукосимволизма только 20 подгрупп (10,5 %). На наш взгляд, примарная мотивированность языковой единицы обуславливает единство семантического пространства всех слов иконического происхождения.

5. В семантике немецкой и русской ономотопеи в нашем материале обнаружены незначительные *количественные и качественные различия*:

1) в **немецком языке** не обнаружены обозначения таких абстрактных понятий, как *обусловленность* (рус. *вытекать, проистекать*), *касательство* (рус. *соприкасаться, касаться*), *содержание* (рус. *подробность, разрез “аспект”*), *полнота* (рус. *от края и до края; круглые (сутки / год); на всю катушку; от корки до корки*). В немецком языке существует большое количество технических, научных, специальных терминов, образованных от фоносемантических маргиналий, тогда как в **русском языке** термины являются в большинстве случаев заимствованиями, в том числе из немецкого языка;

2) в **русском языке** в нашем материале в 2–4 раза больше, чем в немецком, представлены подгруппы *Следы, пятна, Подзывные слова и слова отгона животных, Физическая слабость, Глаза, Невнимательность, Упрямство,*

Злиться, сердиться, Инструменты для охоты, рыбалки, Жизнь общества, Религиозные отношения, обычаи, Ветхая одежда, Сверхъестественное, Преступники. В немецком языке в 2–4 раза более значимы подгруппы Игры взрослых, Технологические процессы, приборы, Функционирование техники, Интенсивность, Фигура, Течение жизни, Старение, Скупость, Напитки, Досуг, развлечения, Имущество, утварь. Актуализация данной семантики в самом общем виде отражает особенности менталитета этносов, этнических авто- и гетеростереотипов;

3) в сфере артикуляторной ономотопеи установлены специфические семантические переходы: в **немецком языке** установлено пять (*дыхание > легкость; звуки тела > движение жидкости, растения, животные, транспортное средство*), в **русском языке** – семь (*звуки тела > разделение, часть; исчезновение; холод, мороз; благополучие / неблагополучие; физическая слабость > бесхарактерность; трудиться / бездельничать; осудить, арестовать*) специфических семантических переходов.

Таким образом, в области семантики немецкая и русская ономотопея содержит больше универсальных черт, чем специфических (идиоэтнических). Это свойство характерно для любой фоносемантической категории.

Глава IV. ОПЫТ СЛОВАРЯ ОНОМАТОПЕЙ

1. Предварительные замечания

Преимущество европейской и американской фоносемантики в том, что там ведется лексикографическая работа по фоносемантическим единицам, которая реализуется в словарях и списках [Amanuma 1974; D'Elia 1998; Fujita 1984; Gomi 1989; Kakehi 1998; Leiris 1989; Magnus 1999; McCune 1983; Sadasivam 1966; Thun 1963; Whissel, Dewson 1989 и др.]. Наиболее представлены в лексикографии английский и японский языки. В русистике также есть незначительный опыт лексикографической фиксации звукоподражаний и междометий.

При лексикографической фиксации ономотопеи необходимо учитывать грамматическую неоднородность класса ономотопов, который включает 1) традиционно выделяемые грамматические классы (глагол, существительное, прилагательное и пр.), а также 2) фоносемантические маргиналии (междометия, звукоподражания, слова клича и отгона животных).

Фиксация грамматически «нормальных» ономотопов в русской и немецкой лексикографии является системной и достаточно полной. Основная проблема – этимологизирование звукоизобразительной лексики. Звукоизобразительная природа слова отмечается только в явных случаях, чаще дается помета «темное», «спорное», «неясное» [Шляхова 2003, 2004].

О проблемах этимологизирования звукоизобразительных слов пишут многие исследователи. С. В. Климова, устанавливая звукоизобразительное происхождение многих слов с пометой «происхождение неясное» в «Сокращенном Оксфордском словаре» [Климова 1986], приходит к выводу: «Этимологи констатируют их звукоизобразительный статус, но они не идут дальше и не ставят перед собой задачу объяснить характер связи между звучанием и значением этимона. К тому же, они, в лучшем случае, рассматривают только эксплицитные звукоизображения» [Климова 1999: 145].

Звукосимволическое происхождение ряда украинских слов, указанных как неясные в «Этимологическом словаре украинского языка», определяет Ж. Ко-

лева-Златева [Колева-Златева 2006]. В некоторых работах предлагается материал для звукоизобразительного этимологизирования многих русских аномальных форм [Шляхова 2004].

Ж. Колева-Златева пишет: «Если судить по большинству этимологических словарей индоевропейских языков, в том числе и славянских <...>, звукосимволических слов в этих языках якобы нет или почти нет. Этот вывод касается и древних языков, и праязыков, континуантами которых являются современные индоевропейские языки. <...> В некоторых словарях относительно определенных слов, для которых можно было бы предположить звукосимволическое происхождение, даются лишь указания, что они являются «аффективными» или «экспрессивными» словами [Колева-Златева 2008: 16].

Лексикографическая фиксация фоносемантических маргиналий, и шире – языковых аномалий (междометий, звукоподражаний, релятивов, частиц и пр.) – всегда являлась проблемой для лексикографов. Н. Р. Добрушина пишет, что междометия остались за пределами внимания лексикографии [Добрушина 1995]. Д. И. Квеселевич и В. П. Сасина отмечают, что «в двуязычной лексикографии междометиям, а шире – релятивам, явно “не повезло”. Это один из наименее разработанных в лексикографической практике пластов лексики. <...> Почти не представлены в словарях звукоподражания и глагольно-междометные слова» [Квеселевич, Сасина 2001: 8].

По мнению А. Н. Баранова и И. М. Кобозевой, «концептуальный аппарат, разработанный для описания логических частиц <...>, оказывается малоэффективными при описании частиц, не участвующих или почти не участвующих в формировании логической структуры предложения (аналогичные трудности возникают с междометиями)» [Баранов, Кобозева 1988: 46]. Не менее проблемная ситуация в описании звукоподражаний.

В «Толково-комбинаторном словаре современного русского языка» [Мельчук, Жолковский, Апресян 1984] и в «Интегральном словаре» [Материалы к Интегральному словарю... 1991] представлены образцы словарных статей отдельных русских глаголов, существительных, прилагательных, наречий, предлогов, частиц и союзов. Однако «практически единственный

представительный класс слов, оставшийся не охваченным в лексикографических описаниях нового типа, – междометия» [Добрушина 1995]. Таким образом, разработка принципов лексикографического описания фоносемантических маргиналий, отбор параметров, релевантных для словарного описания, являются важной проблемой лексикографии.

Так, основной задачей диссертации Н. Р. Добрушиной явилась разработка принципов словарного представления русских междометий и создание каркаса словарной статьи (основные типы употребления данного междометия, его значения, устойчивые выражения и конструкции с этим словом, его возможные формальные варианты [Добрушина 1995: 7]).

Рассмотрим фиксацию фоносемантических маргиналий в толковых, этимологических и идеографических (семантических, тезаурусных) словарях русского и немецкого языков.

2. Практика лексикографической фиксации ономотопеи

Анализ известных толковых словарей **русского языка** показывает, что фоносемантические маргиналии представлены в них незначительно. В словаре А. А. Срезневского (1893–1912) ономотопеи не фиксируются; в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1877) отмечено 8 звукоподражаний (*буль-буль, га-га, кахи-кахи, тюк, хрю, хи-хи, ха-ха, хны*), в словаре В. И. Даля (1863–1866) – 36, в словаре Д. Н. Ушакова (1935–1940) – 43, а в Большом академическом словаре (1948–1965) – 66 [Карпухин 1979]. Эти данные требуют определенной коррекции (в «Материалах...» А. А. Срезневского, например, фиксируются *кра, ох, о, ха, чих, чох*), что, однако, не может изменить общей картины. В диссертации С. А. Карпухина исследуется три тысячи звукоподражаний, из которых около двух тысяч специальные (орнитологические и зоологические), однако тысяча звукоподражаний, функционирующих в живой и художественной речи, остается за пределами русских толковых словарей [Шляхова 2004: 7].

В диалектных словарях звукоподражаниям также уделяется недостаточно внимания [Шляхова 2003]: в пяти словарях пермских говоров (Краткий словник... 1962; Ночвин 1913; Соликамский словарь 1973; Акчимский сло-

варь 1984; Теплоухов 1857) фиксируется около 50 подзывных слов и около 20 звукоподражаний, тогда как только для подзывания овец в пермских говорах зафиксировано около 40 единиц. В «Словаре соликамских говоров» все фоносемантические маргиналии трактуются как междометия; в «Акчимском словаре» дифференцируются подзывные слова и междометия, но у подзывных слов грамматические пометы отсутствуют, а остальные единицы (преимущественно звукоподражания) получают различную трактовку: «*междом.*», «*звукоподр.*», «*междом. звукоподр.*», «*детск.*» [Шляхова 1988].

В толковых словарях фоносемантические маргиналии также имеют несистемные пометы. Так, в словаре Д. Ушакова *буль-буль* имеет помету «*межд. звукоподр.*». При этом явное звукоподражание может и не иметь помету «*звукоподр.*». В словаре В. Даля *буль-буль* квалифицируется как частица, в словаре Д. Ушакова и Т. Ефремовой *тук-тук*, *ах* – как междометия без указания на их звукоизобразительность.

Для русистики долгое время было характерно пристальное внимание лишь к «высокой» книжной и народной диалектной речи, которые отличаются некоторой цельностью, законченностью, «идеальностью», тогда как все «недоязыки» (жаргоны, сленги, аргó и пр.) рассматривались только в контексте культуры речи как «неправильные», а потому не достойные внимания «высокой» лингвистики. Однако даже это положение дел не мешает проследить тенденцию возрастающего внимания русской лексикографии к фоносемантическим маргиналиям.

Фоносемантические маргиналии в этимологических словарях славянских языков, как правило, не рассматриваются в рамках отдельной словарной статьи, а являются «фоном» для грамматически оформленной лексики. [Шляхова 2004]. При этом анализ всего корпуса русских фоносемантических маргиналий показал, что в 99,8 % случаев онома топы имеют звукоизобразительные этимологии в словарях [Шляхова 2006: 135].

В четырехтомном «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой междометия и звукоподражания не получают своего описания, лишь упоминаются [РСС 1998–2007]. Более последовательно фиксирует фоносемантические маргиналии «Идеографический словарь русского языка»

О. С. Баранова [Баранов]. В словаре представлено около 100 000 лексем, 7 уровней деления, 6700 гнезд (сем). Довольно широко представлены гнезда (семьи) «звук», включающие в том числе фоносемантические маргиналии.

Так, в словаре О. С. Баранова для обозначения отрывистого звука зафиксировано 20 маргиналий: *тук-тук, трах, тарарах, бах, бабах, бух, ух, бац, хлоп, бряк, щелк, пи-пи, тик-так, топ-топ, динь-динь, дзинь, та-та-та, хрусть, хруп, хрясть*; для обозначения голосов животных – 15: *га-га, кар-кар, кудах-тах, ку-ка-ре-ку, курлы-курлы, кря-кря, ку-ку, ква-ква, мур-мур, мяу, тяф-тяф, гав-гав, мэ-э-э, му-у-у, хрю-хрю*; для обозначения восклицаний – 35: *ах, ох, ух, эх, уф, ай, ой, хм, тю-тю, э, э-ге, э-ге-ге, оп-па, о, ого, ату, ага, у, ну, улю-лю, фи, фу, фу-ты, тьфу, цыц, ш-ш, тсс, чу, чур, брысь, кыш, кыс-кыс, цып-цып, но, тпру*.

Словообразовательный потенциал русских фоносемантических маргиналий отражен в «Словаре морфем русского языка» [СМРЯ]. Анализ показывает, что наиболее продуктивными являются 228 корней, каждый из которых образует от 370 до 50 слов. Из них 26 корней (11,4 %) являются фоносемантическими маргиналиями.

В перечне наиболее продуктивных корней русского языка названы следующие маргиналии: *раз* образует 180 слов; *(с)туп, раз, ши* – по 120 слов; *тир (тор, тер, тёр)* – 110; *ду* – 100; *хват, пи* – 90; *кач* – 80; *кус, тряс, мах, верт, щип, хлоп* – по 70; *сос, шиб, грыз, леп, пих, пах, скок, дёрг, топ* – по 60, *сек, прыг, чу, круть* – по 50 [СМРЯ: 1122].

228 корней в целом образуют около 20 000 слов. Всего в словаре зафиксировано 52 000 слов. Таким образом, 26 маргиналий образуют 2050 обычных слов (в среднем по 79 слов каждая). Это около 4 % слов, зафиксированных в словаре, и более 10 % продуктивного словообразовательного потенциала русских корней [Шляхова 2006: 107].

В русистике есть опыт фиксации междометий и в двуязычном словаре – русско-английский словарь междометий [Квеселевич, Сасина 2001]. Словарь содержит около 1000 единиц, из них 800 междометий и релятивов, но только 100 ономапей русского языка. Словарная статья включает заголовок (междометие, релятив, звукоподражание, глагольно-междометное слово), его толкование (в подавляющем большинстве случаев по толковым словарям русского языка), предлагаемые английские аналоги или эквиваленты, иллюстративные цитаты из русской художественной литературы, перевод этих цитат

на английский язык [Квеселевич, Сасина 2001: 10]. Но данный словарь не учитывает специфики единиц, в том числе их устного бытования.

Более последовательно рассматриваются единицы типа *ах*, *толк*, *тук* в словаре русских фоносемантических аномалий, где представлено более 1500 словарных статей. Большая часть иллюстративного материала является фиксацией живой устной речи. Словарная статья включает толкование значения, грамматические пометы (при необходимости), фоносемантическую характеристику, стилистические пометы (в иллюстративной части), а также этимологическую часть с указанием на общеславянскую и/или индоевропейскую звукоизобразительную основу или корень, что говорит о примарной мотивированности слова. При отсутствии этимологии в словарях приводятся семасиологические и фоносемантические параллели в родственных и неродственных языках. Отдельные словарные статьи включают фразеологизмы с аномальными формами [Шляхова 2004].

Таким образом, русские фоносемантические маргиналии получили первичное системное лексикографическое описание.

Проблемы фиксации фоносемантических маргиналий в русской лексикографической практике характерны и для описания **немецких ономатопей**. Прежде всего, недостаточная фиксация в толковых словарях. В наиболее значительном идеографическом словаре немецкого языка Ф. Дорнзайфа [Dornseiff 2004] фоносемантические маргиналии не зафиксированы.

Некоторые ономатопеи не зафиксированы в толковых словарях (*brumm* “рычание собаки; стрекотание насекомых”; *ähm* “восклицание, рассчитанное на ответственность; призыв к общению”). Исследуемые нами корпусы Wortschatz-Lexikon Uni Leipzig (WLUL), Projekt Gutenberg (GB), Corpus der Deutschen Sprache (CDS), Franklang (Fkl) дают контексты со значениями, которые не отмечены в толковых словарях: *ach* “вздых, стон”, *ha, ho* “выдох” и др.

Следующая проблема – несистемность и противоречивость грамматических помет. Поскольку в настоящее время не уточнен грамматический статус звукоподражаний в немецком языке, то они обычно обозначаются во всех словарях как междометия (*Interjektion, Int*), далее помета: *звукоподр.* (*lautmalend,*

lautm.). Так, в словаре DUDEN: **bam** <Interj.>. *lautm. für einen dunkleren [Glocken] klang*. При этом явное звукоподражание может и не иметь помету *lautmalend, lautm.* Так, *hopp* “звук хождения, передвижения; топанье” в DUDEN представлена как *part.* “частица, служит для побуждения к действию”.

Однако звукоподражания образуют самостоятельную часть речи, отличную от междометий: 1) междометия выражают чувства, переживания и волеизъявления, не называя их, а звукоподражания их не выражают; 2) междометия нуждаются в контексте, мимике или сопутствующей интонации, а звукоподражания понятны без пояснения; 3) междометия являются словами-отношениями, а звукоподражания обладают лексическим значением; 4) звукоподражания в отличие от междометий широко используются в словообразовании [Курашкина 2007: 11].

Очевидно, что первообразные междометия (*ach, ha* “возглас удивления”; *hu* “возглас ужаса, отвращения”), детские слова (*baba* “звук укачивания”, *ata gehen* “идти гулять, идти на улицу”), звукоподражания (*knips* “звук щелканья”, *knicks* “хруст, треск”) и производные междометия (*Donnerwetter, Gott*) имеют различную природу. Однако все они в немецких грамматиках и словарях квалифицируются как *Interjektion*.

В немецких этимологических словарях [HWEDS 2007, EWDS 2002] также не всегда указывается на звукоизобразительное происхождение явных ономатопоей: *hopp*, рус. *хоп* [EWDS: 421]; *kusch*, рус. *кыш* [HWEDS: 463].

Ср. нем. *heidi* в немецких словарях [HWEDS, EWDS] звукоизобразительная природа не отмечается: *heidi* int “возглас для обозначения быстрого движения”. *Sie setzten sich auf den Schlitten, und [ab] heidi ging's den Berg hinunter; heida* int landsch. “обозначает и/или указывает на эмоциональное состояние удивления, изумления, похвалы, одобрения”. *Heida, ist das ein Rennen! Heida, war das eine Fete!* В словаре М. Фасмера слово *айда, гайда* “межд., выражает восклицание, подгоняющее животных”, т.е. также не отмечена его звукоизобразительная природа. Ср. болг. *хайде*; укр., блр. *гайда*; чеш., польск. *hajda*; тур. *hayda*; кирг. *айдоо*; казах. *айдау*; ног. *айдав*, татар. *айда* “ну”, “пошла” [Черных I: 32; Шанский: 129].

Кроме того, сопоставление звукоизобразительной лексики в немецко-русских словарях основано на их смысловой близости, при этом не учитывается фоносемантическая специфика этих единиц. Так, слово *bum* квалифицируется в словарях (Lingvo, БНРС, Мультитран) как междометие (*Interjektion, Int*) и переводится как *бум, бах*. При этом в данном значении *bum* является ономатопом (а не междометием) и эксплицирует удар (выражен взрывным /b/) с последующим тоновым неударом (выражен сонантом /m/). Перевод *бах* является не совсем точным, поскольку здесь акустический денотат является собою удар с последующим шумовым неударом (выражен глухим гуттуральным /x/). Следовательно, рус. *бах* с учетом фоносемантических характеристик будет соответствовать нем. *baff* или *paff*.

Перевод ономатопей осуществляется на основании семантического и грамматического критериев, тогда как соотношение звуковой оболочки единицы с ее содержанием (принципиально значимая черта) не учитывается.

На наш взгляд, создание немецко-русского фоносемантического словаря является насущной проблемой не только фоносемантики, но и германистики и русистики в целом. Даже простая фиксация слов звукоизобразительного происхождения, установленных в рамках классической (не фоносемантической) этимологии, позволит представить, какое значительное место занимает ономатопея в составе немецкого лексического фонда.

3. Проблемы лексикографической фиксации ономатопей

Анализ лексикографической фиксации ономатопей показывает, что лексикография является тем разделом русистики и германистики, в котором недостаточно уделялось внимание звукоизобразительности как таковой. Лексикографические проблемы, связанные с фиксацией ономатопей:

1. Отсутствие специализированных словарей. По нашим данным, на русском материале, существует лишь один словарь фоносемантических маргиналий [Шляхова 2004]; в немецком языке такие словари отсутствовали до настоящего исследования [НРСО].

2. Недостаточная и несистемная лексикографическая фиксации. Некоторые немецкие и русские ономатопей не зафиксированы в толковых словарях. Более полную фиксацию получают маргиналии в русистике.

3. Нечеткая система помет; недифференцированность ономапопей (*lautmalend*), междометий (*Interjektiv*) и звукоименических слов. В немецкой и русской практике не различаются междометия и звукоподражания, которые объединяют в один класс. Обычно в словарях они имеют пометы *Interjektiv / междометия*, иногда следует помета *lautmalend / звукоподражание*.

4. Недостаточная этимологическая разработанность этого лексического пласта. В немецких этимологических словарях, как правило, не отмечается звукоизобразительная природа первообразных междометий (*äh, au, o, oh* и др.): они характеризуются как возгласы при определенных эмоциональных состояниях. В русских этимологических словарях звукоизобразительное происхождение первичных междометий обычно отмечается, но не всегда.

5. Отсутствие четких критериев сопоставления в двуязычных словарях. Сопоставление звукоизобразительной лексики в немецко-русских словарях основано на их смысловой близости без учета фоносемантической специфики.

4. Опыт немецко-русского словаря ономапопей

4.1. Общие сведения о словаре

В процессе подготовки диссертационного исследования был издан немецко-русский словарь ономапопей [НРСО] (рис. 8), в котором представлено описание ономапопей с учетом их фоносемантических свойств.

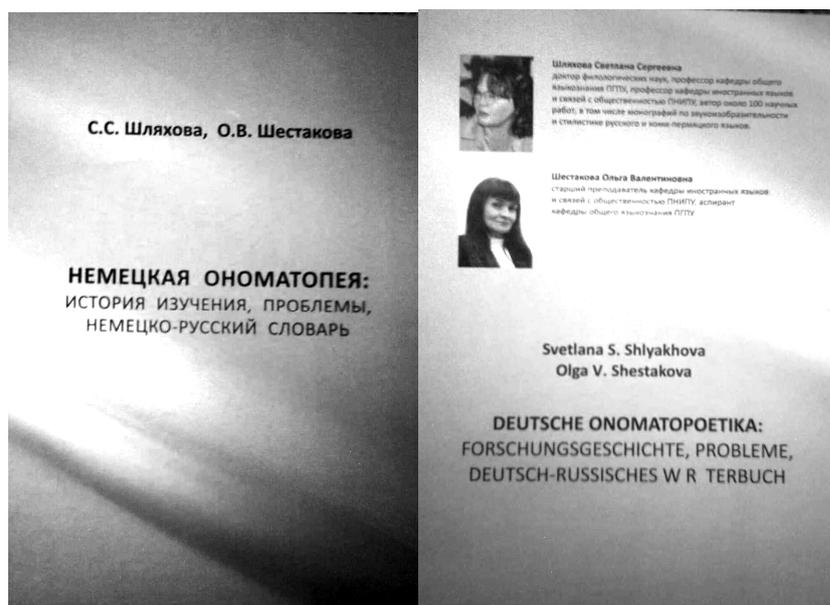

Рис. 8

В словаре рассматривается история изучения немецкой звукоизобразительности, исследуются проблемы лексикографической фиксации ономотопеи, определяются основания определения единиц как примарно мотивированных, предлагается фоносемантическая типология немецких ономотопов, в самом общем виде представлена фоносфера и ее отражение в немецком языке.

Основными функциями словарей называются справочная, систематизирующая, нормативная, учебная [Денисов 1980]. Наш словарь выполняет *справочную* (предназначен для специалистов по фоносемантике, лексикологов, переводчиков и всех, кто изучает немецкий язык), *систематизирующую* (система значений немецких ономотопей, их смысловые связи) и *учебную* (эффективность при изучении языка) функции.

Авторы ориентировались на современные принципы лексикографического описания [Денисов 1980; Апресян 1995; Баранов 2001; Моисеев 2006; Дубичинский 2008; Соколова 2011] в толковании языковой единицы: 1) *относительность и ориентированность на адресата* (выделенные секторы аудитории словаря); 2) *семантическая ступенчатость описания* (включение описываемой единицы в фоносемантические классы и типы); 3) *системность* (иерархически упорядоченный способ представления компонентов семантики единицы); 4) *стандартность* (использование одинаковых помет, отсылок, принципов на протяжении всего корпуса словаря); 5) *простота* (стремление к использованию предельно ясных языковых средств); 6) *экономность* (стремление к более краткому описанию); 7) *достаточность* (стремление к отражению всех семантических компонентов единицы); 8) *полнота, эффективность, традиционность* (наличие иллюстративных примеров, речевых контекстов, необходимых грамматических и стилистических помет).

Словарь можно отнести к словарям дескриптивного типа, словарная статья которого включает следующие компоненты: лексический вход (вокабула), варианты, помета сферы употребления, грамматическая информация, толкование, примеры употребления, примеры нестандартных употреблений, зона идиоматики (устойчивые сочетания, фразеологизмы) [Баранов 2001].

Словарь представляет основной фонд немецких ономапопов, предлагает материал для этимологизирования отдельных лексем, позволяет проследить семантическое развитие отдельных языковых единиц в рамках не только романо-германских, но и индоевропейских языков. Словарь, по-видимому, является первой попыткой системного лексикографического описания немецких ономапопов, зафиксированных в различных социально-функциональных стратах немецкой речи.

Основной целью Словаря является первоначальное, а потому лишь весьма приблизительное установление фонда немецких ономапопов (в сопоставлении с русскими), которые эксплицируют фоносферу в немецком языке.

Словарь включает ономапопов, функционирующие в немецком языке, а также их русские корреляты. Кроме того, в Словарь включены идиомы и фразеологизмы, где базовым компонентом является ономапоп. В Словаре содержится около 1100 словарных статей, которые распределены в 210 фоносемантических гнезд. В гнезде содержится от 1 до 30 словарных статей. Заголовочные единицы гнезд – фоносемантические маргиналии, в традиционной русской грамматической терминологии – звукоподражания, междометия, глагольно-междометные формы, слова клича и отгона животных и пр., в немецкой традиции – интеръективы.

Основным критерием отбора единиц является их примарная мотивированность. Критериями включения единицы в словарь являются: 1) возможность включения единицы в ЗИС немецкого языка на основе универсальной классификации ономапопов (см. глава II); 2) звукоизобразительные этимологии в одном из этимологических источников; 3) «звуковое» значение слова, которое указывает на акустический денотат.

Словник составлен на основе корпусов немецких, русских, славянских этимологических, толковых, сленговых словарей, научных справочников и исследований, а также материалов русскоязычной и немецкоязычной корпусной лингвистики (см. список словарей и источников).

4.2. Единицы описания и состав словника

Состав словника настоящего Словаря отражает звукоподражательную подсистему ЗИС немецкого языка. В словарь включаются следующие едини-

цы: 1) акустические ономатопы: *bam* “низкий звук колокола”; *Klatsch* “звонкий удар, шлепок”; 2) артикуляторные ономатопы: *hatschi* “звук чихания”; *Happ* “хватание (зубами, ртом)”; 3) ономатопы говорения: *blabla*, *Larifari* “пустая болтовня”; *quaken* “говорить монотонно”; 4) подзывные слова (вокативные, лексические апелленты: *put* “подз. слова для кур, цыплят”, слова отгона, лексические репелленты: *husch* “возглас, которым отгоняют птицу, домашних животных и т.п.”) и подражания голосам животных и птиц.

Подражания голосам животных и птиц (*miau* “мяуканье”; *muh* “мычание коровы”; *blaff*, *klaff* “лай собак”), безусловно, имеют звукоизобразительный характер [Поцелуевский 1944; Шляхова 2003, 2004, 2005]. Эти слова (а также их производные) представлены в Словаре в том случае, если они не носят специальный (зоологический, орнитологический) характер.

Однако фиксация всего материала немецкой ономатопои невозможна в силу вынужденной ограниченности объема Словаря, а потому отправной единицей описания являются фоносемантические маргиналии, к которым относятся интеръективы-звукоподражания и интеръективы-междометия (кроме производных типа *Donnerwetter*).

В основе формирования словника лежит фоносемантические маргиналии, в том числе редупликации (*hihi*, *haha*, *toittoi*, *nana*, *plemplem*) и трипликации (*blablabla*), аблаутные диады (*klipp-klapp*; *klitsch-klatsch*; *kling-klang*; *knips-knaps*; *piff-paff*; *pitsch-patsch*; *plitsch-platsch*; *plitz-platz*; *ritsch-ratsch*; *rips-raps*) и рифмованные образования (*holterdiepolter*, *kladderadatsch*, *papperlapapp*, *Remmidemmi*, *schwuppdwupp*, *zappzarapp*) и т.п.

4.3. Принципы сопоставления материала

Долгое время звукоизобразительность в языке определялась согласно интуиции исследователя, наблюдением за языковым материалом и статистическими данными. На основе анализа звукоизобразительных слов целого ряда неродственных языков выделены объективные критерии для «опознания» звукоизобразительного слова [Воронин 1982].

Объективным критерием для определения единицы ЗИС языка является ее осознаваемая или утраченная звукоизобразительность (примарная мотиви-

рованность), причем различия уровней функционирования этих единиц не является препятствием включения их в единый класс – звукоизобразительные слова. По мнению В. В. Левицкого, принадлежность слова к тому или иному грамматическому разряду не относится к релевантным признакам, определяющим степень иконичности слова [Левицкий 2009: 104].

В словаре использовались следующие фоносемантические и грамматические (с учетом фоносемантических свойств) категории сопоставления ономастопей:

1) акустический признак: например, компактность, диффузность спектра гласного (/a–i/), коррелирующий с символическим значением большого-малого размера и пр.): нем. *bat* – рус. *бам* “низкий звук колокола”; рус. *бим* и нем. *bim* “высокий звук колокола”;

2) фонемотип: так, значение “дребезжать, трещать” в различных языках включает взрывной и/или вибрант / сонорный: голл. *kletteren*, фин. *kalahtaa*, эст. *kõlksatus* “лязгать”; голл. *geratel*, исл. *skrölt*, макед. *клоном*, норв. *skrangle*, тур. *çingirak*, рус. *òpp, mppp* – нем. *klirr*;

3) корневая морфема определенного акустико-артикуляторного строения: инстанты: нем. *ratsch* – рус. *чан, чак, чик* “звук удара, стука”; континуанты: нем. *piep* – рус. *пи-пи* “писк”; фреквентативы: нем. *krach, pratsch, raps* – рус. *бряк, хряп, трах* “звук удара”;

4) фонестема: так, семантический признак «трещать» в немецком имеет начальное /kn/: *knack(s), knick(s), Knall*; для русского языка типичны начальные /xp/, /mp/: *хруст, треск*;

5) междометие: нем. *ach, oh* – рус. *ах, ох* “возглас радости, удивления, неожиданности и т.п.”; нем. *äks (bäks)* – рус. *бе, бя* “возглас отвращения”;

6) звукоподражание: нем. *gluck* – рус. *бульк* “звук движения жидкости”; *kling* – рус. *клинг* “звук удара о стеклянное”; нем. *platsch* – рус. *бултых* “звук при падении в воду”;

7) слова клича и отгона животных и птиц: нем. *husch* – рус. *кыш, киш* “возглас, которым отгоняют птицу, домашних животных и т.п.”;

8) знаменательная часть речи на основе фоносемантических маргиналий: нем. *tihen* – рус. *мычать* (о корове), нем. *bähen* – рус. *блеять*; нем. *Vimbam* – рус. *звон, трезвон, перезвон; позвякивание*; нем. *heulen* – рус. *ухать* (о сове);

9) устойчивое словосочетание, идиома, фразеологизм, поговорка: нем. *La-rifari* – рус. ля-ля фа-фа “пустая болтовня”; нем. *Maul halten* – рус. рот заткни; нем. *Er sagt weder gicks noch gacks* – рус. Он ни мычит ни телится; нем. *Rotz und Wasser heulen* – рус. Выть белугой, реветь в три ручья; нем. *ins Maul schmieren* – рус. Разжевать и в рот положить и др.

Однако не все слова находят свои корреляты в сопоставляемых языках на основании вышеназванных критериев, что связано, с одной стороны, со спецификой фонетической системы языка, с другой – с фоносемантическим законом множественности номинации (один и тот же денотат может быть номинирован по различным признакам или по полноте / неполноте лингвистической экспликации кинемы).

Так, в нем. *blaff* и рус. *тяв-тяв, гав-гав, ав-ав* начальный компонент артикулятемы (перцептивно труднорасчленимый для человека) по-разному представлен в русском (передне- и заднеязычный) и немецком (губной, латеральный), однако конечный элемент артикуляции эксплицирован одинаково (гласный заднего ряда + губно-зубной). В рус. *а-п-чи* эксплицированы все стадии кинемы (открытие рта – смычка – выдох), а в *чихать* – только последняя стадия. В нем. *hatschi* “звук чихания”, *nieseln* “чихать”. *Nieseln* является также звукоподражательным глаголом, в котором представлена начальная стадия – сопение.

Здесь следует говорить о том, что «внутри фоносемантических полей совокупности реализаций, имеющие тождественную семантику при незначительном формальном различии, представляют собой группы вариантов, инвариантом которых служит *звукоизобразительная гиперлексема*, которая является семантизированной моделью (инвариантом), представляющей собой совокупность фоносемантических реализаций одного и того же фоносемантического задания. Она реализуется через ряды фонетических вариантов и фоносемантических синонимов [Швецова 2011: 23].

Нем. *Bähschaf* “дурак” (< *bäh* “бэ, бляение овцы” + *Schaf* “овца”) мотивировано характеристиками и звуками животного, а рус. *дурак* (< о.-с. **dur-ь* связано с **du-ti* “дуть” < и.-е. **dheu(e)r-* “бушевать, вертеться, кружиться, вертеть”)

мотивировано признаком «надутости». Ср. рус. *дурак* родственно *дурь* “глупость, вздор, блажь, сумасбродство”, диал. *дурь* “скопившийся в нарыве гной”, *дуться* “сердиться, пыжиться”, *дым*, *вздымать*, *домна*, *надменный* [Черных I: 275]. Различие признаков, положенных в основу номинации в различных языках, не позволяет привести фоносемантически адекватных коррелятов.

В таком случае соответствующим коррелятом на фоносемантическом основании будет не *дурак*, а пейоративы жарг., разг. *овца*, *баран*, которые также основаны на характерных чертах животного и являются примарно мотивированными. Ср. *баран* < 1) о.-с. **borvъ*. см. *боров* < **bher* – “резать, колоть” (>“холостить”) [Черных I: 72]; 2) из подзвон. *ber-*; ср. укр. *брр*, *бирь*; русск. *бар-бар*, *быр-быр* [Фасмер I: 123]; 3) вокализм **bar-*: **bor-*: **ber-*. В случае с подзвонением типа *brr* допустимо предполагать независимое элементарное родство, оноματοпею [ЭССЯ I: 157]; *овца* < о.-с. **ovъsa*. Корень **ov-*, суф. *-ъс(a)*. Ср. о.-с. **ovъль* “баран” [Черных I: 592]. Таким образом, перевод *Bähschaf* через *баран*, *овца* эксплицирует похожие ассоциации и является фоносемантически адекватным.

Во всех вышеперечисленных случаях сопоставление в Словаре основано на частичном фоносемантическом соответствии, основанном на общих ассоциациях. Ср. «колюще-режущая» семантика: нем. *Die Klängen kreuzen* “скрестить шпаги”, помериться силами (в споре)” – рус. *рубиться*, *пикироваться*, *резать на словах* “спорить” (разг.); *Обмен колкостями* “спор” (суд.). Данные подходы к описанию оноματοпей позволят находить более точные сопоставления в переводческой практике даже при условии отсутствия искомой единицы в Словаре.

Таким образом, сопоставление материала в Словаре производится на основании:

1) **универсальных фоносемантических признаков**: а) акустический признак (нем. *bat* – рус. *бам*, нем. *bit* – рус. *бим*); б) фонемная идентичность (нем. *bäh* – рус. *бе*, нем. *bit* – рус. *бум*, нем. *hiki* – рус. *хи-хи*, нем. *kikeriki* – рус. *кукареку*, нем. *piep* – рус. *пип*); в) фонестемная идентичность (нем.

plumps – рус. плюх; нем. *krächzen* – рус. кряхтеть); г) фонемотипная идентичность (нем. *klap* – рус. хлоп);

2) **специфических (идиоэтнических) фоносемантических признаков:**

а) фонестемная языковая специфика: значение “трещать” в немецком передается инициальной фонестемой /kn/ – *knack(s)*, *knick(s)*, в рус. /xp/, /mp/ – *хруст*, *треск*; б) звукоизобразительная мотивировка и звукоизобразительная этимология с похожей семантикой (*Bähschaf* – *баран, овца*; *die Klingle kreuzen* – *рубиться*).

4.4. Композиция словника

Словарные статьи располагаются по алфавитно-гнездовому принципу. В основе алфавитного расположения – немецкий алфавит.

Каждое фоносемантическое гнездо состоит из немецкой и русской части. Заглавным словом гнезда является немецкая фоносемантическая маргиналия; в состав гнезда входят слова, производные от данных маргиналий или звукоизобразительных корней. К словам приводятся русские эквиваленты.

Каждая заголовочная единица внутри каждой части гнезда расположена по алфавиту и имеет самостоятельную словарную статью.

В Словаре используется отсылка *см.* (смотри), которая дается при отсылке к той словарной статье, где представлена этимология описываемого слова. Отсылка *см.* указывает на то, что данное слово относится к тому же звукоизобразительному мотиву, что и единица, к которой следует отсылка, например: *kluck* ↔ *см. gluck*.

Однако это не означает, что заглавное слово является основой для образования новых единиц, отсылка именно к этому слову обусловлена лишь тем, что либо сама единица, либо слово, мотивирующее её, встречается в словнике этимологических словарей. Подобное расположение обусловлено лишь удобством дальнейшего поиска слов одного звукоизобразительного корня, что также способствует экономии места.

Написание фоносемантических маргиналий производилось по фонематическому принципу или в соответствии с написанием их в словарях. Написание в иллюстративной части, связанной с фиксацией интернет-речи (фору-

мы, ICQ, LiveJournal), приводится в соответствии с источником (без исправления орфографических и пунктуационных ошибок).

4.5. Структура словарной статьи

Заглавное слово гнезда отличается от заглавных слов-компонентов гнезда наличием при нем этимологической справки. Словарная статья заглавного слова гнезда включает в себя: 1) заглавное слово (фоносемантическую маргиналию или звукоизобразительный корень); 2) этимологическая часть: указание на звукоизобразительную основу или корень, которые указывают на примарную мотивированность слова; при отсутствии звукоизобразительной этимологии в этимологических словарях приводятся семасиологические и фоносемантические параллели в родственных и неродственных языках; указание источника данных этимологий (автор, том или выпуск в многотомном / серийном издании, страница); 3) собственно словарная статья.

Порядок расположения «омонимичных» фоносемантических маргиналий отличается от традиционного расположения. Омонимия в системе звукоизобразительной лексики чаще всего является ложной, поскольку все «омонимичные» звуковые формы чаще всего являются звукоизобразительными, т.е. этимологически восходят к одному источнику, хотя и не всегда. «Омонимичные» заголовочные единицы гнезда не маркируются, но различаются на уровне этимологических версий.

Следует особо отметить, что эта работа не является этимологическим словарем в общепринятом смысле, поскольку этимология здесь существует лишь для того, чтобы определить примарную (звукоизобразительную) мотивированность единицы и справедливость ее включения в данный Словарь. В Словаре не представлены собственно этимологии в строгом смысле, однако предлагается материал, указывающий на звукоизобразительные истоки того или иного слова, а также фиксируются уже существующие звукоизобразительные этимологии. Кроме того, в Словаре предлагаются возможные связи той или иной фоносемантической маргиналии с уже существующими этимологиями «нормальных» слов. Эти случаи помечены словами *возм.* (возможно) и *ср.* (сравни).

Под знаком ↔ в статье представлены основные версии этимологизации слова без указания автора этимологии, но с указанием на источник, где эта версия зафиксирована. Например, (Фасмер III: 289) – этимологический словарь М. Фасмера, том III, страница 289.

Также под знаком ↔ (с пометами *возм.* и *ср.*) представлен материал, позволяющий идентифицировать фоносемантическую сущность описываемой единицы (преимущественно фоносемантические аналоги родственных и неродственных языков). В этимологической части могут встречаться несколько знаков ↔, которые указывают на «омонимичность» единиц, входящих в гнездо. Например:

GLUCK

↔ Ср. англ. *to cluck*, швед. *klukka*. Звукоподр. крику многих птиц (HWEDS: 282). Ср. звукоподр. *клокот*, *клокотать*, *клектать*, *клохтать*, *квокать*, *квочка* < звукоподр. *клок* (ЭСРЯ 2, 8: 163; Фасмер 2: 253). Ср. удм. *клок-клок*, англ. *cackle*; венг. *kotkodácsolás*; ит. *cluck*; рум. *cloncănit*, *gogâlț*; фин. *kotkotus*; тур. *gidak*; рум. *gogâlț*, *clonc*; эст. *loksuma* “о кудахтаньи, клохтании”.

↔ Ср. звукоподр. *глоток* (Фасмер I: 415). Ср. коми-перм. *гульс-гульс*; лит. *kluk-*; тадж. *култ-к*; якут. *кулк*, англ. *gulp*; венг. *kortu*; рум. *înghițitură*; лит. *gurkšnoti*; рум. *înghiți* “глоток”. Ср. фр. *hoquet*, англ. *hiccup*; венг. *csuklás*; кит. *Gé*; рум. *sughiț*; фин. *hikka*; тур. *hıçkırmak* “икать, икание”.

↔ Ср. *gluckern* “о воде или другой жидкости, вытекающей из бутылки” (EWDS: 363). Ср. звукоподр. междом. *буль-буль*. Ср. калм. *bul* “о клокотании воды” (Фасмер I: 239-240), *плюх* (Фасмер III: 289), *шлән* (Фасмер IV: 453); *буль-буль* < и.-е. **bhol-*: **bhul-* “звук бульканья” (Черных I: 116; Фасмер I: 226); звукоподр. *люпать* “шлепать по грязи”, *ляпа* “замарашка”. Связ. с звукоподр. *хлюпать*. Ср. чеш. *chlipeti* “литься, струится, свисать”, польск. *chlupac* “хлюпать, плескать, шлепать” (Фасмер II: 546; 4: 248; Черных II: 344). Ср. коми-перм. *пультиль*, *чоль-чоль*, *буль-буль*, *туля-боля*, *люш-ляш*, удм. *буль-буль*, тадж. *кул-к*, якут. *чалым*, *кыл-к*, мал. *gelekok*, араб. *LKLL*, осет. *c'ylling*; англ. *splash*, *gurgle*, *gugle*, *lapping*; венг. *csobog*, *leppelő*; нем. *Läppen*; ит. *gurgle*, *lappatura*, *gorgogliare*; рум. *gâlgâi*, *lepuit*; фин. *kulahtaa*, *liplatusta*; тур. *Lepleme*, *lıkırdamak*, *çağlama*; голл. *gorgelen*, *klokken*, *rochelen*, ирл. *gurgle*, рум. *gâlgâi*, *lepuit* “о бульканье, плеске, хлюпанье, шлепанье”. Ср. **KLACKS, KLATSCH, KLICK, KLUCK, KNACK, PLIM, PLEM.**

Словарная статья внутри гнезда включает: 1) заглавное слово; 2) грамматические пометы; 2) стилистические пометы (указание сферы функционирования или функциональной страты); 3) звукоизобразительные и / или переносные значения; 4) иллюстративная часть, включающая контексты употреблений с указанием источника. Пример словарной статьи внутри гнезда:

IV. KLAFFEN vi 1. Зиять. *Im Pflaster klafften große Löcher* (DWDS: W. Bredel). *Einige Lücken würde man damit schließen, die seit dem Nationalsozialismus klaffen* (WULL: welt.de vom 05.01.2005). ♦ **KLAFFENDE WUNDE** Зияющая рана. 2. Быть очевидным. *Bei ihm klafft ein Widerspruch zwischen Wort und Tat.*

Система значений каждого немецкого интеръектива представлена в рамках четырех групп, которые помечены в словарной статье римскими цифрами: **I** – акустические ономотопы; **II** – артикуляторные ономотопа, а также (с определенными оговорками) единицы, воспроизводящие звуки, издаваемые животными; **III** – ономотопы говорения, а также слова клича и отгона животных и птиц; **IV** – «незвуковые» значения, сформированные на базе ономотопии. Например:

BLAFF (spätmhd., mniederd. **blaffen**)

↔ Звукоподр. межд. обозначает хлопанье, звук выстрела (DUDEN); 2) звукоподражание звуку треска, выстрела (EWDS: 98). Ср. **KNACK, PUFF**.

↔ Ср. ав. Звукоподр. (Фасмер I:425). Ср. венг. *vaу-vaу*; тадж. *ав-ав, ак-ак*; тур. *аи-аи, ваи-в, һав-һ*; чув. *хам-х*; япон. *ван-в*; араб. *WHWH* “лай”.

↔ Ср. ономотопэнт. звукокомплекс *b.x* с различной вокализацией (ЭССЯ I: 135).

I. BLAFF *lautm. redupl.* Звук удара, падения, толчка; **бух, бах**. *Er schleicht mit seiner Büchse herum; wo sich einer zu nahe wagt, blaff, liegt er* (DUDEN: J.W. Goethe). Ср. **бахнуть** “упасть, навалиться”. *Друг на друга человек пять бахнем и поедем* (диал.). *Тук, тук, бух, бух, бух... Ага.. Кто? Кто? Что?.. Ах, стучат, ах, чёрт, стучат* (М. Булгаков).

BLAFFEN vi **Стрелять, палить, бабахать**. *Ein paar Schüsse blafften in der Nähe* (E. Welk). Ср. **бахать, бухать**. *А он всё бах да бах, из ружья бахат* (диал.). *Охотник выбегает. В зайчика стреляет. Бах, бух – полетел из зайца пух* (детск.). Ср. *редупл. таф. Таф! Таф! Таф! – раздались глухие выстрелы. Медведь быстро повернул и скрылся в чупыге. Таф! Таф! – отсалютовал ему вслед черкес* (И. Горбунов).

BLÄFFEN См. **BLAFFEN**.

II. BLAFF 1. *lautm. redupl.* **Лай** собаки. Ср. *редупл. гав, ав, тяв, тяф* “звуки лая”. *Дразнят собак. «Гау, гау! Га-га! Га-га!» – те отвечают лениво* (В. Хлебников). *Смотри собачка идет: ав-ав собачка, ав-ав* (детск.). *Я тебе покажу, как кусаться! Вот тебе! –*

Ав! Ав! Ав! (Н. Носов). *Тяф-тяф-тяф! Собака тяф-тяф-тяф, я ее кышкар-кышкар, а она не уходит* (диал.). **2. m Лай, тьякanye.** [der Hund] *bleibt ... stutzend stehen und läßt einen einzelnen dumpfen Blaff vernehmen* (DWDS: Th. Mann).

BLAFFEN vi Лаять, тьякать. *Der Hund blafft (bellt kurz, einmal) // Als der Fremde kam, blaffte der Hund. / Des Führers Hund blafft kurz* (DUDEN: G. Grass). Ср. **гавкать, авкать** (разг.). *Хоть бы гавкнули! – А зачем им гавкать на гостей! Собаки хорошо знают, кто друг, а кто враг!* (В. Осеева). *Собачонка, обеспокоенная нами, перестала тьякать* (В. Астафьев).

BLÄFFEN См. BLAFFEN.

III. BLAFFEN vi. 1. ugs. Говорить быстро, **тараторить, тарыхтеть.** „*Na, haste wieder was zum Schielen?*“, *blaffte Hendrik sie mürrisch an. „Lass sie doch“, sagte Philipp mit schwacher Stimme. Aber als sie neben dem Mädchen waren, gab Hendrik ihr plötzlich einen kräftigen Stoß, und sie fiel rücklings ins Wasser* (G. Schwikart). Ср. **бахарь** “говорун, краснобай” (диал.); **бахорить** “говорить весело, много, недолго” (диал.). **2.** Выражаться зло, грубо; **ругаться.** *Der Betrunkene blaffte unflätig, nachdem man ihm aufgefordert hatte, zu verschwinden.* Ср. **лаяться, собачиться, гавкаться** “ругаться, ссориться” (разг.). *Вытянешься – того гляди шкура лопнет: «Гав, гав, гав, разрешите доложить!»* (А. Веселый). *На что мне жена? Лаяться с ней, что ли?* (И. Тургенев). *Банальный, трусливый, неоригинальный, никчемный, бесталанный... – Хватит собачиться – заходи. – ...стереотипный, бестолковый, глупый человек, – закончила Смерть, переступая через порог моей квартиры* (И. Грошек). *По-деловому говоря, обидно Крыленке полгода к этому процессу готовиться, да два месяца на нём гавкаться, да часиков пятнадцать вытягивать свою обвинительную речь* (А. Солженицын).

IV. BLAFFER (BLÄFFER) m. –s ugs. Собака, **шавка.** Ср. **авав, ава, авка** “собака” (детск.).

4.6. Система помет

Словарное описание включает грамматические, функционально-стилистические и фоносемантические пометы.

Грамматические пометы обусловлены спецификой немецкого языка: указывают на принадлежность той или иной части речи, управление глаголов, вспомогательные глаголы (для образования сложных форм прошедшего времени и т.п.). Эти пометы позволяют разграничивать фоносемантические маргиналии (интеръективы) от существительных, прилагательных, междометий, частиц. Например, *Ach* n “жалобы, причитания, ахи и охи”, *ach* lautm. (звукоподражание) “вздых”; *ach* int (интеръектив) “ах”; *Schlapp* m “шлепок;

щелчок, удар”, *schlapp* lautm. “звук удара по упругому”, *schlapp* adj “вялый, лишённый энергии; слабый”.

Функционально-стилистические пометы указывают на сферу бытования ономапов. Ср. *brumm* lautm. kinderspr. (детское) “машина”, *Brummer* m ugs. (разговорное) “здоровенный грузовик”, “тюрьма”, “навозная “муха”, *brummfrei* adj tech. (техническое) “свободный от фона переменного тока”.

Фоносемантические пометы раскрывают сущность немецких интеръективов. Четыре группы, в рамках которых представлен каждый ономапов, обозначены римскими цифрами: I – акустические ономаповы; II – артикуляторные ономаповы; III – ономаповы говорения; IV – «незвуковые» значения, сформированные на базе ономаповеи. Пометы *lautm.*, *int*, *att.* (аттрактант), *gerp.* (репеллент) позволяют разграничивать фоносемантические маргиналии: звукоподражания, интеръективы, подзывные слова, слова отгона: ср. *brr* “бrr” lautm. “шум мотора”, *int* “обозначает и/или указывает на состояние физического дискомфорта; тревоги; брезгливости”; *husch* lautm. *gerp.* “*кыш*”, *int* “неожиданное и/или интенсивное действие, движение и т. п., шух”.

Таким образом, пометы позволяют увидеть, как звукоподражания переходят в разряд системно грамматикализованных единиц, приобретают междометное значение, а также дают возможность правильного грамматического и стилистического употребления в речи.

5. Практическое применение словаря

Настоящий Словарь предлагает новый материал *для лексикографической практики*, вводя в научный оборот большое количество фоносемантических маргиналий. Кроме того, материалы нашего исследования также позволяют расширить список значений однофонемных маргиналий. Так, *АН* в словаре В. Д. Девкина характеризуется как возглас удивления, восхищения, согласия, сигнал понимания [Девкин]. В нашем словаре фиксируется также ряд других значений:

АН (*mhd.* ā)

↔ См. **А**.

IV. АН *int redupl.* Ср. *редупл. а. 1*. Восклицание, рассчитанное на ответственность; призыв к общению. „*Ah, junger Freund*“, *zischelte eine brüchige Stimme*, „*wünschen Sie wieder ein-*

mal ein seltenes Manuskript zu erwerben zu Nachforschen für ihre vorzüglichen Schriften?“ (BBB: A. M. Gruner). Ср. **а**. Ты меня слышишь? А? Эй, говори чего-нибудь (разг.). А что это вы читаете? А? А! Понятно! (В. Высоцкий). **2**. Обозначает и/или указывает на: **а**) радость, удовлетворение. *Ah, nun haben wir es geschafft!* // „*Ah, danke, das tut gut! Jetzt geht mir's schon besser* (Fkl: M. Ende). Ср. *A-a-a, пришли? Очень хорошо* (разг.). *A-a-a-a! Очень рад вас видеть. Что скажете хорошенького* (А. Чехов); **б**) восхищение, восторг. *Ah, sieht das aber schön aus!* // *So gerecht war sein Zorn. So groß war seine Rache. Ah! Welch sublimer Augenblick!* (BBB: P. Süskind). Ср. *Нет, ты видела этот наряд, а? Ну кто еще такое жене купит* (разг.); **в**) удивление. *Ein Ah! Des Staunens kam aus tausend Kehlen* (Fkl: M. Ende). Ср. *Гли-ко че вытарапават ногами, а? Ух он и плясать мастак таким-то разом* (диал.); **г**) смущение. „*Ah*“, *sagte er verwirrt*, „*Sie sollten sich an einen anderen Platz setzen.*“ (BBB: A. M. Gruner); **д**) сожаление. „*Nein*“, *sagte Cyprian*, „*Nein, das will ich nicht...*“ „*Ah... wie schade? Madame?*“ (BBB: A. M. Gruner); **е**) эмоциональный подъём, хорошее настроение. *Ah, wie herrlich kühl es im Schatten ist!* // *Ah, tut das gut!*; **ж**) насмешку. „*Ich bin Schriftsteller, Sir. Auf der Flucht vor der modernen Zeit. „Der Alte kicherte leise. „Ah ja. Sie halten wohl eine Petroleumfunzel wohl auch für romantischer als elektrisches Licht, was?*“ (BBB: A. M. Gruner). Ср. *A-a-a, это теперь называется учиться?* (разг.); **з**) ехидство, злорадство, издёвку. *Bist ja so ein schöner König, ah, ah, gwiß, ein mordsschöner noch dazu! Und kannst ja allein umreiten auch! So geh, komm her und fang zum Singen an!* (GB: L. Ganghofer). *На что Пахомов ему укоризненно: "A-a-a! Я смотрю, у тебя уже душонка стала нерусской* (И. Кио. НКРЯ). *A-a-a, Игореша, – процедил Вадим, и выражение его лица изменилось к худшему* (Е. Костикова. НКРЯ). *A-a-a, попались, вот вам будет от Тоськи* (разг.); **и**) согласие. *Die Pause war vorbei, Bastian überlegte, was jetzt in der Klasse drankommen würde. Ah, richtig, Erdkunde bei Frau Karge* (Fkl: M. Ende); **к**) уяснение, догадку. *Ah, so ist das also!* // *Ah, jetzt weiß ich, warum es vorher nicht funktionierte!* Ср. *A-a-a, вон чё здесь включать, а мы-то чё, деревенские* (диал.); **л**) внезапное воспоминание, обнаружение, узнавание чего-, кого-л. *Ah, ich verstehe! Sie entwerfen ein neues Parfum* (BBB: P. Süskind) // *Der Kunde schaut verdutzt, murmelt ein "Ah ja, danke" und tapert in die ihm gewiesene Richtung davon.* (WLUL: spiegel.de vom 07.07.2005). Ср. *Ведь знать, просто знать, что он есть и что можно ему позвонить и, если повезёт, застать его дома, услышать в трубке: "A-a-a, Сатишенька, привет!" – уже великое счастье* (С. Спивакова. НКРЯ). *Не помню... Ах да) А! ну в субботу мы типа доотмечали, а в воскресенье ботала : -) Милашку липгарта?* (ICQ. НКРЯ). *A-a-a, вот вы где, вас все обыскались* (разг.). *A-a-a... вы целуетесь здесь?* (А. Чехов).

Настоящий Словарь может быть успешно использован **в переводческой практике**, так как описание ономастиков в Словаре проводится с учетом фоносемантической специфики и стилистической окраски этих единиц. Так, глагол

schnapsen имеет в словарях помету *ugs. scherzh. (разг. шутл.)*, однако в традиционных двуязычных немецко-русских словарях переводится стилистически нейтральным русским выражением *пить водку*. Немецкое *schnapsen* в Словаре имеет целый ряд русских соответствий: *шмякнуть, хлопнуть, шлепнуть, хлебнуть, клюнуть, клюкнуть, трахнуть, хлебнуть, шарахнуть, бухнуть, тяпнуть, тюкнуть, шваркнуть, хряпнуть, бахнуть, хлобыстнуть, дерябнуть, дербалызнуть, чебурахнуть* и др. Данные русские корреляты также являются акустическими ономатопами и принадлежат разговорной речи. Наличие большого количества вариантов позволяет сделать более точный перевод.

Рассмотрим перевод междометия *husch*. В немецко-русских словарях *husch* переводится как *шмыг, раз-раз, живо*. Все три слова обозначают быстрое, неожиданное и/или интенсивное движение, т.е. верны с точки зрения семантики. С учетом психоакустических параметров мы предлагаем еще один вариант перевода: *шух*. Это слово относится к чисто шумовым континуантам (наличие фрикативных согласных *х* и *ш*), которые обозначают шум, возникающий при движении воздуха либо твердого тела в воздухе (свист, шипение, шелест); *huscheln* “двигаться с лёгким шумом, шуршанием”. Кроме того, *шух* обозначает не только быстрое, неожиданное и/или интенсивное действия, движения и т.п., но и действие, совершаемое наспех, небрежно, кое-как и/или считаемое простым, легким для исполнения. Ср. *Huschel* “неряшливая женщина”; *Huschelei* “небрежная работа, халтура”; *huschelig* “сделанный кое-как; поверхностный”; *huscheln* “работать небрежно, кое-как”. Итак, наиболее точным эквивалентом немецкого *husch* является русское *шух*, так как 1) также является звукоподражанием и относится к группе шумовых континуантов, 2) наиболее точно соответствует семантике слова, 3) принадлежит разговорному языку.

Материалы Словаря позволяют находить более точный (основанный не только на семантическом, но и фоносемантическом сходстве) перевод для звукоизобразительных единиц. Так, нем. *quieken* переводится русским *пищать, визжать*, тогда как здесь фоносемантически более близко русское диалектное *кvikать, кувикать* “пищать, скулить”, в то время как сема “прон-

зительный крик, визг, писк” (предлагаемая в переводе через *vizжатъ*) не поддерживается фонетической структурой слова *quieken*. Слово *put* “подзывные слова для кур, цыплят” переводится как *цып-цып*, тогда как фоносемантически ближе перевод через *тин-тин*. На наш взгляд, подобные мелочи важны, поскольку в этом случае перевод сохраняет привычные звуковые модели языка-источника. Кроме того, фоносемантические маргиналии практически не получают описания в существующих немецких словарях.

Словарь может быть успешно использован для методических целей. Как известно, звукоизобразительная лексика широко используется в повседневной коммуникации носителями языка, что делает речь живой, непринужденной. Следует отметить, что звукоподражаниям, интеръективам, как незначительным частям речи, уделяется недостаточное внимание при овладении иностранным языком.

Ономатопеи можно отнести к зоне так называемого «языкового комфорта», что позволяет активно использовать данные языковые единицы на занятиях по овладению родным языком в логопедической и коррекционно-педагогической практике. Однако при обучении немецкому языку, особенно взрослых людей, звукоподражательности уделяется недостаточное внимание. Овладение иноязычной речью у взрослого человека во многом совпадает с формированием речи в онтогенезе [Румянцева 2004], поэтому ономатопеи целесообразно использовать **в практике преподавания иностранного языка**.

Наша практика показывает, что ономатопея вызывает интерес у обучаемых любого уровня подготовки. У начинающих изучать немецкий язык ономатопея поможет сформировать интерес к изучению языка (становятся более очевидны связи слов, что способствует запоминанию), у продолжающих – способствует обогащению словарного запаса, особенно экспрессивно-оценочной лексики, а также устранению некоторых трудностей при восприятии немецкой речи.

Ономатопеи, а также идиомы и фразеологические единицы с данными словами, могут быть включены в различные упражнения по развитию навыков произношения, говорения, аудирования. Из звукоподражаний «выводят-

ся» на основе фоносемантического и этимологического анализа многие слова языка. Так, *klappen* “ладиться, идти на лад”; *Klappe* “рот”; *Klapperschlange* 1) “гремучая змея”; 2) “болтуня, трещотка, машинистка”, а также фразеологизм *Er hat einen Klaps* “Он рехнулся” происходят от *klapp* “звук удара, стук”.

Материалы Словаря позволяют значительно расширить словарный запас и ускорить его пополнение за счет фоносемантических ассоциаций. Так, *muh* “мычание коровы, быка”; *muhen* “мычать (о корове)”; *tucken* б. ч. с отрицанием “мычать (о человеке)”; *muffeln* “ворчать, брюзжать”.

Подобная подача материала стимулирует интерес у обучаемых, облегчает усвоение значений лексических единиц из разных сфер бытования, пополняет словарный запас разговорной экспрессивно-оценочной лексикой. Кроме того, на основе звукоподражательной лексики отчетливо выявляются универсальные и специфические черты немецкого и русского языков, что, безусловно, способствует как формированию межкультурной компетенции, что является одной из важнейших задач при обучении иностранному языку, так и более адекватному переводу.

6. Выводы по главе

1. В лексикографической фиксации ономотопей отмечаются следующие проблемы: а) недостаточная и несистемная лексикографическая фиксации звукоизобразительных слов; б) нечеткая система помет; в) недифференцированность ономотопей, междометий и звукосимволических слов; г) недостаточная этимологическая разработанность этого лексического пласта; д) отсутствие четких критериев сопоставления в двуязычных словарях; е) проблема перевода ономотопей в двуязычных словарях.

2. Одна из важных проблем в изучении немецкой и русской звукоизобразительности – отсутствие специализированных словарей. На русском материале, по нашим данным, существует лишь два словаря [Квеселевич, Сасина 2001; Шляхова 2004], которые включают не весь корпус ономотопейских слов, а только фоносемантические маргиналии. Данная проблема частично решается в рамках нашего диссертационного исследования (издание немецко-русского словаря ономотопов).

3. Настоящий Словарь решает множество задач: 1) фиксирует первичный материал для создания будущего немецкого фоносемантического словаря; 2) предлагает материал для этимологизирования отдельных немецких лексем; 3) позволяет проследить семантическое развитие отдельных языковых единиц в рамках не только романо-германских, но и индоевропейских языков; 4) в самом общем виде представляет фоносферу немецкого языка; 5) предлагает практический материал для лексикографических, методических и переводческих целей.

4. В процессе нашего исследования выявлены универсальные и специфические фоносемантические принципы сопоставления ономотопей в немецко-русском словаре. К **универсальным признакам относятся**: 1) акустический признак (*bam – бам, bim – бим*); 2) фонемная идентичность *bäh – бе, hihī – хи-хи*; 3) фонестемная идентичность (***plumps – плюх***); 4) фонемотипная идентичность (***klap – хлоп***). К **специфическим признакам** относятся: 1) фонестемная языковая специфика (фонестема /kn/: *knack(s), knick(s), Knall* – фонестема /xp/, /mp/: *хруст, треск*); 2) звукоизобразительные мотивировка и этимология (*Bähschaf – баран, овца*). Эти критерии позволяют находить более точные соответствия при переводе даже при условии отсутствия искомой единицы в Словаре.

5. Структура Словаря, фоносемантические принципы описания звукоизобразительных единиц с учетом их этимологического происхождения и стилистической окраски, обширный иллюстративный материал из художественной литературы, публицистики и устной разговорной речи на немецком и русском языках, достаточно большое количество русских эквивалентов позволяют успешно использовать Словарь специалистам по фоносемантике, этимологии, семантике, стилистике, словообразованию немецкого языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате многоаспектного исследования ономотопии на материале немецкого и русского языков было выявлено, что универсальные свойства звукоподражательной подсистемы ЗИС языка значительно превосходят специфические (идиоэтнические). Исследование ономотопии в фоносемантическом, семантическом, лексикографическом аспектах позволяет выявить следующие **универсальные свойства** звукоподражательной подсистемы ЗИС языка:

1. В структуре и семантике всех групп ономотопов черты изоморфизма преобладают над алломорфизмом.

2. Звукоподражательная подсистема ЗИС исследуемых языков представлена одинаковым количеством классов, подклассов и фонолексических групп. В языках представлено три основных класса ономотопов: акустические (5 классов, 17 типов), артикуляторные (3 класса, 8 подклассов, в немецком 36 и в русском 35 типов), ономотопы говорения (8 фонолексических групп, 22 типа).

3. Все ономотопы организованы по принципу соответствия структуры элементов денотата структуре языковой единицы: структурируются по общей модели или совпадают по составу на уровне фонемотипа; все фонемотиры в составе ономотопов полифункциональны: согласные имеют от 8 до 13 звукоизобразительных функций. Наибольшая звукоизобразительная нагрузка отмечается у взрывных (в немецком – 12 звукоизобразительных функций, в русском – 11); фрикативных (по 13 функций); вибранта и аффрикат (по 10 функций).

4. Во всех группах (фоносемантических и семантических) выявлена корреляция количественного состава ономотопов в исследуемых языках. На уровне фоносферы в сопоставляемых языках экспликация биофоносферы составляет 41–42 %, экспликация социофоносферы – 12–14 % всего исследованного материала, т.е. только 54–56 % всего материала ономотопией эксплицирует звуковую картину мира, остальной корпус исследованной лексики отражает в языке картину мира в целом.

По типологии тезауруса Ф. Дорнзайфа, в нашем материале ономотопея представлена семантическими полями *a priori* (15 %), *природа* (21–22 %) и *человек* (62–64 %). По типологии тезауруса О. С. Баранова, самое большое количество ономотопей в немецком и русском языках зафиксировано в разделах *Социальная сфера* и *Человек* (по 14–16 %), *Цивилизация* (11–12 %), *Общество* (10–11 %), *Личность* (9–10 %), *Живая природа* и *Множественность* (по 8–9 %), *Природа* (по 8–8,5 %).

5. Семантика немецких и русских ономотопей внутри семантических полей совпадает, что указывает на универсальный характер звукоподражательных слов как таковых. Ономотопея в языках охватывает с разной вероятностью подавляющее большинство сфер окружающей действительности за исключением некоторых узких специальных областей экономики, права, истории, религии и т.п. В семантике ономотопов восстанавливается целостная картина бытия человека во множестве аспектов его проявления.

6. Ономотопы сопоставляемых языков имеют регулярные семантические переходы, образуя достаточно жесткую модель семантического развития. Всего установлено 83 регулярных семантических перехода, в том числе в сфере акустических ономотопов – 60 (**удар, звук удара** > отрицание; соединение / разделение, часть; деформация, искажение; совокупность; интенсивность; округлость, выпуклость; полость, пустота; изгиб, кривизна; начало, ускорение, ограничение, исчезновение, окончание действия; жидкость; небесная сфера, земля; ландшафт; благополучие / неблагополучие; растения; животные; органы, части тела; некрасивость, уродство и др.); в сфере артикуляторных – 19 (**дыхание** > начало; ветер; старость, слабость, смерть; **звуки тела** > органы, части тела; боль болезни, нездоровье; ребенок, юноша; принимать пищу, пить; интимные отношения; ложь, подхалимаж, коварство; гонор, хвастовство; музыкальные инструменты; интенсивность и др.); в сфере ономотопов говорения – 4 (**звуки внешнего мира; звучание человеческого тела; крики животных и птиц** > говорение человека; **подзывные слова** > животные).

7. Семантические области звукоподражательных (наш материал) и звуко-косимволических (исследования других авторов по звуко-косимволизму началь-

ных согласных, редупликаций, фонестем в индоевропейском, славянских, древнеанглийском, русском, французском, английском, арабском, немецком, абазинском, чеченском, новогреческом языках) полей совпадают на 89,5%, что отражает семантический синкретизм иконических знаков, который сохраняется и в современной синхронии.

Можно предположить, что зыбкость, маргинальность границ между звукоподражательностью и звукосимволизмом отражают синкретизм древнего мышления, который сохраняется в сфере иконизма по сей день. Следовательно, примарная мотивированность языковых единиц обуславливает единство семантического пространства всех слов иконического происхождения.

Таким образом, установлено, что для современной звуковой картины самыми значимыми являются звучания окружающего мира, эксплицированные в языке акустическими ономатопами (81–83 % исследованного материала). Звуки речи в акустической картине мира чуть более значимы (9–11 %), чем звучания человеческого тела (около 8 %).

Для когнитивной деятельности человека звучания человеческого тела и неживой природы, которые лежат в основе звуковых (первичных, прототипических) значений, более значимы в сфере акустического денотата. В сфере неакустического денотата, который эксплицируется в незвуковых, более поздних значениях, важнее звучания внешней среды.

Объяснение именно такого характера экспликации возможных разнопорядковых звуковых миров в языке следует искать в антропологии, истории, культурологии, этнологии, психологии и когнитологии.

Количественное совпадение экспликации типов звучаний в русском и немецком языках говорит о непротиворечивом отражении в языке объективной реальности в некотором времени и пространстве (при условии приблизительно одинаковой звуковой среды), а также указывает на универсальный характер экспликации в языке звуковой картины мира.

В то же время в звукоподражательной подсистеме ЗИС языков установлены **специфические (идиоэтнические) свойства**, которые проявляются преимущественно в незначительных колебаниях в численной представленно-

сти того или иного типа в языках. С одной стороны, колебания в 1–3 % можно отнести к статистической погрешности или к несистемной фиксации ономапей в словарях и специальных исследованиях. В то же время актуализация того или иного типа звучания или семантического развития звукоподражания отражает идиоэтническую специфику ономапеи, которая в той или иной степени отражает менталитет этноса, его авто- и гетеростереотипы.

В процессе исследования выявлены универсальные и специфические (идиоэтнические) фоносемантические признаки сопоставления ономапей в двуязычном словаре. К **универсальным признакам** относятся: 1) акустический признак (нем. *bat* – рус. *бам*, нем. *bim* – рус. *бим*); 2) фонемная идентичность (нем. *bäh* – рус. *бе*, нем. *bum* – рус. *бум*, нем. *hiji* – рус. *хи-хи*, нем. *kikeriki* – рус. *кукареку*, нем. *piep* – рус. *пип*); 3) фонестемная идентичность (нем. *plumps* – рус. *плюх*; нем. *krächzen* – рус. *кряхтеть*); 4) фонемотипная идентичность (нем. *klap* – рус. *хлоп*); 5) грамматический класс иконических единиц (звукоподражание, междометие и их словообразовательные дериваты, фразеологизмы и идиомы на базе ономапеи). К **специфическим (идиоэтническим) признакам** относятся: 1) фонестемная языковая специфика: значение “трещать” в немецком передается инициальной фонестемой /kn/ – *knack(s)*, *knick(s)*, в рус. /xp/, /tp/ – *хруст*, *треск*; 2) звукоизобразительная мотивировка и звукоизобразительная этимология с похожей семантикой (*Bähschaf* – *баран, овца*; *die Klängen kreuzen* – *рубиться*).

Таким образом, ономапея исследуемых языков содержит больше универсальных черт, чем специфических (идиоэтнических), что характерно для любой фоносемантической категории.

Перспективы изучения универсального и специфического (идиоэтнического) в области звукоподражательности в разноструктурных языках обусловлены возможностью исследования структуры, семантики и функционирования ономапеи по общим методикам, а также в анализе степени и характера экспликации в языках звуковой и фоносемантической картин мира.

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ГЛОССАРИЙ

Звуковая картина мира – это часть фоносферы, осознаваемая человеком и эксплицированная в языке; часть языковой картины мира; отраженная в языке совокупность представлений о звучащем мире; способ концептуализации звукового пространства.

Звукоизобразительная система (ЗИС) языка – языковая подсистема, единицы которой обладают необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой произвольной фонетически мотивированной связью между фонемами слова и денотатом, т.е. примарной (фонетической) мотивированностью. ЗИС включает две подсистемы: звукоподражательную (акустический денотат) и звукосимволическую (неакустический денотат) [Воронин 1982], которые эксплицируются в языке звукоподражательными (ономатопеями) и звукосимволическими словами.

Звукоизобразительное слово – центральный элемент ЗИС языка – слово, в котором наличествует необходимая, существенная, повторяющаяся и относительно устойчивая не-произвольная фонетически (примарно) мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком денотата (мотивом). ЗИ-слова – «не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью между «звуком и значением», но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется. Следовательно, ЗИ-слово – это слово, звукоизобразительное в своей основе, по своему происхождению» [Воронин 1982: 22].

Звукоизобразительность – см. иконичность.

Звукоподражательное слово – это слово, в основе которого лежит закономерная, произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащими в основе номинации звуковым признаком денотата; имитация фонемными средствами звуковой стороны объекта, явления или

действия (нем. *äks*, рус. *эк* «звук при отрыжке», нем. *bäh*, рус. *бе, бя* «блеянье овцы», нем. *klipp*, рус. *хлоп* «звук отрывистого удара»); эксплицирует в языке акустический денотат.

Звукоподражательность – имитация фонемными средствами звуковой стороны объекта, явления или действия (нем. *äks*, рус. *эк* «звук при отрыжке», нем. *bäh*, рус. *бе, бя* «блеянье овцы», нем. *klipp*, рус. *хлоп* «звук отрывистого удара»); экспликация в языке акустического денотата.

Звукосимволизм – символизация означаемого звуковым жестом, способом артикуляции, синестетическими и ассоциативными связями и пр. (нем. *äks*, рус. *бе, бя* «отвращение, брезгливость», нем. *Bähschaf* «дурак», рус. *ни бе ни ме* «тупой, бестолковый»; нем. *klipp* «маленький», *ручками хлоп-хлоп* «бесцельно проведенное время, безделье»); экспликация в языке неакустического денотата.

Звукосимволическое слово – это слово, в основе которого произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемыми в основу номинации незвуковым признаком денотата, т.е. передача речевым звуком образа, ощущения, движения, впечатления обозначаемого предмета.

ЗИС – см. звукоизобразительная система языка.

Иконичность – свойство языкового знака, проявляющееся в наличии некоторого материального (изобразительного, звукового и т.п.) или структурного подобия между означающим и означаемым; необходимая, существенная, повторяющаяся и относительно устойчивая произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами языковой единицы и денотатом.

Ономатопея – см. звукоподражательность, звукоподражательное слово, акустические ономатопы, артикуляторные ономатопы.

Ономатопы акустические – языковые единицы, воспроизводящие фонемными средствами неартикуляторные акустические звучания внешней среды: нем. *klatsch, klapp*, рус. *щелк, хлоп* «звук удара»; нем. *klappen*, рус. *хлопать* «громыхать, стучать».

Ономатопы артикуляторные (фоноинтракинемы) – языковые единицы, воспроизводящие фонемными средствами звуковые процессы, происхо-

дящие в полостях носа, рта и горла человека: рефлекторные (сопровождающие те или иные ощущения) и «выразительные» (сопровождающие эмоции) движения: нем. *hatschi*, рус. *пчих, апчих* “звук чихания”; нем. *schlecken*, рус. *лизать, лакать*.

Ономатопы говорения – языковые единицы, воспроизводящие фонемными средствами нерелекторные акустико-артикуляторные звучания, характеризующие процесс речи, говорения в отрыве от конкретного смысла речи, представляя процесс речи в его целевых, модальных, физиологических, акустических и прочих характеристиках [Шляхова 2003: 62], Ср. нем. *blabla, Larifari* «пустая болтовня»; *schlappern* «болтать, говорить вздор»; ср. рус. *бла-бла, ля-ля фа-фа* «пустая болтовня»; *шлепать* «болтать, говорить вздор».

Примарная мотивированность – см. иконичность.

Синестезия – явление восприятия, в основе которого лежит процесс эмоционального обобщения, проявляющийся на семантическом уровне в общности эмоционально-оценочных свойств объектов разной модальности.

Синестемия – различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей (реже – между ощущениями одной модальности) и ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном уровне является перенос качества ощущения (либо перенос нервных импульсов), на второсигнальном же уровне – перенос значения, в том числе перенос значения в звуко-символическом слове [Воронин 1982].

Фонемотип – тип фонемы в зависимости от ее акустико-артикуляторных характеристик (смычный, щелевой, взрывной, звонкий, сонорный и пр.).

Фонестема – начальное консонантное или конечное силлабическое звуко-сочетание, которое обладает определенными семантическими свойствами; «фонема или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию» [Hausholder, 1946: 83–84].

Фоносемантическая картина мира – это часть языковой картины мира, отраженная в языке при помощи фоносемантических единиц и категорий.

Фоносемантическая маргиналия – аномальная звукоизобразительная единица типа *хлоп, бум / klapp, bum*. В традиционной грамматике выделяются

как звукоподражания, интеръективы, первообразные междометия, подзывные и отгонные слова и пр. Объединение в один класс обусловлено иконичной природой данных образований, которые лучше других языковых единиц сохраняют звукоизобразительный мотив номинации и обладают диффузным, размытым, структурно и семантически неопределенным статусом [Шляхова 2005].

Фоносфера – звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими (часто неосознаваемые человеком), техническими и культурно-семиотическими (осознаваемые человеком) звуковыми системами [Шляхова 2005].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аваков С. А. Звукоподражательные слова русского языка в сравнении с английским и немецким: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. 22 с.
2. Алиева С. А. Функционально-семантический анализ звукоизобразительной лексики в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. 27 с.
3. Алференко Е. В. Семантика и прагматика отыменных междометий немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 16 с.
4. Анищенко А. В. Функциональный аспект междометных единиц: на материале современной австрийской художественной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 25 с.
5. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. 767 с.
6. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М., 2000. С. 7–19.
7. Ашмарин Н. И. Основы чувашской мимологии: О подражательных словах в чувашском языке. Казань: Изд-во Чуваш. нац. орг., 1918. 10 с.
8. Ашмарин Н. И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Известия Азерб. ун-та. Сер. Общественные науки. Баку, 1925. Т. 2–3. С. 4–5. Т. 4–5, С. 75–79.
9. Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражания в чувашском языке. Казань: Изд-во Акад. центра Татнаркомпроса, 1928. 160 с.
10. Бабаева Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 258 с.
11. Балаш М. А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания: Экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 20 с.
12. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учеб. пособие для преп. и студ. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2007. 185 с.

13. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
14. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: ИВАН СССР, 1988. С. 45–69.
15. Бартко Н. В. Английские звукоизобразительные RL-глаголы: фоносемантический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 16 с.
16. Батай Ж. История эротизма. М.: Логос, Европейские издания, 2007. 200 с.
17. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
18. Бирюков С. Тело языка и язык тела в русской авангардной поэзии [Электронный ресурс] // *Korperzeichen-Zeichenkorper. Zu einer Physiologie der russischen und sowjetischen Kultur des 20. Jahrhunderts.* Hg. von Petra Becker, Ingo Grabowsky, Christian Schonegger-Zanoni. Projekt verlag. Bochum, 2002 (Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur). Bd. 24. URL: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ff/sb_body.htm (дата обращения: 14.06.2013).
19. Болтнева Н. А. Коммуникативно-прагматические функции междометий в диалогическом дискурсе: на материале современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 165 с.
20. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967. 190 с.
21. Братусь И. Б. Акустические ономотопы в индонезийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Ленингр. гос. ун-т., 1976. 19 с.
22. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2001. 504 с.
23. Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 640 с.
24. Векшин Г. В. Очерк фоностилистики текста: Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М.: Изд-во МГУП, 2006. 462 с.
25. Вельди Э. А. Англо-эстонские параллели в ономотопее: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1988. 15 с.
26. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.

27. Воронин С. В. О звукоподражаниях кавитации // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л., 1969. Вып. 2, С. 170–175.
28. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
29. Воронин С. В. О семантической структуре звукоподражательного слова // Смысл и значение на лексическом и синтаксическом уровнях. Калининград, 1986. С. 25–30.
30. Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: (очерки и извлечения). Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 200 с.
31. Воронин С. В. Знак произволен и произволен: новый принцип на смену принципу Соссюра // Актуальные проблемы психологии, этнопсихологии и фоносемантики. М., 1999. С. 130.
32. Воронин С. В. Английские онематопы: фоносемантическая классификация / под ред. О. И. Бродович. 2-е изд. СПб.: Геликон Плюс, 2004. 192 с.
33. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М.: Наука, 1965. 182 с.
34. Газов-Гинзберг А. М. Символизм прасемитской флексии. О безусловной мотивированности знака. М.: Наука, 1974. 122 с.
35. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5–17.
36. Германович А. И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 1961. 59 с.
37. Гёте И. В. Избранные сочинения по естествознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 553 с.
38. Глинских Г. В., Петрова О. В. Введение в языкознание. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 1998. 251 с.
39. Глухарёва Е. А. Ономатопоэтические глаголы в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 19 с.
40. Горелов И. Н. О возможной примарной мотивированности языкового знака // Материалы семинара по проблемам мотивированности языкового знака / ИЯ АН СССР. Л., 1969. С. 17–20.
41. Граф Е. Функционирование русских междометий в речевой коммуникации // Мир русского слова и русское слово в мире. Sofia: Heron Press, 2007. Т. I. С. 310–314.

42. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
43. Гурджиева Е. Л. Элементарный звуковой символизм (Статистическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 31 с.
44. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.
45. Данилова М. Э. Семантика рифм современной английской лексики: фоносемантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007. 234 с.
46. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 210 с.
47. Дементьева Н. А. Сопоставительно-семантический анализ глаголов звучания в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1982. 18 с.
48. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980. 253 с.
49. Джукаева М. А. Межъязыковые фоносемантические свойства спирантов (на материале чеченского, русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2010а. 26 с.
50. Джукаева М. А. Сравнительно-сопоставительные фоносемантические особенности спирантов немецкого и чеченского языков // Университетские чтения. Пятигорск, 2010б. Ч. 7. С. 71–72.
51. Добрушина Н. Р. Принципы и методы системного лексикографического описания междометий: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 255 с.
52. Дрожащих Н. В. Синергетическая модель иконического пространства языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. 32 с.
53. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М.: Наука: Флинта, 2008. 432 с.
54. Дубровская М. В. Звукоизобразительная лексика. Oxford English Dictionary 1992 года (общие замечания) // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999. С. 136–137.
55. Еромасова А. А. Ментальность русского человека как феномен национальной культуры (философско-антропологический анализ): автореф. дис. ... д-ра философ. наук. СПб., 2007. 41 с.

56. Жельвис В. Эти странные русские [Электронный ресурс]. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2001. URL: <http://psylib.org.ua/books/inostra/txt15.htm> (дата обращения: 14.06.2013).
57. Жемерова С. Б. Темпоральные характеристики интонации речи дикторов телевидения [Электронный ресурс] // Речевые технологии / Speech Technology. 2009. № 1. С. 22–31. URL: <http://speechtechnology.ru/files/1-2009.pdf> (дата обращения: 14.06.2012).
58. Жерновой А. Н., Левицкий В. В. Начальные сочетания фонем в немецком языке // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин, 1988. С. 124–132.
59. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974. 160 с.
60. Журавлев А. П. Звук и смысл: кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1991. 160 с
61. Журковский Б. В. Звуковая символика в идеофонах (на материале языка хауса и некоторых других африканских языков) // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака: сб. науч. тр. Л., 1969. 54–55 с .
62. Журковский Б. В. Идеофоны: сопоставительный анализ. М.: Наука, 1968. 65 с.
63. Забияко А. П. Антропоморфизм [Электронный ресурс] // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. URL: http://enc-dic.com/enc_epist/Antropomorfizm-450/ (дата обращения: 14.06.2013).
64. Зайдениц Ш., Баркоу Б. Эти странные немцы [Электронный ресурс]. М.: Эгмонт Россия Лтд., 1999. URL: <http://psylib.org.ua/books/inostra/txt12.htm> (дата обращения: 14.06.2013).
65. Зализняк А. А. О понятии семантического перехода. On the notion of semantic shift [Электронный ресурс] // Диалог-21. 2009. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/18.htm> (дата обращения: 14.06.2013).
66. Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. 688 с.
67. Зимова М. Д. Звукоизобразительные тенденции начальных согласных в немецком и новогреческом языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 17 с.

68. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1960. Ч. 1–2. 880 с.
69. Исенина Е. И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. 163 с.
70. Казакевич О. А. О связи между структурой звукоподражательных идеофонов зулу и передаваемых ими звучаний // Восточное языкознание. М., 1976. С. 11–13.
71. Казарин Ю. В. Проблемы фоносемантики поэтического текста: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 171 с.
72. Камбаров Н. М. Фоносемантические средства английского языка и их соответствия в узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Ф. Энгельса. Ташкент, 1990. 17 с.
73. Кандакова Е. Н. Подзывные слова как особая функционально-грамматическая группа (На примере ярославских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2003. 21 с.
74. Канкия Н. Д. Примарная мотивированность слова (на материале английского и грузинского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 16 с.
75. Карпухин С. А. Звукоподражательные слова в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1979. 19 с.
76. Климова С. В. Глаголы «неясного происхождения» в Сокращенном Оксфордском словаре (Элементы этимологической фоносемантики.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 16 с.
77. Койбаева Т. Х. Звукосимволическая лексика английского и осетинского языков (Опыт фоносемантической типологии.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. 17 с.
78. Колева-Златева Ж. Об этимологии некоторых слов, указанных как неясные в Этимологическом словаре украинского языка // Slavica 35. Debrecen, 2006. С. 31–48.
79. Колева-Златева Ж. Славянская лексика звукосимволического происхождения. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Debrecen, 2008. Vol. I. 355 с.

80. Комарницкая Л. А. Субъективный и объективный звуковой символизм в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1985. 17 с.
81. Корниенко Л. И. Структурно-семантические особенности звукоподражательных глаголов современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1983. 19 с.
82. Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1984. 183 с.
83. Косов В. Т. Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 30 с.
84. Кривнова О.Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2007. 53 с.
85. Куличихина М. А. Тело и телесность в немецком романтизме: концепции и образы: автореф. дис. ... канд. филол. Наук [Электронный ресурс]. М., 2012. URL: <http://www.islu.ru/> (дата обращения: 14.06.2013).
86. Курашкина Н. А. Звукообозначения как репрезентация звукофферы в языке: на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 194 с.
87. Кустова Е. Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракциональные функции: дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2010. 316 с.
88. Кушнерик В. И. Фонетическое значение и фонетическая мотивированность в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1987. 15 с.
89. Лакан Ж. Семинары. М., 1998–2008.
90. Лапкина Л. З. Английские и башкирские акустические ономотопы (опыт типологического исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 21 с.
91. Левицкий В. В. К проблеме звуко-символизма // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 123–132.
92. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Пособие, подготовленное на материале экспериментальных исследований. Черновцы: Изд-во ЧГУ, 1973. 102 с.

93. Левицкий В. В. Начальные сочетания фонем в английском языке // Сочетаемость языковых единиц в германских и романских языках. Киев: Выща шк., 1983. С. 8–18.
94. Левицкий В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в сема-
сиологии. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 192 с.
95. Левицкий В. В. Фонетическая мотивированность слова // Вопросы
языкознания. М., 1994. № 1. С. 26–37.
96. Левицкий В. В. Sound symbolism: Основные итоги. Черновцы,
1998. 129 с.
97. Левицкий В. В. Семантический синкретизм в германском и индо-
европейском // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 94–106.
98. Левицкий В. В. Звуковой символизм: мифы и реальность: моно-
графия. Черновцы: Рута, 2009. 186 с.
99. Лепская Н. И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации.
М.: Изд-во МГУ, 1997. 151 с.
100. Литовкина А. В. Междометные фразеологические единицы: се-
мантические, структурно-синтаксические и функциональные характеристики
(на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Сара-
тов, 2005. 213 с.
101. Лихоманова Л. Ф. Семантическая филиация английских звукоизо-
бразительных глаголов движения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.,
1986. 17 с.
102. Мазанаев И. А. Основные группы звукосимволических слов: фо-
носемантический анализ (на материале английского и лезгинского языков):
автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 21 с.
103. Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и
парадоксы в лексике и семантике. М.: Высш. шк., 1989. 199 с.
104. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической симво-
лики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Владос,
1996. 415 с.
105. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современ-
ного английского языка: слово в зеркале человеческой культуры. М.: Диалог,
2000. 418 с.

106. Максимова С. Э. Регулятивная функция междометной реплики в диалоге: на материале немецкого и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 189 с.
107. Матасова О. В. Звукоподражательные междометия немецкого языка. Фоносемантический и семантико-диахронический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 21 с.
108. Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей) // Семиотика и информатика / ВИНТИ. М., 1991. Вып. 32. С. 34–41.
109. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантикосинтаксического описания русской лексики / И. А. Мельчук, А. К. Жолковский, Ю. Д. Апресян [и др.] [Электронный ресурс]. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1984. 992 с. URL: <http://www.superlinguist.com/> (дата обращения: 25.07.2012).
110. Меркулова О. А. Сравнительно-историческое исследование регулярных семантических переходов в германских языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 179 с.
111. Мерло-Понти М. Око и дух. М.: Искусство, 1992. 63 с.
112. Мехеда М. И. Дихотомия «экономия vs. избыточность» в субстандартном словообразовании (на материале русских и английских редупликативов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2010. 25 с.
113. Минлос Ф. Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.
114. Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 1999. 336 с.
115. Михалёв А. Б. Теория фоносемантического поля: монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. 213 с.
116. Михалёв А. Б., Тамбиева Ж. М. Фоносемантические функции заднеязычных, фарингальных и ларингальных в корневых морфемах абазинского языка [Электронный ресурс] // Вестник ПГЛУ. 1999. № 4. С. 18–22. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=80 (дата обращения: 14.06.12).

117. Михалёв А. Б. Фоносемантические универсалии [Электронный ресурс] // Университетские чтения – 2006: матер. науч.-метод. чтений ПГЛУ. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006. Ч. 1. С. 42–46. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=76 (дата обращения: 14.06.12).

118. Михалёв А. Б. Инициаль и финаль как смыслообразующие компоненты корня [Электронный ресурс] // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: материалы V Междунар. конгресса. Пятигорск, 2007а. С. 28–30. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=77 (дата обращения: 14.06.12).

119. Михалёв А. Б. Семантические прототипы [Электронный ресурс] // Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В. Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007б. С. 383–388. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=79 (дата обращения: 14.06.12).

120. Михалёв А. Б. Проблема категоризации (фоносемантический ракурс) [Электронный ресурс] // Problems of General, Germanic and Slavic Linguistics. Papers for 70-th anniversary of Professor V. Levickij. Chernivtsi: Books – XXI, 2008а. P. 163–170. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=84 (дата обращения 14.06.12).

121. Михалёв А. Б. Красные нити лексической семантики (гиперсемы РЕЗАТЬ и СЖИМАТЬ во французском языке) [Электронный ресурс] // Французский язык и межкультурная коммуникация: матер. междунар. науч. конф. Пятигорск, 2008б. С. 103–110. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=88 (дата обращения 14.06.12).

122. Михалёв А. Б. Лексико-семантическое содержание фоносемантического пространства морфемотипа [Spir – Lab.Plos (B/P)] [Электронный ресурс]. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=153 (дата обращения: 14.06.12).

123. Михалёв А. Б. Современное состояние фоносемантики [Электронный ресурс] // Новые идеи в лингвистике XXI века: матер. I Междунар. науч. конф., посвященной памяти проф. В. А. Хомякова. Пятигорск, 2009а. Ч. 1. С. 52–59. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=284&preview=true (дата обращения: 14.06.12).

124. Михалёв А. Б. Фоносемантика и языковая картина мира [Электронный ресурс] // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты: матер. междунар. школы-семинара (V Березинские чтения) / ИНИОН РАН, МГЛУ. М., 2009б. Вып. 15. С. 133–140. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=263 (дата обращения: 14.06.12).

125. Михалёв А. Б. Методический арсенал фоносемантики [Электронный ресурс] // Методология современного языкознания: сб. ст. / отв. ред. А. Г. Сонин, А. С. Баранов. М.: АСОУ, 2010. С. 122–141. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=335 (дата обращения: 14.06.12).

126. Михалёв А. Б. Фоносемантика: от античности до современности [Электронный ресурс] // Вестник ПГЛУ. Пятигорск, 2012. С. 92–96. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=392 (дата обращения: 05.02.13).

127. Моисеев М. В. Лексикография английского языка (на русском языке): учеб.-метод. пособие. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 92 с.

128. Никрошкина С. В. Экспериментальное исследование универсального звуко-символизма на материале разноструктурных языков: русского, китайского, армянского и английского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2010. 27 с.

129. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. Г. А. Рачинского // Собр. соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1.

130. Огурцов А. П. Тело [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm> (дата обращения: 14.06.12).

131. Павловская Ю. И. Фоносемантический анализ речи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 292 с.

132. Панькина Е. В. Экспериментально-теоретическое исследование восприятия звукоподражаний в разносистемных языках иноязычными носителями: на материале русского, английского, алтайского и монгольского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 22 с.

133. Папка Н. В. Концепт «брат/давать» в германской языковой картине мира (на примере немецкого и английского языков): монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. 222 с.

134. Папка Н. В. Эволюция германской языковой картины мира (на примере семантического гнезда значений «брат/давать» в английском и немецком языках): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2002. 257 с.

135. Парсиева Л. К. Система междометия в общей парадигме языка (на материале осетинского и русского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владикавказ, 2010. 42 с.

136. Пауль Г. Первотворчество // Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. Л., 1990. С. 45–58.
137. Петухова Е. В. О сохранении примарной фонетической мотивированности языкового знака в процессе морфологического словообразования и конверсии [Электронный ресурс] // Международная педагогическая лексикография в теории и практике обучения в высшей школе: сб. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. Курск: Изд-во КГПУ, 2001. URL: <http://www.rspu.edu.ru> (дата обращения: 25.07.12).
138. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995. 340 с.
139. Поликарпов А. А. Когнитивное моделирование циклических процессов в становлении лексической системы языка // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике. Казань, 2001. С. 57–99.
140. Поликарпов А. А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент [Электронный ресурс]. URL: http://www.hum-lang.newmail.ru/index_r.htm (дата обращения: 25.05.2012).
141. Пономарева С. Н. Фоносемантический анализ лексики: этимологический аспект (на материале англояз. науч. фантастики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1991. 16 с.
142. Поцелуевский А. П. К вопросу о древнейшем типе звуковой речи. Ашхабад: Изд-во ТуркменФАН, 1944. 56 с.
143. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2008. 442 с.
144. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2007. 279 с.
145. Пузиков М. А. Семантика и звуковой состав первичных и вторичных междометий (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. 173 с.
146. Рожанский Ф. И. Редупликация как объект типологии // *Acta linguistica petropolitana*. Тр. Ин-та лингв. исслед. РАН: матер. VII Конф. по

типологии и грамматике для молодых исследователей / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2010. Т. VI, ч. 3. С. 192–212.

147. Румянцева И. М. Психология обучения иноязычной речи: Психотерапевтический подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004. 48 с.

148. Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: сб. ст. / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози [Электронный ресурс]. М., 2006. URL: http://fictionbook.ru/author/sbornik_stateyi/russkaya_literatura_i_medicina_telo_pred/read_online.html?page=1 (дата обращения: 25.12.12).

149. Санжаров Л. Н. Современная фоносемантика. Тула, 1996. 36 с.

150. Сергеева А. В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука. 2005. 320 с.

151. Сергеева М. Э. Экспериментально-теоретическое исследование фонологизации шумов в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 18 с.

152. Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 147–188.

153. Скаличка В. О. грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. 128–195 с.

154. Слоницкая Е. И. Звукосимволизм обозначений округлого (Опыт типологического исследования.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. 16 с.

155. Соколова А. Г. Лексикографическая дефиниция как предмет лингвистического описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2011.

156. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995. 352 с.

157. Сомова Е. Г. Звукосимволизм как фоностилистическое средство в поэтическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1991. 16 с.

158. Стефановская С. В. Способы семиотизации звукового мира (на материале языка с идеографической системой письма): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012. 20 с.

159. Тамбиева Ж. М. Межъязыковые фоносемантические соответствия гуттуральных согласных (на материале русского, английского и абазинского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003. 17 с.
160. Тело в русской культуре: сб. ст. / сост.: Г. Кабакова, Ф. Конт. М., 2005. 400 с.
161. Тишина Е. В. Русская ономотопея: диахронный и синхронный аспекты изучения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 21 с.
162. Тищенко П. Д. Тело [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. URL: <http://iph.ras.ru/> (дата обращения: 25.06.13).
163. Толстая С. М. Звуковой код традиционной обрядности // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 1999. С. 9–17.
164. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс: Культура, 1995. 624 с.
165. Турилова М. В. Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «безумие» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru/> (дата обращения: 25.07.12).
166. Ушакова Е. А. Лексические и фразеологические репрезентанты речевой сферы в русской и немецкой языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. Новосибирск, 2008. URL: http://www.philology.nsc.ru/dissov/diser_12_2008/Ushakova-avtoreferat.pdf. (дата обращения: 25.07.12).
167. Фатюхин В. В. Особенности перевода звукоподражаний и междометных глаголов: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 24 с.
168. Филимоненко С. А. Звукоизобразительная лексика в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 26 с.
169. Фрейд З. «Я» и «Оно» // Труды разных лет. Тбилиси, 1991, Кн. 1. С. 351–392.

170. Фролова О. П. Ономатопоэтические слова в китайском языке // Китайское языкознание: Изолирующие языки. М., 1998. С. 183–185.
171. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Киев: Дух и литера: Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с
172. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
173. Хабибуллина О. А. Звукоподражательные слова в немецком языке в сопоставлении с французским и русским: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 154 с.
174. Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительность номинации в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1988. 46 с.
175. Шаронов И. А. Междометия в языке, речи и словаре. М., 2008. 296 с.
176. Шаронов И. А. Семантический анализ звукоподражательных слов // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 157–163.
177. Шахнарович А. М., Юрьева Н. М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики на материале онтогенеза речи. М., 1990. 165 с.
178. Швецова Н. Н. Звукоизобразительная лексика в английских диалектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 24 с.
179. Шляхова С. С. Изобразительная лексика в диалектных словарях уральского региона // Лингвистическое краеведение Прикамья / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 1988. С. 34–50.
180. Шляхова С. С. Типы и функции ономапов в русской речи: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. 262 с.
181. Шляхова С. С., Петрова С. Коми-пермяцкие акустические онома-топы (материалы к универсальной классификации ономапов) // Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания. Кудымкар, 2000. С. 58–60.
182. Шляхова С. С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносе-мантику: учеб. пособие / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2003. 216 с.
183. Шляхова С. С «Другой язык». Опыт маргинальной лингвистики. Пермь, 2005. 350 с.
184. Шляхова С. С. Фоносемантические маргиналии в русской речи: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2006. 489 с.

185. Шляхова С. С., Лобанова А. С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке / Перм. гос. гум. пед. ун-т. Пермь, 2012. 297 с.
186. Штелинг Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: учеб. пособие. М.: Изд-во МГИМО: ЧеРо, 1996. 254 с.
187. Штерн А. С. Объективные критерии выявления эффекта «звуковой символизм»: матер. семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969. С. 69–73.
188. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
189. Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб.: Алетейя, 1998. 374 с.
190. Ямпольский М. Демон и лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис.) // Новое литературное обозрение. М., 1996. Вып. VII.
191. Левицький В. В. Семантичні і стилістичні функції початкових сполучень фонем у німецькій мові // Іноземна філологія. 1986. № 81. С. 75–80.
192. Львова Н. Л. Дослідження звуко-символічних зв'язків між англійськими початковими приголосними сполученнями та морфологічними категоріями // Гуманітарний вісник. Сер. Іноземна філологія: всеукр. зб. наук. пр. Г94 Черкаси: ЧДТУ, 2005. Число дев'яте. С. 255–258.
193. Львова Н.Л. Звукова символіка початкових сполучень фонем у лексичному складі сучасної англійської мови // Науковий вісник Чернівецького ун-ту: зб. наук. пр. Герман. філологія. Чернівці: Рута, 2004. Вип. 213. С. 3–14.
194. Найдеш О. В. Явище фоносемантизму в німецькомовній поезії // Науковий вісник Чернівецького ун-ту: зб. наук. пр. Герман. філологія. Чернівці: ЧДУ, 1998. Вип. 41. С. 14–25.
195. Найдеш О. В. Суб'єктивні тенденції у вивченні символіки початкових фонемних сполучень німецької мови // Науковий вісник Чернівецького ун-ту: зб. наук. пр. Герман. філологія. Чернівці: Рута, 2000. Вип. 71. С. 131–138.
196. Найдеш О. В. Розподіл фонестемної лексики за морфологічними підкласами // Науковий вісник Чернівецького ун-ту: зб. наук. пр. Герман. філологія. Чернівці: Рута, 2008. Вип. 407. С. 154–162.

197. Akita K. A Bibliography of Sound-Symbolic Phenomena Outside Japanese. Bibliography В. [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbXha2l0YW1ib3xneDozZDNjNjBINWRIZGU4ZGEy> (дата обращения: 25.07.2011).
198. Amanuma X. Giongo-Gitaigo Jiten (Dictionary of Sound and Manner-Imitative Words) [Электронный ресурс]. Токуо: Tokyo Publishing House, 1974. URL: <http://www.tris-megistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).
199. Anschütz G. Untersuchungen zur Analyse musikalischer Photismen // Archiv für die gesamte Psychologie. 1925. Bd. 51. S. 155–218.
200. Anschütz G. Untersuchungen über komplexe musikalische Synopsie // Archiv für die gesamte Psychologie. 1926. Bd. 54. S. 129–273.
201. Argelander A. Das Farbenhören und der synästhetische Faktor der Wahrnehmung. Jena, 1927. 172 s.
202. Aschenbrenner M. Die Sprache als Kunstwerk. Von der Bildekraft der Konsonanten. Schaffhausen, 1975.
203. Beeli G., Esslen M., Jancke L. Frequency correlates in graphemecolour-synaesthesia [Электронный ресурс] // Psychological Science, in press, 2007. URL: <http://www.tris-megistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).
204. Bibliography of reduplication Institute of Linguistics, University of Graz [Электронный ресурс]. URL: <http://reduplication.uni-graz.at/> (дата обращения: 25.07.2011).
205. Bleuler E. Zur Theorie der Sekundärempfindungen // Zeitschrift für Psychologie. 1913. № 65. S. 1–39.
206. Bos M. C. Über echte und unechte audition coloreé // Zeitschrift für Psychologie. 1929. № 111. S. 321–401.
207. Brock E. Der heutige Stand der Lautbedeutungslehre // Trivium Schweizerische Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Stilkritik. Horgen Zürich, 1944. № 2. S. 199–219.
208. Brown R. [Review of] Untersuchungen zur Onomatopoeia by Heinz Wissemann // Language. 1956. № 31.

209. Budde E. Music, sound, color: The problem of synaesthesia in the early compositions of Ligeti // Musik & Bildung. 1989. Bd. XXI. S. 68–75.
210. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934. 434 s.
211. Burkhardt A. Gesprächswörter. Ihre lexikologische Bestimmung und lexikographische Beschreibung // Konzept zur Lexikographie. Studien zur Bedeutungserkl. in einsprachigen Wörterbüchern. W. Mentrup (Hrsg.). Tübingen, 1982. S. 138–71.
212. Burkhardt A. Interjektionen: Begriff, Geschichte, Paraphrasen // Particulae particularum: Festschrift zum 60. Geburtstag von Haraldt Weydt. Tuebingen: Stauffenburg Verlag, 1998. S. 43–73.
213. Cassirer E. Die Kantischen Elemente in Wilhelm von Humboldts Sprachphilosophie Festschrift für Paul Hensel. Greiz; Ohag., 1923. S. 105–127.
214. Day Sean A. Synesthesia bibliography [Электронный ресурс]. 2005. URL: <http://home.comcast.net/~sean.day/syn-bibliography.htm> (дата обращения: 25.07.2011).
215. D'Elia R., Whissel C., Kneer R. The Dictionary of Affect in Children's Languages. Social and Behavioral Science Documents [Электронный ресурс]. 1989. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).
216. Duden Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1995. 864 s.
217. Ehlich K. Interjektionen. Tübingen: Niemeyer, 1986. 314 s.
218. Engelen B. Die Synästhesien in der Dichtung Eichendorff's mit einem Anhang über die sogenannte 'Audition coloree' und über Synästhesien in der Dichtung des französischen Symbolismus [Электронный ресурс]. Köln, 1966. URL: <http://www.trismegis-tos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).
219. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. 3. Neubearb. Aufl. Berlin: Schmidt, 1997. 182 s.
220. Ernst E. M. Die Onomatopoeik der Tierlaute und der entsprechende Verben im Deutschen, Französischen und Italienischen [Электронный ресурс]. Vienna, 1990. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).

221. Ertel S., Dorst R. Expressive Lautsymbolik: eine Überprüfung der Hypothese mit 25 Sprachen // Zeitschrift für experimentelle und angewandte Psychologie. 1965. № 12. S. 557–569.
222. Ertel S. Psychophonetik (Untersuchungen über Lautsymbolik und Motivation). Göttingen, 1969. 230 s.
223. Ertel S. Erkenntnis und Dogmatismus // Psychologische Rundschau. 1972. № 23. S. 241–269.
224. Fischer O. E. T. A. Hoffmann's Doppelempfindungen // Archiv für das Studium neueren Sprachen und Literaturen. 1909. Bd. 123. S. 1–22.
225. Fries N. Interjektionen, Interjektionsphrasen und Satzmodus // Inger Rosengren (Hrsg.): Satz und Illokution I. Tübingen, 1992. S. 307–341.
226. Fründt H. Die ratio-kausale Quelle des Logos: Studien über den Ursprung der Sprache. Aachen: Fischer, 2007. 214 s.
227. Fujita T. Wa-ei giongo/gitaigo honyaku jiten (Japanese/English: Mimesis/Onomatopoeia translation dictionary) [Электронный ресурс]. Kinseidô; Tokyo, 1984. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).
228. Genette G. Mimologiques. Voyage en Cratyle. Paris: Ed. du Seuil, 1976. 289 p.
229. Gomi T. An illustrated Dictionary of Japanese Onomatoporetic Expressions [Электронный ресурс]. Tokyo: Japan Times, 1989. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).
230. Groß M. Zur linguistischen Problematisierung des Onomatopoetischen. Hamburg, 1988. 261 s.
231. Günther H. Gesamtkunstwerk: Between synaesthesia and myth [Электронный ресурс] // Bielefelder Schriften zu Linguistik und Literaturwissenschaft. 1994. № 3. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).
232. Hartmann O. Farbenhören und Tönesehen // Kosmos. 1921. № 18. S. 69–72.
233. Haselbrock K. Über das Farbenhören // Zeitschrift für Psychologie. 1935. № 136. S. 4–6, 292–298.

234. Haverkamp M. Synästhetische Wahrnehmung und Geräuschdesign [Электронный ресурс] // Fortschritte der Akustik. 2002. URL: http://www.michaelhaver-kamp.de/Syn_Wahrn_Ger_update_05_HAV.pdf (дата обращения: 12.09.12).

235. Haverkamp M. Visualisation of synaesthetic experience during the early 20th century – an analytic approach // The International Conference on Synaesthesia, Medizinische Hochschule. Hannover. March, 2003. URL: http://www.michaelhaverkamp.de/Synaesthesia_MHH_Haverkamp_LQ_2003.pdf (дата обращения: 12.09.12).

236. Haverkamp M. Audio-visuelle Verknüpfungen im Wahrnehmungssystem und die Eingrenzung synästhetischer Phänomene // Sidler N. & Jewanski J. Von der Farbe-Ton-Beziehung zum Farblichtflugel. Bern, 2004. URL: <http://www.michaelhaverkamp.de/synaesthesie.htm> (дата обращения: 12.09.12).

237. Hein H. Untersuchungen über die Gesetzmässigkeiten der Zuordnung von Farben zu Tönen // Archiv für die gesamte Psychologie. 1926. Bd. 56. S. 95–176.

238. Henning H. Eine neuartige Komplexsynästhesie und Komplexzuordnung // Zeitschrift für Psychologie. 1923. № 92. S. 149–160.

239. Hilmer H. Schallnachahmung, Wortschöpfung und Bedeutungswandel. Halle: Niemeyer, 1914. 356 s.

240. Hinton L., Nicols J., Ohala J. Sound-symbolic processes // Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 107–113.

241. Hornbostel E. M. Die Einheit der Sinne // Melos, Zeitschrift für Musik. 1927. № 4. S. 290–297.

242. Hornbostel E. M. von Über Geruchshelligkeit // Archiv für die gesamte Physiologie. 1931. Bd. 227. S. 517–538.

243. Hug-Hellmuth H. von Über Farbenhören // Imago. 1912. № 1. S. 228–264.

244. Iconicity in language: Bibliography. 2004. URL: http://www.iconicity.ch/en/iconicity/index.php?subaction=showfull&id=1197027659&archive=&start_from=&ucat=2 (дата обращения: 25.07.2011).

245. Jewanski J. Ist C = Rot? Eine Kultur-und Wissenschaftsgeschichte zum Problem der wechselseitigen Beziehung zwischen Ton und Farbe. Von Aristoteles bis Goethe. Berlin, 1996.

246. Jewanski J. Die Farblichtmusik Alexander Laszlos // Zeitschrift für Kunstgeschichte. 1997. Bd. 60. № 1. S. 12–43.
247. Kakehi H., Schourup L., Tamori I. A Dictionary of Iconic Expressions in Japanese. Mouton, The Hague, 1998. URL: <http://www.amazon.com/Dictionary-Expressions-Japanese-Linguistics-Documentation/dp/3110128101/> (дата обращения: 25.07.2011).
248. Kayser W. Die Klangmalerei bei Harsdörffer: Ein Beitr. zur Geschichte d. Literatur, Poetik u. Sprachtheorie d. Barockzeit. Leipzig: Mayer & Müller, 1932. 282 s.
249. Kronasser H. Handbuch der Semasiologie. Kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. Heidelberg: Carl Winter, 1952. 204 s.
250. Langenbeck K. Die akustisch-chromatischen Synopsien // Zeitschrift für Sinnesphysiologie. 1913. № 47. S. 159–181.
251. Leiris M. Glossaire. Mots sans mémoire, Brisées: Broken Branches. North Point Press, 1925–1936, 1989. URL: <http://www.trismegis-tos.com/IconicityInLanguage/Articles/Koch/Koch.htm> (дата обращения: 25.07.11).
252. Lenzberg K. Zur Theorie der Sekundärempfindungen und Bleulerschen Theorie im besonderen // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1923. № 21. S. 283–307.
253. Lewickij V. Zur deutschen Etymologie // IF. 1998. № 103. S. 210–226.
254. Lindner G. Zur emotionalen Dimension der lautsprachlichen Kommunikation // Von Sprechkunst und Normphonetik. Verlag Werner Dausien, Hanau und Halle/S., 1997. S. 104–109.
255. Löef C. Farbe-Musik-Form, ihre bedeutenden Zusammenhänge. Musterschmidt, Göttingen. 1974.
256. Lomer G. Beobachtungen über farbiges Hören // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten. 1905. Bd. 40. S. 593–601.
257. Louden M. L. Umlaut, Ablaut, and Phonetic Symbolism in German // General Linguistics. 2000. № 37. P. 1–22.
258. Magnus M. Bibliography of Phonosemantics. 2006. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 12.07.11).

259. Magnus M. A. Dictionary of English Sound. 1999. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 12.07.11).
260. Magnus M. The Gods of the Word. Truman State University Press. 2001. 192 p.
261. Marchand H. Review of Heinz Wissemann's Untersuchungen zur Onomatopoeia // Indogermanische Forschungen. 1959. Bd. 64. S. 83–87.
262. Margis P. Die Synästhesien bei E.T.A. Hoffmann // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1910. № 5. S. 91–99.
263. Martin L. J. Über ästhetische Synästheie // Zeitschrift für Psychologie. 1909. № 53. S. 1–60.
264. Maur K. V. Vom Klang der Bilder. München; London; New York: Prestel, 1999. 127 s.
265. McCune, Keith M. The Internal Structure of Indonesian Roots. University of Michigan. 1983. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 12.07.11)
266. Müller H. Experimentelle Beiträge zur Analyse des Verhältnisses von Laut und Sinn. Potsdam, Berlin: Müller & Kiepenheuer Verlag, 1935. 154 s.
267. Nübling D. Die prototypische Interjektion: Ein Definitionsvorschlag // Zeitschrift für Semiotik. 2004. Bd 26. Heft 1–2. S. 11–45.
268. Ohala J. J. Bibliography on Sound Symbolism [Электронный ресурс] // Phonology Laboratory / University of California. Berkeley, 1983. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 16.05.2011).
269. Pfister O. Die Ursache der Farbenbegleitung bei akustischen Wahrnehmungen und das Wesen anderer Synästhesien // Imago. 1912. № 1. S. 265–275.
270. Pütz A. Von Wagner zu Skrjabin // Kölner Beiträge zur Musikforschung. assel. Bosse, 1995. Bd. 186. 237 s.
271. Rainer O. Musikalische Graphik: Studien und Versuche über die Wechselbeziehungen zwischen Ton und Farbharmonien. Wien: Deutscher Verlag für Jugend und Volk, 1923. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 16.05.2011).

272. Reinius J. Onomatopoetische Bezeichnungen für menschliche Wesen, besonders im Deutschen und Englischen. Stockholm, 1908. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 12.07.11)
273. Reisigl M. Sekundäre Interjektionen. Frankfurt/M.: Lang, 1999. 259 s.
274. Révész G. Über audition colorée // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1923. № 21. S. 308–332.
275. Sadasivam M. Olikkurippakarati [Dictionary of Expressives in Tamil]. Paris, 1966. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 16.05.2011).
276. Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1984. 307 s.
277. Schliebe G. Über motorische Synästhesien (Photismen) // Archiv für die gesamte Psychologie. 1932. № 85. S. 3–4, 289–333.
278. Schmauks D. Die Visualisierung von Interjektionen in Werbung und Comic // Zeitschrift für Semiotik. 2004. Bd 26. Heft 1–2S. 113–128.
279. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. Berlin: Volk und Wissen, 1959. 318 s.
280. Schmitt A. Schleifton und Stoßton // Zeitschrift für Phonologie. 1950. № 4.
281. Sieberer A. Primäre oder sekundäre Lautbedeutsamkeit? // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. 1947. № 9. S. 35–52.
282. Siebold E. Synästhesien in der englischen Dichtung des 19. Jahrhunderts: Ein ästhetisch-psychologischer Versuch // Englische Studien. 1919–1920. Bd. 53, № 1. S. 1–157, 196–334.
283. Sommer F. Lautnachahmung // Indogermanische Forschungen. 1933. Bd. 51. S. 229–268.
284. Steinthal H. Der Ursprung der Sprache im Zusammenhange mit den letzten Fragen alles Wissens. Hildesheim, New York: Olms, 1974. 380 s.
285. Stelzner H. F. Ein Fall von akustisch-optischer Synästhesie // Albrecht von Grafes Archiv für Ophthalmologie. 1903. Bd. 55. S. 549–563.

286. Teichmann A. Tone – color – expression: On the synaesthetic principle in the work of Wassily Kandinsky and Arnold Schoenberg // Beiträge zur Musikwissenschaft. 1990. Bd. 32, № 3. S. 204–213.
287. Thun N. Reduplicative Words in English: A Study of Formations of the Types tick-tock, hurly-burly, and shilly-shally / Uppsala University. 1963.
288. Trabant J. Gehören die Interjektionen zur Sprache? // Partikeln und Interaktion. Harald Weydt (Hrsg.). Tübingen, 1983. S. 69–81.
289. Truman P. Synaesthesia and 'Die glückliche Hand' // Interface. 1983. № 12. S. 481–503.
290. Ullmann S. Semantics: An introduction to the science of meaning. Oxford: Basil Blackwell, 1964. 278 p.
291. Voss W. Das Farbenhören bei Erblindeten: Untersuchungen über Wesen und Arten der Photismen bei blinden Synoptikern unter besonderer Berücksichtigung des Formproblems // Archiv für die gesamte Psychologie. 1929. Bd. 73. S. 407–524.
292. Wandruszka M. Ausdruckswerte der Sprachlaute // Germanisch-Romanische Monatschrift. 1954. № 35. P. 231–240.
293. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zuerich: Dudenverlag, 1993. 1111 s.
294. Wellek A. Das Farbenhören im Lichte der Vergleichenden Musikwissenschaft (Urgeschichte des Doppelempfindens im Geistesleben der Orientalen) // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1929. № 11. S. 470–497.
295. Wellek A. Beiträge zum Synästhesia-Problem (Sammelreferat) // Archiv für die Gesamte Psychologie. 1930. Bd. 79. S. 193–201.
296. Wellek A. Der Sprachgeist als Doppelempfinden // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1931. № 25. S. 226–262.
297. Wellek A. Farbenharmonie und Farbenklavier. Ihre Entstehungsgeschichte im 18. Jahrhundert // Archiv für die Gesamte Psychologie. 1935. № 94. S. 347–375.
298. Wellek A. Das Doppelempfinden im 18. Jahrhundert // Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1936. № 14. S. 75–102.

299. Werner H. Grundlagen der Sprachphysiognomik. Leipzig, 1932. 226 s.
300. Wescott R. W. Linguistic Iconism // *Language*. 1971. Vol. 47, № 2. P. 416–428.
301. Whissel C., Dewson M. The Dictionary of Affect in Language: Social and Behavioral Science Documents. 1989. URL: <http://www.trismegistos.com/Magical-LetterPage/Bibliography.html> (дата обращения 16.05.2011).
302. Wilde H. Interjektionen als stilsprachliche Kriterien. Hamburg, 1978. 279 s.
303. Willkop E.-M. Gliederungspartikeln im Dialog. München: Iudicium-Verl., 1988. 312 s.
304. Wissemann H. Untersuchungen zur Onomatopoeia. Heidelberg: Theil, 1954. 241 s.
305. Wundt W. Völkerpsychologie. Die Sprache. Paderborn: Salzwasser Verlag GmbH. Nachdruck des Originals von 1900. Bd 1. 644 s. URL: <http://books.google.de/books?id=8gOShr00uMC&pg=PA308&lpg=PA308> &dq (дата обращения: 21.09.12).
306. Würtenberger F. Musik und Malerei: Die Geschichte des Verhaltens Zweier Künste zueinander [Электронный ресурс]. Frankfurt, 1979. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 12.07.11).
307. Wynecoop Sh., Golan L. A bibliography of synesthesia and phonesthesia research. 1996. URL: http://www.flong.com/texts/lists/list_synesthesia_bibliography/ (дата обращения: 25.07.2011).
308. Yang Ch. Interjektionen und Onomatopoeitika im Sprachvergleich: Deutsch versus Chinesisch: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde, 2001. 217 s.
309. Zietz K. Das Problem der 'Synästhesie' und die Frage des 'desintegrieren' Typus // *Zeitschrift für Psychologie*. 1935. № 135. S. 4–6, 348–401.
310. Zietz K. Gegenseitige Beeinflussung von Farb- und Tonerlebnissen // *Zeitschrift für Psychologie*. 1931. № 121. S. 257–356.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

Фоносемантические словари

1. Квеселевич, Сасина 2001 – Квеселевич Д. И., Сасина В. П. Русско-английский словарь междометий. М.: АСТ: Астрель, 2001. 253 с.
2. Шляхова 2004 – Шляхова С. С. Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2004. 225 с.
3. НРСО – Шляхова С. С., Шестакова О. В. Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011. 289 с.

Идеографические словари

4. Баранов – Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesaurus1.narod.ru/> (дата обращения: 14.06.2013).
5. Dornseiff 2004 – Dornseiff F., Quasthoff U., Wiegand H. E. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin; New York: de Gruyter, 2004. 933 s.

Немецко-русские словари общей лексики

6. БНРС – Большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под ред. О. И. Москальской [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 1998. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 17.08.13).
7. Мультитран – Онлайн-словарь Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <http://radugaslov.ru/multitrans.htm> (дата обращения: 17.06.12).
8. Онлайн-словарь АБВУ Lingvo.Pro [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvopro.abbyyonline.com/ru> (дата обращения: 17.06.12).
9. Lingvo – Wörterbuch АБВУ Lingvo 12. Электронная версия.

Этимологические словари

10. EWDS – Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Kombi-Version von Friedrich Kluge und Elmar Seebold von Gruyter (Gebundene Ausgabe Oktober 2002). URL: http://www.amazon.de/reader/3110163926/ref=rdr_sb_li_hist_1&state=01111#reader_3110163926 (дата обращения: 17.06.12).

11. HWEDS – Duden 07. Das Herkunftswörterbuch: Etymologie der deutschen Sprache. Die Geschichte der deutschen Wörter bis zur Gegenwart. 20 000 Wörter und Redewendungen in ca. 8000 Artikeln. URL: http://www.amazon.de/reader/3411040742/ref=rdr_sb_li_hist_1&state=01111#reader_3411040742 (дата обращения: 17.06.12).
12. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Über 8000 Einträge [Taschenbuch] Wolfgang Pfeifer (Autor). URL: <http://www.dwds.de/> (дата обращения: 17.06.12).
13. Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков: в 2 т. Черновцы: Нова книга, 2010.
14. Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. М.: Азбуковник, 2004. 630 с.
15. Грачев М. А., Мокиенко В. М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. М.: Фолио-Пресс, 2000. 256 с.
16. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
17. Тер-Акопян А. К. Санскрит в реке русской речи. М.: Новый центр, 2002. 175 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т [Электронный ресурс]. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 4. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 17.06.12).
19. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1993.
20. Этимологические исследования по русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1960–1986. Вып. 1–9.
21. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / под ред. Н. М. Шанского. М.: Изд-во МГУ, 1963–1982. Т. 1–2, вып. 1–8.
22. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–1999. Вып. 1–25.
23. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. 7-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2004. 398 с.

Толковые словари

24. Duden. Deutsches Universalwörterbuch: Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Rund 150 000 Stichwörter und Redewendungen [Gebundene Ausgabe]. 6 Auflage. URL: <http://www.amazon.de> (дата обращения: 17.08.12).

25. Duden – Das Grosse Wörterbuch der Deutschen Sprache in 10 Bänden. Электронная версия для ABBYY Lingvo.

26. DWDS – Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jh. URL: <http://www.dwds.de/> (дата обращения: 17.08.12).

27. Ein Wiki-basiertes freies Wörterbuch. URL: <http://de.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 17.08.12).

28. Deutsches Wörterbuch / German Dictionary. URL: <http://de.thefreedictionary.com> (дата обращения: 17.08.12).

29. Oxford dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 17.08.11).

30. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch; neu hg. von Dr. R. Wahrig-Rurfeind. Gutersloh: Bertelsmann Lexikon. Verl. GmbH, 1997. 1696 s.

31. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980. Т. 4.

32. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 17.08.12).

33. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд. М.: Аз, 1996. 928 с.

34. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 4.

35. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука, 1948–1956. Т. 17.

36. Словарь современного русского литературного языка: в 4 т. 2-е изд. М.: Русский язык, 1991–1993. 4 т.

37. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. 2006. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 17.08.12).

38. Толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Вече, 2001. Т. 3.

Специальные словари

39. Deutsch-Russisches Phraseologisches Wörterbuch Polyglossum. Moscow, 2006. Digitale Polyglossum Wörterbücher.

40. Deutsch-russisches Wörterbuch der Umgangssprache und des saloppen Wortschatzes Polyglossum. Moscow, 2005. Digitale Polyglossum Wörterbücher.

41. Das Online Dialekt Wörterbuch, Deutsche Dialekte Online Wörterbücher und Übersetzungen [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ats-group.net/woerterbuecher/woerterbuch-dialekt.html> (дата обращения: 17.05.12).

42. Болотина А. Ю. Немецко-русский и русско-немецкий медицинский словарь. М.: РУССО, 2004. 773 с.

43. Немецко-русский юридический словарь / П. И. Гришаев [и др.]. М.: РУССО, 2004. 624 с.

44. Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М.: Русский язык, 1994. 768 с.

45. Большой немецко-русский экономический словарь / под ред. Ю. И. Куколева. М.: РУССО, 2007. 928 с.

46. Коломиец Е. А. Русско-немецкий словарь молодежного жаргона. Е. А. Коломиец. М.: Восток – Запад, 2005. 336 с.

47. Немецко-русский политехнический словарь. М.: Русский язык, 1984. 864 с.

48. Немецко-русский словарь молодежного сленга. Электронная версия для АBBYY Lingvo.

49. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 17.08.11).

50. Быков В. Русская феня: словарь. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. 222 с.

51. Буй В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражении) / под. ред. А. Баранова, Д. Добровольского. М.: АСМ: «Помовский и партнеры», 1995. 336 с.

52. Грачев А. М. Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь арготизмов. Н. Новгород: Флокс, 1992. 207 с.

53. Елистратов В. Словарь московского аргю. М.: Русские словари, 1994. 699 с.
54. Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 372 с.
55. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. 416 с
56. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. М., 1997.
57. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: НОРИНТ, 2000. 720 с.
58. Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров / Перм. пед. ун-т. Пермь, 2002. 431 с.
59. Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984–1990. Вып. 1–3.
60. Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О. П. Беляева; под ред. Е.А. Голушковой; Перм. пед. ин-т. Пермь, 1973. 706 с.
61. Словарь пермских говоров: в 2 вып. Пермь: Кн. мир, 2000–2001.
62. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988. Вып. 1–7.
63. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1965–1995. Вып. 1–29.
64. Словарь синонимов русского языка. / Л. П. Алекторова [и др.]. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 333 с.
65. Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. М.: Русские словари: Апрель: АСТ: Транзиткнига, 2003. 565 с.
66. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. М., 1992. 525 с.
67. Славянская мифология: энцикл. словарь. М.: Эллиас ЛАК, 1995.
68. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1956.
69. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. М., 1995. 608 с.

70. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.

71. Юганов И., Юганов Ф. Словарь русского сленга: сленговые словари выражения 60–90-х годов / под ред. А. Н. Баранова. М.: Метатекст, 1997. 304 с.

Двухязычные словари

72. Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. 672 с.

73. Большой испанско-русский словарь / под ред. Б. П. Нарумова. М.: Русский язык-Медиа, 2005. 828 с.

74. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 2000. 1196 с.

75. Ермолович Д. И., Красавина Т. М. Новый большой русско-английский словарь. М.: Русский язык – Медиа, 2004. 1099 с.

76. Зорько Г. Ф. Новый большой итальянско-русский словарь. М.: Русский язык-Медиа, 2005. 1230 с.

77. Ковалев В. Ф. Итальянско-русский и русско-итальянский словарь. М.: Русский язык-Медиа, 2005. 1077 с.

Морфемные и словообразовательные словари

78. СМРЯ – Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1136 с.

79. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998–2007. Т. 1–4.

Корпусы текстов

80. ВВВ – Библиотека зарубежной литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksbooksbooks.ru/> (дата обращения: 17.08.11).

81. CDS – Eine korpuslinguistische Denk- und Experimentierplattform. Institut für Deutsche Sprache, Mannheim. URL: <http://corpora.ids-mannheim.de/ccdb> (дата обращения: 17.08.11).

82. Fkl – Мультязыковой проект Ильи Франка [Электронный ресурс]. URL:<http://www.franklang.ru> (дата обращения: 17.08.11).
83. GB – Projekt Gutenberg-DE. URL: <http://gutenberg.spiegel.de>. (дата обращения: 17.08.11).
84. Redensarten-Index. URL: <http://redensarten-index.de> (дата обращения: 17.08.11).
85. Welt online. URL: <http://suche.welt.de> (дата обращения: 17.08.11).
86. WLUL – Wortschatz-Lexikon Uni Leipzig. URL: <http://wortschatz.unileipzig.de> (дата обращения: 17.08.11).
87. Webmail – Wörter Lexikon. URL: <http://www.webmail.de> (дата обращения: 17.08.11).
88. Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX-го века (демонстрационный вариант) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru/lex/index.html> (дата обращения: 17.08.11).
89. Корпус русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL:<http://www.narusco.ru/resources> (дата обращения: 17.08.11).
90. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL:<http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 17.08.11).
91. Полистилевой корпус текстов современного русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/polystyl-corp.html>. (дата обращения: 17.08.11).
92. Хельсинский аннотированный корпус [Электронный ресурс]. URL:<http://www.ling.helsinki.fi/projects> (дата обращения: 17.08.11).

Онлайн-переводчики

1. Переводчик Yandex. URL: <http://slovari.yandex.ru/>
2. Переводчик Google. URL: <http://translate.google.ru/>
3. Переводчик онлайн. URL: <http://pereklad.online.ua/>
4. Переводчик онлайн «Мета». URL: <http://translate.meta.ua/>
5. Переводчик онлайн «Промт». URL: <http://www.translate.ru/>
6. Переводчик онлайн «Мультитран». URL: <http://www.multitran.ru/>

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- A., Akk – вин. падеж;
abwertend – пренебрежительно;
adj – прилагательное;
adv – наречие;
bayer. – баварский диалект;
bes. – преимущественно;
bildl. – образное;
D., Dat. – дат. Падеж;
derb – грубое слово, выражение;
etw. – что-нибудь, что-то;
f – сущ. жен. рода;
Interj, Int – интеръектив, междометие;
jägerspr. – охотничий язык;
jargon – жаргонное слово, выражение;
j-d – кто-нибудь, кто-то;
j-m – кому-нибудь;
j-n – кого-нибудь;
kinderspr. – детская речь;
landsch. – местное;
lautm., lautmalend – звукоподражание;
m – сущ. муж. рода;
med. – медицинский термин;
n – сущ. ср. рода;
nordd. – северно-немецкий диалект;
o. ä. – и тому подобное;
österr. – австрийский вариант немецкого языка;
ostmd., ostmitteld. – восточносредне немецкий диалект;
redupl. – редуцированное;
repp. – репеллент, слово для отгона;
salopp – просторечное слово, выражение;

scherzh. – шутливое;
schweiz. – швейцарский вариант немецкого языка;
spött. – ироничное;
südd. – южнонемецкие диалекты;
tech. – технический термин;
ugs. – разговорное слово, выражение;
vi – непереходный глагол;
vt – переходный глагол;
westmd. – западно-средненемецкий диалект;
zool. – зоологический термин;
♦ – идиома, фразеологизм;
австр. – австрийский вариант немецкого языка;
алб. – албанский язык;
англ. – английский язык;
б. ч. – большей частью;
бав. – баварский диалект;
блр. – белорусский язык;
болг. – болгарский язык;
бот. – ботанический термин;
воен. – военное дело;
вульг. – вульгарное;
греч. – греческий язык;
груб. – грубое;
дат. – датский язык;
диал. – диалектное;
др.-рус. – древнерусский язык;
звукоподр. – звукоподражание;
ЗИ – звукоизобразительный;
ЗИС – звукоизобразительная система;
и.-е. – индоевропейский язык;
индонез. – индонезийский язык;
ит. – итальянский язык;

казах. – казахский язык;
кирг. – киргизский язык;
кит. – китайский язык;
коми-перм. – коми-пермяцкий;
ласк. – ласкательное;
мед. – медицинский термин;
межд. – междометие;
о.-с. – общеславянский язык;
охот. – охотничий язык;
подз. – подзывное слово;
польск. – польский язык;
разг. – разговорное;
рус., русск. – русский язык;
сев.-нем. – северно-немецкий диалект;
словацк. – словацкий язык;
словен. – словенский язык;
суд. – судебное;
татар. – татарский язык;
террит. огран. – территориально ограничено;
тех. – технический термин;
тж. – также;
тур. – турецкий язык;
укр. – украинский язык;
фам. – фамильярное слово, выражение;
ФМ – фоносемантическая маргиналия;
фон. – фонетическое;
фр. – французский язык;
хорв. – хорватский язык;
чеш. – чешский язык;
шутл. – шутливое;
ю.-нем. – южнонемецкий диалект.

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ОНОМАТОПОВ

АКУСТИЧЕСКИЕ ОНОМАТОПЫ

Класс А. Инстанты

Тип 1. Инстанты: нем. *patsch, pitsch-patsch, tapp, tipp, tapptapp* “звук хождения, передвижения (топанье, шарканье)”; *tack, tick-tack, tatsch, tock, tuck* “звук удара, стук”; *toben* “бушевать, шуметь”; рус. *тук, тюк, тья, чик, чак, кап-кап, тик-так* “звук удара”; *чан-чан, топ-топ* “хождение”.

Класс Б. Континуанты

Тип 2. Тоновые континуанты: нем. *piep* “звук при писке”, *tatütata* “звуковой сигнал автомобиля; автосигнализации”, *lullu* “звук укачивания, припев колыбельной песни”; рус. *ду-ду, ту-туууу, би-би* “звук гудка, дудочки”, *пи-пи, уа-уа, ги-ги-ги, ау-ау* “звук при визжании, писке”, *гу-у-у-у, у-у-у-у, угу-гу-гу* “завывание ветра, метели”, *а-а-а* “эхо”, *тию-тию-тию* “звук пули”, *лю-лю, ля-ля, ла-ла, на-на* “пение”.

Тип 3. Чисто шумовые континуанты: нем. *sch* “тсс!, тихо!”, *husch* “звук при резком движении воздуха, свист при рассекании воздуха”, *zisch* “звук вырывающейся струи воздуха, пара, воды; шуршание, шипение, шелест”, *pfeifen* “свистеть”; рус. *пши-ш-ш* “шуршание сыплющегося песка”, *шп-ш-ш, ш-ш-ш, с-с-с* “шипение (в том числе паров)”, *пи-ш-ш, ш-ш-ш* “шуршание, шипение, шелест”, *с-с-с* “струя воздуха сквозь зубы”, *шипеть, шелестеть*.

Тип 4. Топошумовые континуанты: нем. *säuselnd* “шелестеть, шуршать (о листьях и т.п.)”, *sausen* “шуметь, свистеть (о ветре и т.п.)”, *summ* “жужжание насекомых”; рус. *жж-жж, дз-з-з, зу-зу-зу* “жужжание комара, овода, мухи”, *зу-зу-зу* “сигнал на корабле”.

Класс В. Фреквентативы

Тип 5. Фреквентативы-квазиинстанты: нем. *trapp; tripp-trapp* “звук работающего механизма, двигателя”, “звук хождения, передвижения, топание”, “звук падения капель”, *schroten* “крупно молотить”; *brägelnd* “трещать, потрескивать; падать с шумом”, *krabbeln* “царапать (писать)”; *kerben* “насекать, зубрить”; рус. *бряк, хрон, хряп, стуки-бряки* “удар, падение, стук”, *хрупа-хрпа, хряп, хруп, кр-кр* “хруст, треск”, *трик-трик* “звук пишущей машинки”, *крак* “звук ломания”, *трап* “удар цепями”.

Тип 6. Чистые фреквентативы: нем. *brrr* “шум мотора, двигателя”, *r* “звук работающего механизма, двигателя”, *Ruck* “толчок, рывок”, *gurgeln* “полоскать горло”; *tattern* “дрожать”; рус. *др-р-р* “звук работающего механизма”, *бур-бур, бурл-бурл* “бурление, движение жидкости”, *гр-р-р, р-р-р* “раскаты грома”, *тыр-тыр-тыр* “дребезжание будильника”, *тр-р-р* “разрыв цепи”, *дыр-дыр* “стук зубов”.

Тип 7. Фреквентативы тоновые квазиконтинуанты: нем. *krahkrah* “крик вороны”; рус. *капп-капп* “крик вороны”, *скрип-скрип, скрлы-скрлы* “скрип, скрежет”.

Тип 8. Фреквентативы чисто шумовые квазиконтинуанты: нем. *raps; rips-raps* “звук резкого движения при разрезании, разрывании”, “хруст при кусании”, *rauschen* “шуметь; шелестеть, шуршать; журчать; рокотать”, *raffen* “отхватывать, хапать”; *schürfen* ю-нем. “царапать”; рус. *хруны-храпы, шабар-шабар, чирк, шуры-шары, шурки-шарки, шуру-шары, хрусь, хруп* “хруст, треск, скрип, шуршание, скрежет”, *шуры-шары, шурки-шарки, шуру-шары* “о хождении”, *фурр-р-р, фуры-пуры* “порхание”, шир-шир “звук пилы”.

Тип 9. Фреквентативы тоношумовые квазиконтинуанты: нем. *ratsch; ritsch-ritsch ratsch* “звук резкого движения при разрезании, разрывании”, *rutsch* “звук быстрого скольжения”, *surren* “гудеть, жужжать”; рус. *рузы-разы* “звук работающего комбайна”, *раз* “звук резкого движения при ударе, стуке, протыкании, разрезании”, *чир* “звук удара, стука с царапаньем, скрежетом”.

Гиперкласс АБ. Инстанты-континуанты

Тип 10. Тоновые «послеударные» инстанты-континуанты: нем. *bat, bim, bum, ding, kling* “звон колокола”, *bim-bam, ding-dong, kling-klang* “звон с меняющейся высотой”, *bum, bums, peng* “звук удара, стук”, *pinken* “колотить (по чему-л., напр. молотком)”, *knallen* “щёлкать, хлопать”; рус. *бом, бон, бам, тиль-тиль, тини-бони, бум-бум, баум, боум, динь-динь, тинь-тинь, блям-блям, дон-дон, бом-бом, боум-боум* “удар о металлический или стеклянный предмет, звон колокола”, *бум, пинь, пиль* “звук выстрела, взрыва”.

Тип 11. Чисто шумовые «послеударные» инстанты-континуанты: нем. *bauz, butz, paff, puff, töff* “звук удара, стук”, *paff, puff* “звук выстрела, взрыва”, *töff* “звук работающего механизма, двигателя”, *schaben* “скоблить, скрести”; рус. *бац, буц, бах, бух, чох, бабах* “звук удара, удар, падение”, *бух, бац, пах-пах, пиф-паф, бах-бах, тах-тах-тах, таф-таф, бабах, чах-чах* “звук выстрела, взрыва”, *пф-пф, пух-пух* “брожение при скисании”, *чух-чух* “о паровозе”.

Тип 12. Чисто шумовые «предударные» инстанты-континуанты: нем. *blaff, klack(s), klapp, klipp; klipp-klapp, klatsch, klitsch-klatsch, klick, schnapp, plitz, platz, plotz* “звук удара, стук”, *knack(s), knick(s), knack(s)-knick(s)* “хруст, треск”, *schlapp, plitsch, platsch, plitsch-platsch* “звук хождения, передвижения (шлепанье, хождение по грязи, воде); бульканье, плеск”; *gluck, kluck* “звук движения жидкости”, *plump(s)* “звук падения, толчка, бросания”, *manschen, matschen, panschen* “шлепать, хлюпать”; рус. *хлюст, хляск, хлоп, шлеп, хлесь, шмяк, хлесть, плюх* “звук удара, удар”.

Тип 13. Тonoшумовые «предударные» инстанты-континуанты: нем. *quatsch* “звук хождения по грязи”, *schwapp, schwipp* “звук удара по упругому”, *zwitschern* “щебетать”, *wabbeln* “дрожать”, *wackeln* “шататься, качаться”; рус. *вжик* “звук рассекаемого воздуха при резком движении; звук застежки “молния”, *звяк* “резко обрывающийся звук, звук щеколды”.

Тип 14. Чисто шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты: нем. *tschilp* “чириканье птиц”, *tsching* “громкая музыка”; рус. *бумкс* “удар”, *чувиль* “о передвижении по грязи”.

Тип 15. Тоношумовые-тоновые шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты: рус. *дзен, дзинь, дзиньк* “звук удара о металлическое, стеклянное”, *зззбум* “внезапно пронестись с высоким пронзительным звуком”, *жжжбум* “о комаре”. В немецком языке в нашем материале не обнаружено.

Гиперкласс ВАБ. Фреквентативы квазиинстанты-континуанты

Тип 16. Тоновые «послеударные» квазиинстанты-континуанты: нем. *klirr* “звук удара о металлическое, стеклянное, звон”, *tandaradei* “пение, музыка, мелодия”, *brumm* “шум мотора, двигателя”, *ballern* “греметь (о выстреле); стучать, хлопать”, *dröhnen* “греметь (о громе, голосе); гудеть”, *knarren* “трещать, скрипеть”; рус. *брень-дрень* “звук стекла”, *брень-дрень, брень, брям, трям, трень, трень-брень* “о струнном музыкальном инструменте”, *трам-трам* “о фортепиано”, *дринь-дринь* “звонок”.

Тип 17. Чисто шумовые «послеударные» квазиинстанты-континуанты: нем. *pardauz, kladderadatsch, krach* “звук удара, стук, звук падения”, *brausen* “бушевать, шуметь (о море, лесе)”, *brechen* “(раз)ломать, разбивать”, *kreischen* “визжать, пронзительно кричать; издавать резкий [пронзительный] звук”, *prasseln* “трещать”, *dreschen* “молотить, колотить”, *tro(ö)pfen, träufeln* “капать”, *furzen* “выпускать ветры [газы] (из кишечника)”, *pratsch* “звук удара, стук”, *greifen* “хватать, схватить”, *grapschen* “жадно хватать, цапать”, *kratzen* “царапать”, *knirschen* “хрустеть, скрипеть; скрежетать”; рус. *хлесь-хабаресь, трах, тресь, хрясь, хресь, трах-тарарах, трах-тах-тах, грох* “отрывистый, сильный раскатистый звук; звук выстрела, взрыва, удара, падения”, *трусси-тряси, хрясь, хресь* “хруст, треск”, *тресь* “звук разрыва ткани”.

Тип 18. Чисто шумовые «предударные» квазиинстанты-континуанты: нем. *zappzarapp* “быстрое, интенсивное хватательное движение”, *schwirren* “(про)свистеть, (про)жужжать, (про)лететь (со свистом)”, *schwirbeln* “кружиться, вращаться”, *schwarten* “бить, избивать, колотить”, *schnarp(f)en* “скрипеть, хрустеть”, *zwargen* “сверлить, буравить”, *zwirbeln* “вертеть, крутить”; рус. *шварк* “резко бросать, ударять”, *царан, шабар, шур, шорк, шарк* “тереть со звуком, царапать”.

АРТИКУЛЯТОРНЫЕ ОНОМАТОПЫ

Класс А. Носовые

Подкласс А. Собственно носовые

Тип 1. Втягивание носом воздуха: нем. *schnüffeln* “сопеть, потягивать носом”; *schnaufen* “шмыгать носом”, *(sich) schneuzen* б. ч. ю.-нем., *schnauben* “сморкаться”; рус. *шмыг, шмыр, шмырь, швыркать, шмыргать, шмурыжить*.

Подкласс АВ. Носогорловые

Тип 2. Фыркание: нем. *schmauben, schnaufen* “фыркать”; рус. *фур, фырк, фр, швырк, фуркать, фыркать, хоркать, хрюкать, форскать*

Тип 3. Храп: нем. *schnarchen* “храпеть”, *bofen* “храпеть (во время сна)”, *schnurken* разг. “храпеть; сопеть”; рус. *хрр-хрр, храпать, храпеть*.

Класс Б. Ротовые

Подкласс БА. Ротоносовые

Тип 4. Посвистывание: нем. *pfeifen* “свистеть”, *flöten* “заливаться, петь (о соловье)”; *quinguilieren* bes. nordd., *quinkeleren* bes. nordd., *fieren* jägerspr. “свистеть”; рус. *свистеть, фьюкать, фью, фьюить, фить-фить, фюйт, фию, фио, фиу*.

Тип 5. Чихание: нем. *hatzi, hatschi* “звук чихания”, *niesen* “чихать”; рус. *чихать, прыскать, пчих, апчи, чих, чхи, пчи*.

Подкласс Б. Собственно ротовые

Тип 6. Лакание, лизание: нем. *labbern, läbbern, lappen* dial. *schlabbern, schlappen, schlappern, schlecken* “лакать”, *lecken, belecken* “лизать”; ср. рус. *лачить, лакать, лизать*.

Тип 7. Сосание: нем. *saugen, lutschen* “сосать (соску, конфету)”, *lullen* ю.-нем., *nickeln; suseln, suckeln, zulken, zutschen, zuzeln* разг. “сосать”; рус. *сосать, сосить, ссать, чуп-чуп, чупать, чмок-чмок, чмокать, тышкать*,

Тип 8. Всасывание ртом жидкости: нем. *schlüpfen* “швыркать, хлебать”, *schlabbern, labbern* “громко хлебать”; рус. *хлебать, швыркать, швырк, швыр, чувыр, фу*.

Тип 9. Плевание: нем. *pfui, toi* “звук плевания”, *spreien* “выплёвывать, плевать, харкать”, *sprucken, spreiben* südd., österr. “плевать”; рус. *тьфу, тфу, плевать*.

Тип 10. Чмокание (смакование): нем. *schmatzen, lappen* “чмокать”; рус. *чмокать, чупать, чуп-чуп, чмок-чмок, чамкать, смаковать, чавкать*.

Тип 11. Цокание: нем. *schmalzen* “цокать языком”; рус. *цок-цок, цокать*.

Тип 12. Щелканье: нем. *klappern* (зубами, клювом и т.п.), *schmirksen* “щёлкать; прищёлкивать (языком)”, *schmalzen*, ср. рус. *щелкать, щелк, лязгать, ляскать, клацать*.

Тип 13. Чавканье: нем. *schmatzen, schmalzen, katschen, kätschen, schlappern, schlürfen* “чавкать”; рус. *чавкать, чамкать, чвакать, чмокать, чав-чав, чувыр-чувыр, швыр-швыр, лючи-лячи*.

Подкласс БВ. Ротогорловые

Тип 14. Дуновение (ртом): нем. *ha, ho, hu, hauchen, pusten* “(сильно) дуть; дыхнуть”; рус. *фук, фуу, хуу, фу, пфу, пфф, фукать, пахнуть, пыхтеть*.

Тип 15. Вдох/ выдох: нем. *ach, hu, puh* “звук дыхания (выдоха)”; *hauchen* “дышать”, *seufzen* “вздыхать”, *puffen* “пыхтеть”; рус. *дышать, пыхтеть, вздыхать, хьюкать, пышкать, пыхать, быхать, здых-здых, ах, хуу, охх, уфф, пф, э-хе-хе, о-хо-хо, ыхх, ф-ф-ф, эх, ух*.

Тип 16. Дыхание с присвистом: нем. *ausschnaufen* “отдышаться, перевести дух”; *ruh* “тяжелое дыхание”, *pusten* “тяжело дышать, пыхтеть”, *japsen* “жадно глотать (воздух), задыхаться; запыхаться”, *keuchen* “пыхтеть, задыхаться, с трудом переводить дыхание [дух]”; рус. *фук*, *фить*. *хьюкать*, *быхать*.

Тип 17. Плач, вой: нем. *hei, hoi* “плач, вой”, *heulen* “выть, завывать”, *plinsen, flennen, weinen* “плакать; реветь”, *jammern* “громко плакать, причитать, голосить; вопить; кричать (от боли и т. п.)”, *schluchzen* “рыдать; всхлипывать; плакать навзрыд”, *jaulen* “выть, завывать”; рус. *пинькать*, *пиньгать*, *всхлипывать*, *нюнить сопеть*, *хлюпать грюпать*, *аргать*, *рыдать*, *хайгать*, *выть*, *базанить*, *базлать*.

Тип 18. Громкий крик: нем. *a-a, ah* “громкий крик”, *schreien* “орать/вопить”, *brüllen johlen, brüllen, herausschreien, krähen, kreischen, rufen, [herum]krakeelen, plärren* “орать”, *jammern* “жалобно кричать”; рус. *a-a-a, o-o-o, вопить, орать, кричать, базлать, базать, базанить, хайлить, хайланить, аркать, аргать, бахлать*.

Тип 19. Ораание, рев: нем. *schreien* “орать”, *brüllen*; реветь; рус. *орать, аргать, рвякать, реветь, рычать, гаркать*.

Тип 20. Пронзительный крик: нем. *schreien* “орать”; *gicksen* “вскрикнуть; взвизгнуть”, *piksen*; рус. *визжать, иргать*.

Тип 21. Смех: нем. *ha, ho* “смех”; *lachen, feixen, grinsen, wiehern, gackeln, gickeln, gickersen*; рус. *ха-ха, хо-хо, хе-хе, га-га, гы-гы, гы-ы-ы, ге-ге, ху-ху, ржать, голготать, гогтать, прычкать, прыскать*.

Подкласс БАВ. Ротоносогорловые

Тип 22. Кусание: нем. *happ, happs* “звук при кусании, хватании ртом”, *kauen* “жевать; кусать”, *beißen* “кусать”; рус. *ам, хам, тяпнуть, кусать*.

Тип 23. Зевота: нем. *a-a-a, gähnen, gaffen, gienen*; рус. *a-a-a, хам, зевота, зевать, хамать, хаманье, хайкать*.

Тип 24. Ворчание: нем. *blubbern, brabbeln, brumme(l)n, grummeln, murmeln, brummen, krickeln*; рус. *бухтеть, бубнить, бурчать, буркать (разг.), бормотать, бунчать (диал.), бунгать, бокотать, ворчать, уркать, ургать, бур-бур-бур, бум-бум-бум, бух-бух-бух, бурчать, бормотать*.

Тип 25. Стон: нем. *ach, o-o, ächzen, stöhnen*; рус. *хэ-э-э, э-э-э, a-a-a, ох-хо, ой, o-o-o* (часто с назализацией), *ах-х, o-o-o, стонать*.

Тип 26. Хныканье: нем. *quengeln, wimmern, maunzen, greinen, winseln* “визжать, скулить; ныть, хныкать”; рус. *хны-хны, хныкать, ныть, хнюкать, ханькать, ханьгать, хиньгать, хинькать*.

Тип 27. Хихиканье: нем. *hi* “хихиканье”, *kichern*; рус. *хи-хи, хихикать*.

Класс В. Горловые

Подкласс ВБ. Горлоротовые

Тип 28. Удушье: нем. *urggh*. В русском языке не представлен.

Тип 29. Глотание: нем. *gluck, glucken, schlucken*; рус. *глотать, глы-глы, гыл-гыл*.

Подкласс В. Собственно горловые

Тип 30. Икота: нем. *glucksen, schlucksen* “икать”; рус. *ик-ик, икать, клыкать, клок-тать*.

Тип 31. Кашель: нем. *husten* “кашлять”, *harken* нн “откашливаться”, *pusten* “кашлять, отхаркивать”, *qualstern* nordd. *salopp abwertend* “отхаркивать мокроту”; рус. *кхе-кхе, кхо-кхо, кхе-к, хыркаать, хаперхатъ, керкатъ, хоркатъ, кашлять, кахатъ, кахи-кахи, кха-кха*.

Тип 32. Жиление: нем. *krächzen* “кряхтеть”; рус. *кряхтеть, крех-крех, рехатъ, креч-катъ*.

Тип 33. Резкое движение: нем. *hopp, hops* “резкое действие, движение”; рус. *гек, гок, хоп*.

Тип 34. Рыгание: нем. *äks* “звук при рыгании, отрыжке”, *rülpsen, bölken* “рыгать, отрыгивать”; рус. *эк* “звук при рыгании, отрыжке”; *рыгать, изрыгать*.

Тип 35. Рвота: нем. *brechen, speien, spucken, speiben* südd., österr., *kotzen, koddern*; рус. *бэ* “звук при рвоте”, *рвать, блевать, изрыгать*.

Тип 36. Хрип: нем. *krächzen* “хрипеть”, *harheln* диал. “хрипеть”, *schnieben* ср.-нем. “тяжело (про)хрипеть”; рус. *хрипеть, хрип, хр-хр*.

ОНОМАТОПЫ ГОВОРЕНИЯ

I. Изображение говорения без указания на его характер:

нем. *sprechen* “говорить”, *plaudern, schwatzen* “беседовать в непринужденной обстановке”; *plauschen, labern; babbeln, rappeln, gackeln, kakeln, plappern, schnattern, lafern, schörren, quasseln, schnorren; faseln, palavern, schwafeln, klönen, ratschen* “болтать”; рус. *говорить, тары-бары, та-та-та, ля-ля-ля, ботать, таковать, тыркать, тургать, каля-кать, туткать, тяпкать, баять, бачить, бутить, стукать*.

II. Изображение говорения с указанием на степень громкости:

1. Шепот: нем. *pispern, fispeln, zischeln, flüstern, lispeln, wispern* “шептать(ся)”, *tuscheln* “шушукаться”, *hauchen* “тихо шептать”; рус. *шу-шу, шуры-муры, шушукать, шептать, шикать, шушкыны*.

2. Негромкая речь: нем. *kollern, gurren* “ворковать”, *turteln* “ворковать (о влюблённых)”, *tucken* “издавать слабый [еле внятный] звук”, *meckern* “блеять; подражать козлиному блеянию”; рус. *па-па-па, пляп-ляп-ляп, мекать, лепетать, ворковать, тюргать, уркать, лопотать*.

3. Громкая речь, крик, брань: нем. *schreien* “кричать”, *Holterdiepolterstimme* “громовой голос”, *brüllen* “орать; выть; громко плакать”, *kreischen* “визжать; пронзительно кричать”, *grölen* “орать; горланить”; *rasaunen* “горланить”, *johlen, brascheln* “орать; горла-

нить”, *plärren* “пронзительно кричать; громко плакать; реветь (б. ч. о детях), орать”, *anbellern, anblecken* “облаять; обругать кого-л.”; рус. *орать, кричать, вопить, галдеть, реветь, горланить, гаркать, зыкать, каркать, торить, рывкать, базлать, хайлить, хайланить.*

III. Изображение говорения с указанием на артикуляционную четкость:

1. Шепелявость: нем. *zischeln, lispeln, nuscheln* “шепелявить”; рус. *шепелявить, пришепетывать.*

2. Заикание: нем. *murksen, stottern, stamern* н.-нем. “запинаться; заикаться”; рус. *заикаться, заекиваться, екать.*

3. Невнятная, нечленораздельная речь: нем. *bäh, hm, tumm* “невнятная, артикуляционно нечеткая речь”, *tummeln, babbeln* “лепетать; мямлить”, *brabbeln, brummen, brummeln, quakeln* “бормотать, невнятно говорить”, *lallen* “лепетать; запинаться; бормотать; неразборчиво говорить”, *quakeln* “бормотать, невнятно говорить”; *rappeln* “заговариваться”; рус. *бу-бу-бу, бум-бум, бурчат, бормотать, мямлить, мычать, лепетать, шмакать, бунчать, барабать.*

4. Говорение в нос, гнусавость: нем. *näseln, nuscheln* “гнусавить”; рус. *гнусить, гнусавить, гундосить, гугнивый.*

IV. Изображение говорения с указанием на темп речи:

1. Быстрая, торопливая речь: нем. *rasseln, schnattern, schnadern, hervorsprudeln; plappern* “тараторить”, *ratschen* “болтать, бормотать; говорить скороговоркой”, *blaffen* “говорить быстро, тараторить, тархтеть”, *glucken* “болтать, говорить не умолкая; кудахтать, клохтать (о человеке)”, *sabbeln* “болтать”, *abklappern* “отбарабанивать, небрежно исполнять (произведение, стихотворение)”; рус. *брекотать, болбочить, барабанить, кудахтать, клохтать, клячкать, тары-бары, торкать, репетить, чекотать, стрекотать, тар-тар-тар, тархтеть, тараторить, трещать.*

V. Оценочное изображение говорения:

1. Монотонная, нудная речь: нем. *summen, sumsen* “жужжать, напевать (вполголоса)”; *leiern* “бубнить, монотонно (без выражения) читать (говорить, декламировать)”, *surren, brummeln* “тихо гудеть, жужжать”; рус. *зу-зу-зу, зудеть, жужжать.*

2. Недовольная, злая речь: нем. *blaffen* “выражаться зло, грубо; ругаться”, *murren* “роптать; ворчать (на кого-л.)”; *zischen, fauchen* “шипеть, раздражённо говорить”; *greinen* “брюзжать, ворчать”; рус. *лаяться, собачиться, гавкаться, тьявкать, бухтеть, шипеть.*

3. Ворчание, бурчание: нем. *blubbern, brabbeln, brumme(l)n, grummeln, tummeln, mirmeln* “невнятно говорить, бормотать”, *brummen* “ворчать (на кого-л.)”, *krickeln* “ссориться; ворчать, брюзжать”; рус. *бухтеть, бубнить, бурчат, буркать (разг.), бормотать, бунчать (диал.), бунгать, бокотать, ворчать, уркать, ургать, бур-бур-бур, бум-бум-бум, бух-бух-бух, бурчат, бормотать.*

VI. Изображение говорения с указанием на смысловую структуру речи:

1. Болтовня, бессодержательная речь: нем. *blabla* “пустая болтовня”, *babbeln* *schlabbern* “болтать (вздор)”, *dudeln, gackeln, gackern* “болтать”, *gicks und gacks, glucken* “болтать, говорить не умолкая; кудахтать, клохтаться (о человеке)”, *larifari* “глупая болтовня”, *klaffen, klappern* “болтать, трещать”, *rappelerapp* “глупая болтовня, ерунда”, *quatschen* “нести ерунду, болтать вздор”, *plappern* “болтать, трещать”, *schlabbern* *schwappe(l)n, schwatzen* “болтать, трещать, пустословить”, *faseln* “калякать”, *schwafeln, quasseln* “молоть вздор; пустословить”; рус. *бла-бла, каля-баля, ля-ля фа-фа, ля-ля разводить, базарить, балякать, болтать, калякать, балаболить, хлопать, шлепать, баламолить, балабанить, трещать.*

2. Говорить, рассчитывая на сочувствие (жалуясь): нем. *nörgeln* “ныть”, *quengeln* “капризничать, хныкать”, *wimmern* “жалобно стонать, хныкать”, *taunzen* “хныкать, ныть”, *winseln* “визжать, скулить; ныть, хныкать”, *klönen* “ныть, скулить (о человеке)”, *meckern* “ныть”; рус. *стонать, скулить, ныть, хныкать.*

3. Сказать невпопад, неуместно: нем. *entschlüpfen* “сорваться с языка”; *rausrutschen, herausrutschen* “вырваться; выскочить”; *losplatzen, rausplatzen* “выпасть, брякнуть что-л.”; рус. *болтануть, брякнуть, ляпнуть, сбронить, бухнуть, бахнуть, вякнуть.*

4. Обманывать, сплетничать: нем. *hecheln, klatschen* “сплетничать, судачить”, *plauschen* “врать, болтать, трепаться с кем-л.”, *verplaudern, tratschen* “болтать, сплетничать; разболтать”, *ausposaunen* “раструбить, раззвонить, растрезвонить”, *ausratschen* “выболтать, проговориться”, *quatschen* “сплетничать, трепаться”; рус. *брени-стрени, брехать, брякать, хлопать, болтать, заливать, звонить, свистеть, трепать, трезвонить.*

5. Говорение на непонятном языке: нем. *parlieren* “говорить на иностранном языке (б.ч. на французском)”; рус. *коть-моть* (коми-перм.); *спикать* (англ.); *пиикать* (польск.); *парлекать* (фр.); *шпрехать* (нем.)

VII. Характеристика человека по его речи:

1. Невнятно говорящий: нем. *Babbler, Bläffer, Plapperer, Plapperer, Plappermaul* “тот, кто бормочет, болтун”; *Plappertasche, Plapperin* “болтуня”, *Plappermäulchen* “ребенок, который бормочет”; рус. *бормота, бунчал, бормотало, бумка, бормото, бормотуха.*

2. Любитель поговорить, болтун: нем. *Plauderer* “беседующий, разговаривающий; рассказчик; собеседник”, *Maul* “о языкастом, хорошо говорящем человеке”, *Babbel, Babelmaul* “болтливый язык”; *Brumbär, Brummer, Brummkater, Kläffer, Knaster, Knurrhahn, Meckerfritze* “ворчун, брюзга”, *eine grosse Klappe* “болтун, краснобай”, *Klapperschlange, Tratsche* “болтуня, трещотка”, *Klatsche, Klatschbase* “сплетница”, *Plauderer, Phrasendre-scher, Faseler, Labertasche, Plapperer, Plappermaul, Plappertasche, Quasselfritze, Quasselkopf, Quasseltante, Schnatterer, Schnattergans, Schnatterliese, Schwafler, Schwatzbasef, Klatschmaul, Quasselstrippe, Quackeler* “болтун”; рус. *бараба, баля, балабол, балаболка,*

бах, баюн, болтуха, болтуша, болоно, болтня, ботало, брякуша, брякалка, говоруха, говорок, говорунчик, звонарь, ляпа, лаптунья, чекуша, чикошня, хлопуша, тараторка, трещетка, трепло.

3. Лжец, склонный к обману: нем. *Quadratschnauze, Quatschmeier, Quatschmichel, Quatschkopf* “трепач, брехун”; рус. *брехло, брехало, свистун, хлопуша, болтун, звонарь, трепло, базарило, ботало, трекало, хлопушка.*

4. Говорящий очень быстро: нем. *Schwatzbas, Plappertasche, Klapperschlange, Ratsche* “болтунья, трещотка”; рус. *тараторка, трещотка, чикошня, чикуша, балаболка, таранта, чечетка, цокотуха.*

VIII. Разговор (обычно характеризованный):

нем. *Plauderstündchen* “лёгкая беседа”, *Kladderadatsch* “сплетни, пересуды”, *Klatsch* “сплетни, сплетня”, *Hallo* “шум, крик, галдёж, суматоха”, *Heckmeck* “ненужные разговоры”, *Summ; Flüsterpropaganda, Geklatsche, Gemunkel, Geschwätz, Getratsch, Hechelei, Kaffeeklatsch, Klatschen, Klatscherei, Klatschgeschichte, Tratsch, Klatsch und Tratsch, Geträtsch, Geträtsche* “болтовня”; рус. *болковни, говор, говоря, чикошня, болтовня, брехня, галдеж, жужжание, лепет, треп, трепотня, тарабарица, стрекот, свист, талы-талы, трескотня.*

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОНОМАТОПЕИ
(количественный анализ)

Разделы	Подразделы	Группы	Подгруппы	Нем. яз. ед.	Рус. яз. ед.	Нем. яз. %	Рус. яз. %		
1. Реальность	1. Реальность	1. Обусловленность	1. Обусловленность		3		0,1		
			2. Касательство		2		0,07		
	2. Связь	2. Отношение	3. Отрицание	3	4	0,13	0,13		
2. Образование (формация)	3. Содержание	3. Образование	Итого:	3	9	0,13	0,3		
			4. Соединение	15	22	0,69	0,7		
			5. Разделение, часть	35	42	1,56	1,4		
			6. Получать, приобретать, брать	11	12	0,50	0,4		
			7. Удалять, исключать	4	6	0,18	0,2		
			8. Основа	4	7	0,18	0,22		
			9. Содержание		4	0,18	0,13		
			10. Соответствие		4	0,18	0,2		
			11. Искажение, путаница		15	0,69	0,7		
			12. Точность		2	0,09	0,16		
			13. Полнота		4		0,13		
			14. Одинаковость		3	0,13	0,1		
			15. Неопределенность		2	0,1	0,1		
			16. Недостаточность		3	0,13	0,1		
					Итого:	98	139	4,42	4,54
			3. Множествен- ность	5. Величина	8. Величина	17. Число	2	3	0,09
18. Собираться, скапливаться	3	7				0,13	0,21		
19. Группа	6	6				0,28	0,2		
20. Совокупностьмножество	15	27				0,69	0,8		
21. Нисколько	2	6				0,09	0,2		
22. Малое	15	10				0,69	0,3		
23. Уменьшать	8	11				0,35	0,35		

Разделы	Подразделы	Группы	Подгруппы	Нем. яз. ед.	Рус. яз. ед.	Нем. яз. %	Рус. яз. %			
4. Природа	6. Форма (пространственная)	9. Форма (пространственная)	24. Увеличить	2	3	0,09	0,1			
			25. Скорость	26	21	1,15	0,7			
			26. Интенсивность	24	5	1,0	0,16			
			27. Округлость, шар, пишка	32	68	1,42	2,2			
			28. Отверстие, полость	31	46	1,38	1,5			
			29. Изгиб, кривизна	21	20	0,92	0,6			
			30. Стык, граница	8	8	0,35	0,26			
			31. Следы, пятна	7	17	0,31	0,6			
			Итого:				201	258	8,94	8,28
			7. Явление	10. Явление	32. Возникать, начинаться	2	6	0,09	0,2	
					33. Воздействовать	2	5	0,09	0,16	
		34. Вмешиваться, вторгаться	4	10	0,18	0,32				
		35. Организовать	7	6	0,31	0,2				
		36. Пережать	5	8	0,22	0,26				
		37. Побуждать к действию	8	4	0,35	0,13				
		38. Ограничивать	4	2	0,18	0,07				
		39. Уничтожить	4	4	0,18	0,13				
		40. Исчезнуть (материально)	7	5	0,31	0,16				
	11. Время	41. Протекать (во времени)	7	8	0,31	0,26				
		42. Момент	5	8	0,22	0,26				
8. Материя	12. Механика	43. Механическое движение	10	12	0,44	0,4				
		44. Удар	36	55	1,6	1,9				
		45. Деформация, разрушение	17	38	0,75	1,2				
	13. Вещество	46. Огонь	6	6	0,28	0,2				
		47. Жидкость	22	32	0,97	1,0				
	14. Звук	48. Производить звук	47	53	2,0	1,75				
Итого:				193	262	8,55	8,6			
5. Бытие	9. Вселенная	15. Планета	49. Небесная сфера, земля	9	12	0,4	0,4			
			50. Ландшафт	18	23	0,8	0,8			

Разделы	Подразделы	Группы	Подгруппы	Нем. яз. ед.	Рус. яз. ед.	Нем. яз. %	Рус. яз. %
		16. Природные явления	51. Дождь, снег, град и т.д. 52. Ветер 53. Холод, мороз 54. Жара 55. Ненастная погода	35 8 6 7 9	35 13 11 4 19	1,56 0,35 0,28 0,31 0,4	1,2 0,4 0,35 0,13 0,6
			Итого:	92	117	4,1	3,88
6. Организованность	10. Функционирование	17. Функционирование	56. Потребности, желание 57. Благополучие 58. Неблагополучие 59. Сигнализировать	3 17 23 6	9 19 27 8	0,13 0,75 1,0 0,28	0,3 0,6 0,9 0,26
	11. Информация	18. Информация					
			Итого:	49	63	2,16	2,06
7. Живая природа	12. Живая природа	19. Растения	60. Растения 61. Грибы 62. Помятая, выдолбленная природа 63. Животные 64. Птицы 65. Рыбы 66. Насекомые 67. Обиходные названия животных 68. Физиологическая сущность 69. Звуки, издаваемые животными 70. Слова подзывания и отгона животных	49 6 9 20 36 7 13 13 18 30 6 207	45 9 19 26 35 13 21 16 17 31 23 255	2,16 0,28 0,4 0,9 1,6 0,31 0,6 0,5 0,8 1,3 0,28 9,13	1,5 0,3 0,6 1,0 1,3 0,4 0,7 0,5 0,6 1,1 0,8 8,5
	13. Животные	20. Животные					
			Итого:	41	47	1,83	1,6
8. Человек	14. Человеческий организм	21. Физиологическая сущность	71. Органы, части тела 72. Дыхание 73. Принимать пищу 74. Пить 75. Сон 76. Половой акт 77. Другие физиологические процессы	13 14 6 7 15 21	22 24 6 10 27 23	0,5 0,6 0,27 0,3 0,7 0,9	0,7 0,8 0,2 0,3 0,8 0,8

Разделы	Подразделы	Группы	Подгруппы	Нем. яз. ед.	Рус. яз. ед.	Нем. яз. %	Рус. яз.%
			78. Здоровье	3	6	0,13	0,2
			79. Физическая слабость	11	35	0,50	1,1
			80. Боль>болезни, нездоровье	33	38	1,5	1,2
		22. Внешность	81. Красивый/некрасивый	5	9	0,22	0,3
			82. Фигура	15	4	0,7	0,13
			83. Подвижность / неподвижность	10	10	0,4	0,3
			84. Лицо	11	11	0,50	0,4
			85. Глаза	4	12	0,18	0,4
			86. Нос, уши	5	10	0,22	0,3
			87. Голова, волосы	7	16	0,3	0,5
			88. Губы, рот, зубы	6	10	0,27	0,2
			89. Руки	7	7	0,3	0,22
			90. Ноги	5	7	0,22	0,22
			91. Вес	4	11	0,18	0,36
			92. Рост	3	12	0,13	0,4
	15. Психика	23. Расстройство сознания	93. Расстройство сознания	17	31	0,56	1,0
			94. Невнимательность	3	12	0,13	0,4
		24. Мышление	95. Бесхарактерность	7	10	0,31	0,3
			96. Процессы понимания, мышления	9	11	0,4	0,4
	16. Эмоции	25. Эмоции	97. Отсутствие ума	12	14	0,53	0,5
			98. Радоваться, смеяться	13	14	0,58	0,5
			99. Злиться, сердиться	5	10	0,22	0,4
			100. Обида	13	8	0,57	0,4
			101. Плакать	13	23	0,57	0,8
			Итого:	336	490	14,77	16,13
9. Личность	17. Личность	26. Личность	102. Мужчина	25	36	1,1	1,2
			103. Женщина	9	19	0,4	0,6
			104. Дети	27	27	1,2	0,8
		27. Жизнь человека	105. Зарождение жизни	4	9	0,18	0,3
			106. Течение жизни	16	9	0,7	0,3

Разделы	Подразделы	Группы	Подгруппы	Нем. яз. ед.	Рус. яз. ед.	Нем. яз. %	Рус. яз. %
			107. Старение	18	12	0,8	0,4
			108. Смерть	11	16	0,50	0,5
	18. Духовная сфера	28. Духовная сфера	109. Интимные отношения, любовь	27	45	1,2	1,5
			110. Волнение, переживание	11	21	0,5	0,7
			111. Уныние	8	10	0,35	0,3
	19. Деятельность человека	29. Деятельность человека	112. Трудиться	17	15	0,75	0,5
			113. Бестолковая, неаккуратная деятельность	25	45	1,1	1,7
			114. Профессия, виды деятельности, место работы	22	29	1,0	1,0
			Итого:	220	293	9,75	9,8
10. Общество			115. Жизнь общества	5	15	0,22	0,5
	20. Культура	30. Общество	116. Особенности произношения	9	11	0,4	0,4
		31. Естественный язык	117. Голос	9	11	0,4	0,4
			118. Писать, почерк	12	15	0,5	0,5
			119. Читать	1	2	0,04	0,07
			120. Бранные окрики	9	14	0,4	0,5
			121. Возгласы удивления и восторга	14	15	0,6	0,5
			122. Ведение разговора	26	27	1,2	0,9
			123. Пустословие	30	30	1,3	1,3
			124. Люди, которые говорят	40	40	1,7	1,4
	32. Культура		125. Музыка	19	20	0,84	0,7
			126. Музыкальные инструменты	10	11	0,44	0,4
	33. Религия		127. Религиозные отношения, обычаи	3	9	0,13	0,3
			128. Сверхъестественное	7	19	0,3	0,7
	21. Экономика	34. Материальное положение	129. Богатство	8	9	0,4	0,3
			130. Скупость	11	7	0,50	0,2
			131. Бедность	5	10	0,22	0,3
			132. Деньги	10	17	0,44	0,6
			133. Заработать деньги	5	7	0,22	0,2

Разделы	Подразделы	Группы	Подгруппы	Нем. яз. ед.	Рус. яз. ед.	Нем. яз. %	Рус. яз. %
			134. Тратить деньги	9	9	0,4	0,3
			Итого:	242	298	10,83	10,27
11. Социальная сфера	22. Социальная сфера	35. Питание	135. Продукты питания, названия блюд	52	48	2,3	1,6
			136. Напитки	10	6	0,4	0,2
			137. Процесс приготовления пищи	8	8	0,35	0,3
			138. Вкусовые ощущения	5	4	0,22	0,13
			139. Употреблять спиртное	27	51	1,2	1,8
			140. Спиртные напитки	4	10	0,18	0,3
			141. Пивные заведения	4	4	0,18	0,13
			142. Человек. который пьет	4	38	0,18	1,3
			143. Досуг, развлечения	16	11	0,7	0,4
			144. Детские игры, игрушки, игровая деятельность	13	12	0,6	0,4
			145. Игры взрослых, игровая деятельность	20	12	0,88	0,4
			146. Азартные игры	6	9	0,28	0,3
			147. Курить	5	7	0,22	0,22
			148. Ложь, подхалимаж	23	18	1,0	0,6
			149. Гонор, хвастовство	9	22	0,4	0,7
			23. Поведение человека	38. Поведение человека		150. Наказание, презрение	7
151. Боязнь, страх	5	4				0,22	0,13
152. Упрямство	3	14				0,13	0,4
153. Униженно просить	8	12				0,35	0,4
154. Задевать самолюбие	5	7				0,22	0,22
155. Неуважение, дискредитация	7	7				0,31	0,21
156. Обман	5	11				0,22	0,3
157. Война	4	10				0,18	0,33
158. Оружие огнестрельное	11	24				0,50	0,8
159. Оружие холодное	3	7				0,13	0,22
24. Государство	39. Армия	40. Правонарушения	160. Драка, избиение	8	13	0,35	0,4
			161. Убийство	11	19	0,50	0,6

Разделы	Подразделы	Группы	Подгруппы	Нем. яз. ед.	Рус. яз. ед.	Нем. яз. %	Рус. яз. %			
			162. Кража, воровство	8	15	0,35	0,5			
			163. Наркотики	7	14	0,3	0,4			
			164. Другие правонарушения	10	6	0,4	0,3			
			165–166. Преступники, социальные элементы	15	42	0,7	1,4			
			167–169. Осудить, арестовать, судимость	11	7	0,50	0,23			
			Итого:	333	509	14,84	16,19			
12. Цивилизация	25. Быт	41. Постройки	170. Общественные отношения	9	20	0,4	0,7			
			171. Жилище человека	13	18	0,6	0,6			
			172. Бытовые	12	11	0,5	0,4			
			173. Отходы	7	10	0,31	0,33			
			174. Имущество, утварь	4	2	0,18	0,07			
			175. Одежда	12	14	0,5	0,5			
			176. Ветхая одежда	2	9	0,1	0,3			
			177. Ткань	8	9	0,35	0,3			
			178. Обувь	6	19	0,27	0,6			
			179. Головные уборы	8	10	0,35	0,3			
			180. Аксессуары	11	14	0,50	0,5			
			181. Посуда	11	13	0,50	0,5			
			182. Мебель	9	12	0,4	0,4			
			183. Способ передвижения	34	29	1,5	1,0			
			44. Передвижение человека							
			26. Техника			184. Возделывание почвы, с/х инвентарь	11	17	0,50	0,55
						185. Бытовые инструменты	25	30	1,1	1
						186. Для охоты, рыбалки	5	17	0,22	0,55
						187. Технические приборы	37	16	1,6	0,55
27. Технология			188. Средства передвижения	10	27	0,44	1,0			
			189. Обработка древесины	14	18	0,61	0,7			
			190. Технологические процессы	14	10	0,61	0,3			
			191. Функционирование техники	24	7	1,06	0,2			
			Итого:	286	332	12,38	11,45			
			ВСЕГО:	2260	3125	100	100			

РЕГУЛЯРНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ

АКУСТИЧЕСКИЙ ДЕНОТАТ

Удар, звук удара > отрицание: нем. *abschlagen, ausschlagen* “отвергать”; “отказываться (от чего-л.)” (*schlagen* “бить, колотить”); *aus den Angeln reißen* “перевернуть вверх дном” (*reißen* “рвать”); рус. *отбиваться; отказать наотрез, отталкивать, отклонять*.

Удар, звук удара > соединение/разделение, часть: нем. *klitschen* landsch. “склеиваться”; *klitschig* террит. огран. “липкий”; *haken* ю.-нем., *picken* австр “липнуть”, *Schellen* “наручники; кандалы”; *prünen* nordd. ugs. abwertend “нескладно, плохо шить, скульпляпать”; рус. *пучок, цепь, сцеплять, приляпать, липнуть*; нем. *Butz* “сердцевина (яблока)”; *Zacke* “обрубок; кулята; остаток; огарок (свечи); окурок (папиросы)”; *pochen* “толочь; дробить; измельчать (напр., руду)”; *Brocken* “кусочек; крошка; обломок; осколок; кусок”; рус. *прервать; рассечь; дробить; отрезок; обломок; осколок*.

Удар, звук удара > деформация, искажение > путаница, неразбериха: нем. *kaputt* “разбитый, испорченный, сломанный, разорванный”; *Knick* “надлом, излом”; *bröcklig* “рассыпчатый, хрупкий, ломкий, выкрашивающийся”; *krumm* “кривой, изогнутый, согнутый”, *Krüppelgurke* “уродливый по форме [кривой] огурец”, *krüppelhaft, krüppelwüchsig* “корявый, низкорослый (о дереве)”; рус. *скрючиться, рвать, лопаться, разрезать, треснуть, хрухнуть, ломать(ся), дерть* “крупное драное дерево”; *коряга* “суковатый пенёк”; нем. *verzerren* “искажать” (*zerren* “дёргать (грубо, с силой); рвать”); *verkrüppeln* “изуродовать”; *schief und krumm* “вкривь и вкось”; рус. *корявый, вкривь и вкось; перекося; передергивать, ломать*, нем. *Verwirrung, Wirrwarr* “путаница”; *Fitze* разг. “клубок, путаница” (*fitzen* landsch “мелко нарезать [сечь]”); рус. *шиворот-навыорот; сбиться с толку; черт голову [ногу] сломит*.

Удар, звук удара > совокупность: нем. *Klumpatsch* диал., *Klump* nordd., *Pflatsch* “куча, груда”, *wimmeln von D, knüppeln, kribbeln* “кишеть” (чем-л.); рус. *куча, чохом*.

Удар, звук удара > интенсивность, скорость: нем. *bümsvoll* salopp “переполненный”; *knackend* “переполненный, битком набитый”; *knicksicher* “устойчивый (по отношению) к продольному изгибу”; *pisswarm* derb “неприятно теплый”; *knallheiß* “очень жарко”, *hauchzart* “очень нежный, нежнейший; очень тонкий, тончайший”, *schwipp, schwupp, wupp, schwuppdiwupp, ritsch-ratsch* “быстрое, неожиданное и/или интенсивное действие, движение”, *schwipp* “быстрый”, *holterdiepolter* “сломя голову”; рус. *трах-бах, раз, хват, сломя голову; битком набитый, броский; хлесткий; взрывной*.

Удар, звук удара > округлость, выпуклость: нем. *Zacke* “желвак, шишка, нарост”, *Beule* “шишка, желвак (на теле)”, “выпуклость, вмятина (на металлической посуде)”, “вы-

пучина, отдулина, выступ”, *Plotzer* “шарик (из стекла)”; рус. *кочка, почка, плюшечка* “таблетка”.

Удар, звук удара > полость, пустота: нем. *Beutel, Büdel* nordd. “мешок, кошелёк” (< ie. *b(e)u-, *bh(e)u-, *b(h)ū- ‘schwellen’ “разбухать”), *Zecker* “корзина для покупок”, *Kötze, Kieze* диал. “корзина”, *Knappsack* “котомка, ранец, сума (у нищих)”; рус. *копанец* “колодец”, *чаплажка, буча* “сосуд”, *бучок* “корзина”, *плюшка* “рюкзак”, *щерба* “выбоина”.

Удар, звук удара > изгиб, кривизна: нем. *Bogen* “дуга”, “изгиб”, “арка”, “древесина для гнутья, свод”, *Biegeholz* “гнутая древесина”, *Beuge* “излучина (реки), кривизна, выгиб (поверхности)” (*biegen* “гнуть”), *Buckel, Puckel* “горб”, *buckeln* “выгибать спину (напр., о кошке)”, *Kringel* “кривой, неровный круг”; рус. *корячить* “гнуть”.

Удар, звук удара > начало, ускорение, ограничение, исчезновение, окончание действия: нем. ♦ *den Laden (schon) schmeißen* фам. “провернуть/обтяпать это дело” (*schmeißen* “швырять, кидать, бросать”); рус. *провернуть, обстригать, обтяпать, разбить* (сад); нем. *puffen, anstoßen, anspornen* “подгонять, побуждать, поощрять”; рус. *подтолкнуть, понукать, дать толчок*; нем. *futsch sein, hops gehen, trallala gehen* “исчезнуть, пропасть”, *sie wären wie fortgeblasen* “их точно ветром сдуло”, *heidi gehen* ugs. “сгинуть, пропасть”; рус. *превратиться в прах, как ветром сдуло, ухайдакать*.

Удар, звук удара > движение: *bremsen* “(за)тормозить”, *hopsen* “прыгать, скакать”, *huscheln* “промелькнуть, скользнуть”, *Abstoß* “толчок, отталкивание”, *Bruch* “разрыв”, *drehen* “вращать, крутить, вертеть”, *Wirbel* “круговорот; кружение, вихрь”, *schaukeln* “качать, раскачивать”, *Ruck* “толчок, рывок”; рус. *скакать, проскочить, круговорот, кружить, виться, вертеть, толчок, рывок, качать*.

Удар, звук удара > жидкость: нем. *Patsche* “лужа; слякоть”, *Tatsch* “грязь, слякоть”, *es pieselt* fam. “идет мелкий нудный дождь”, *Platsch* “ливень”, *zapfen* “цедить, наливать (вино из бочки и т.д.)”, *Tippel, Tüpfel* “капля”, *plempern landsch.* “лить”, *quatschen* “хлюпать (о жидкой грязи)”; рус. *булькать, капли, болтыхать, хлюпать, плюхаться, разбрызгивать, прыскать*.

Удар, звук удара > небесная сфера, земля: нем. *Erdkruste* “земная кора”, *Urknall* “Большой взрыв (момент начала развития расширяющейся Вселенной)”, *Erdbeben* “землетрясение”, *Großbeben* “сильное землетрясение”, *Ausbruch* “извержение вулкана”, *Schwarzes Loch* “чёрная дыра”, *Riß* “трещина”, *Bruch* “разлом”, *Himmelsglocke* “небосвод”; рус. *чёрная дыра, плешивый месяц, блинница* “утренняя звезда”, *земная кора, разлом, трещина, обломки, чёрная дыра, хлябь* “неизмеримая глубина моря или неба, бездна”.

Удар, звук удара > ландшафт: нем. *Rutsch* “оползень”, *Kraxelfelsen* “крутая скала”, *Krachen* schweiz. “лощина, ущелье, пропасть”, *Tobel* “глубокое ущелье, каньон”, “промоина”, *Klippe* “крутой утёс, риф”; рус. *склон, обрыв, скала, ущелье, ключ, исток, хрящ* “ключ в болотистом месте”.

Звук (удар, шум, тон) > природное явление: нем. *Huscher* “(лёгкий) порыв ветра”, *pusten* “(сильно) дуть (о ветре)”, *Vö* “шквал; (сильный) порыв ветра”, *blasen* “дуть (о ветре)”, *sausen* “шуметь; свистеть (о ветре и т.п.)”, *klirrender Frost, krachende Kälte* ugs. “трескучий мороз”; рус. *дуть, свистеть, завывать* (о ветре), *а-а-а, гу-у-у, у-у-у* “завывание ветра, метели”, *гудеть* (о ветре), *грянуть, ударить* (о морозе), *снежные хлопья, колотун, трещать* (о сильном морозе).

Удар, звук удара > благополучие/неблагополучие: нем. *klappen* “удаваться, ладиться, идти на лад”, *Heidenglück* ugs. “неслыханное [необыкновенное] счастье”, *tipptopp* “безупречный, отличный”, *bockstark* “клёвый, классный”, *Kladderadatsch* “крах, провал, фиаско”, *in die Patsche kommen* “попасть впросак, влипнуть”; рус. *не подкопаешься, не придраешься, комар носа [носу] не подточит, катить масть, чик-чирикнуть, туп-туп, чики-чики; раз плюнуть [чихнуть]* “легко справляться”, *влипнуть, вляпаться, выбивать(ся) из колеи*.

Удар, звук удара > растения: нем. *Bockbeere* “смородина чёрная (*Ribes nigrum* L.)”, *Knackbeere* “земляника зелёная, полуница”, *Knackmandel* “миндаль обыкновенный”; рус. *пуколка* “почка”, *кочки* “крупный синий ирис”, *пучки* “борщевка”, *плюшник* (*Greceria Spektabilis*), *болтавка* “лилия”, *болтовник* (*Gentaurea Phrygia*) “василек луговой, сивец луговой”.

Удар, звук удара > животные: *Klapperschlange* “гремучая змея”, *Klippschliefer* “даманы”, *Klippspringer* “антилопа-прыгун”, *Trampeltier* “двугорбый верблюд”, *Schlappohr* “вислоухий (о зайце и т.п.)”, *Klappmütze* “хохлач”; рус. *бухало* “филин”, *кочка* “курица”, *бухма* “корова”, *бах* “кляча”, *бучень* “бык”.

Удар, звук удара > органы, части тела: нем. *Patsche* “лапа (о руке)”, *Klappe* *salopp* *derb.* “глотка”, *Breche* *диал.* “брюхо, пузо”, *Plauze* *landsch* “лёгкое”; рус. *хлопушка* “сердце”, *грабка* “рука”, *брюхо* “живот”.

Удар, звук удара > принимать пищу, пить: нем. *pickern* “есть”, *bamsen* “набивать едой”, *acheln* *jargon* “есть, жрать, рубать”, *hinunterkippen* “пить большими глотками”; рус. *чупать, тюкать, буткать, бацать, тяпать, рубать, жрать, хряпать, хлестать* “пить”, *журнуть* “отпить”.

Удар, звук удара > половой акт: нем. *bocken, knacken, bumsen, puffen, floppen* жарг., *bürsten* *vulg.*, *poppen* *landsch. derb* “коитieren”; ♦ *die/eine Alte knallen* “перепихнуться, трахаться”, *pimpfern* *derb* “шалить, возиться (о половом сношении)”; *Bums* “Coitus”; рус. *хлопать, бахаться, бабахаться, бацаться, ухаться, бухать, пилиться, пороться, порево, драть, дергать, трахать, трах, трухнуть на ляжки, трахаться, чик-чирикнуть, шлепка*.

Звук (удар, шум, тон) > боль > болезни, нездоровье: нем. *rasselnde Atmung* “хриплое дыхание”, *Kratz* “шрам, рубец”, *summen* *bildl. ugs.* “гудеть (о голове)”, *Rauschbrand*

мед. “газовая гангрена”, *Brummkater* ugs. “шум в голове (с похмелья)”; рус. *гудеть, чесотка, зуд, трещать, трясушка* “озноб, жар”.

Удар, звук удара > некрасивость, уродство: нем. *Buckelkraxe* “некрасивая женщина”, *bummer* “безобразный, некрасивый”, *pickelig* “прыщавый”, *batzlaugert* “пучеглазый”, *Knolle* “нос картошкой”, *Krummnase* “кривой нос”; рус. *корявый* “рябой человек”, *бучня, чувырло* “отталкивающий”, *хлопалки* “уши”, *буркалы* “глаза”, *пучеглазый*.

Удар, звук удара > расстройство сознания: нем. *austicken* “свихнуться”, *Tick* “одержимость, причуда, каприз”, *Raps, Rappel* “внезапное помешательство, приступ бешенства”, *plemplet, plim-plim salopp* “свихнувшийся, ненормальный”; рус. *стукнутый об стенку/(пыльным) мешком/палкой* “странный, оторопевший, не в себе”, *как громом хлопнуло, башию снесло, бухой, чокнуться, стукнуться* “сойти с ума”, *трехнуться, торопеть, трехнуться* “сойти с ума”.

Удар, звук удара > процессы мышления, понимания: нем. *rauken* “зубрить, долбить”, *klick machen* “усечь, до кого-л. дошло”, *auf den Kopf knallen* “вдалбливать ком-л. что-л. в голову”, *etw. geschnappt haben* “въехать, врубиться, усечь, понять что-л.”; рус. *долбить* “твердить наизусть”, *усечь, бахтурить* “перегружать мысли чем-либо”, *бачить* “понимать”, *баштан* “умный человек”.

Удар, звук удара > человек: *Kloben* “чурбан; неотёсанный, грубый человек” (*klieben* “колоть”), *Knispel* landsch. “надоедливый человек” (*knispeln* “теребить что-л., издавая негромкий звук”), *Butzawaggl* “капризный маленький ребенок” (*butzen* dial. “толкать; ударить, бухать”), *Fips* “мальш” (*fipsen* “дать щелчок кому-л.”); рус. *чурбан, хлыстка* “проститутка”, *плюхало, хлыщ, хлюст, болтень, бацун* “драчун, забияка”

Звук (удар, шум, тон) > человек: нем. *Pinkel* ugs. abwertend “пижон, задавала”; *Brausekopf* “вспыльчивый человек”; *Ruschel* “сумасбродка, взбалмошная баба” (*ruscheln* “шуршать, шелестеть”); рус. *пискаля* “слабак, нытик”, *пискун, верезга* “плаксивое дитя”, *хлюпик*.

Звук (удар, шум, тон) > зарождение жизни: нем. *es hat bei ihr geklingelt* “она забеременела” (*klingen* “звенеть, звонить”), *es hat bei ihr geschnappt* “она залетела” (*schnappen* “щелкать”); рус. *тереть* “метать икру”.

Удар > течение жизни: нем. *Knackpunkt* “переломный момент”, *Zapfenstreich* “время отбоя”, *auf Aufbruch heiraten* шутил. “выйти замуж (жениться) в расчете на скорую смерть богатого супруга (супруги)”, *schnappen* “стремиться найти, раздобыть, охотиться за наследством”; рус. *протекать; стечение* обстоятельств; *катиться, куриться* “жить без суеты”, *как курочка* “о тихом, спокойном”, *браться* “сочетаться браком”.

Удар, звук удара > старость: нем. *Runkunkel* разг. “старушенция; старая карга”, *ein alter Knacks / alter Knacker* “старик”; *Knirps* “человек старый”, *Kracher* abwertend “старикан, старая развалина (о человеке)”; рус. *стереться; чахнуть*.

Удар, звук удара > смерть: нем. *abschnappen* груб., *abkratzen* вульг. “протянуть ноги, сдохнуть”, *eins vor die Plauze kriegen* “быть убитым, погибнуть”; рус. *копыта откинуть*, *кондрашка стукнул*, *укокошить*, *задолбить*, *прибить* “убить”.

Удар, звук удара > интимные отношения, любовь: нем. *butzen* “целовать”, *tätscheln* “ласкать, гладить”, *es hat bei ihr geschnappt* “она втрескалась”, *Grabscher*, *Grapscher* “мужчина, который лапает женщину”, *Zicke* “потаскуха”, *mit Wimpern klimpern* “строить глазки”, *mit den Augen klappern* “стрелять глазами, кокетничать”; рус. *целкать* / *стрелять глазами* “кокетничать”, *ухлестывать* “ухаживать”.

Удар, звук удара > волнение, переживание: нем. *Ruck* “волнение, возмущение”, *bocken (sich)* “скупать”, *grämen* “огорчать, печалить” (*um Akk*, *über Akk*) (*sich*) “скорбеть, грустить, печалиться, тосковать”, *zittern (vor D)* “дрожать, переживать”, *beben (für, um Akk)* “дрожать, бояться, трепетать”; рус. *кокотать* “оставаться одной, горевать”, *кукситься*, *скука*, *кататься* “горько плакать, распластавшись на земле”, *скрести* “[скребет] на душе [на сердце]”, *дергаться* “нервничать”, *трепать* “дрожать”.

Удар, звук удара > упорная деятельность человека: нем. *bimsen* “трудиться, стараться изо всех сил” (*bimsen* ugs. “лупить, колотить”), *plotzen* “упорно работать” (*plotzen* “ударять, бить”), *rackern* südd. (*rack* “трах”) “трудиться, биться, мучиться”; рус. *биться*, *долбить*, *грызть* (гранит науки).

Удар, звук удара > бестолковая, неаккуратная деятельность: нем. *patschert* “неловкий, неумелый” (*patsch* “бах, хлоп”), *huscheln* dial. “работать небрежно, кое-как, тяп-ляп” (*husch* “шух, шмыг”), *Flöhe knacken* “бездельничать, прозябать” (*knacken* “щёлкать, давить (блох)”) *plempern* landsch. “шататься, слоняться, бездельничать” (*plempern* “плескаться, шлёпать по воде”); рус. *чикаться*; *тяп-ляп*, *кочкать* “делать небрежно”, *бухтень*, *хлобыста* “человек ленивый”, *груши околачивать* “бездельничать”, *лоботряс* “бездельник”.

Удар, звук удара > человек, осуществляющий деятельность: нем. *Kicker* “футболист”, “хоккеист” (*kicken* “ударять, толкать (шайбу – в хоккее); бить (по мячу – в футболе)), *Hauer* “забойщик” (*hauen* “(оружием) рубить, наносить удар”), *Klapperschlange* abwertend “машинистка” (*klappern* “громыхать; стучать”); рус. *лесоруб*, *дровосек*, *долбила* “плотник”, *копач* “могильщик”, *болвашка* “милиционер”, *бахора* “знахарь”, *шлепок* “курсант”.

Удар, звук удара > общественная деятельность: нем. *Umschwung* “переворот” (*schwanken* “колебаться; качаться”), *Wortverdreher* “крючоктвор, фальсификатор, человек, искажающий чужие слова” (*drehen* “вращать, крутить”), *Umsturz* “свержение, ниспровержение власти; переворот (общественный)” (*stürzen* “сбрасывать, кидать”); рус. *дорваться до власти*; *провалить (выборы)*; *вырвать кресло* (из-под кого-л.) “снять с должности”; *крючоктвор* “бюрократия”; *шишка* “важное, влиятельное лицо”.

Удар, звук удара > говорить, общаться: нем. *Sprüche klopfen* “разглагольствовать, произносить общие фразы, витийствовать”, *klipp und klar* “коротко и ясно, недвусмысленно”.

но, без намёков / обиняков”, *Tip* “подсказка, намёк, указание”, *klatschen* “выболтать, проболтаться”, *klappern* “болтать, трещать”; рус. *хлопать*, *ботать* “болтать, сплетничать”, *брякнуть* “сказать невпопад”, *шлепать* “болтать”.

Звук (удар, тон, шум) > говорить: нем. *säuseln* игоп. “шептать” (*säuseln* “шелестеть, шуршать”), *ratschen* südd., schweiz. ugs. “болтать, бормотать; говорить скороговоркой” (*ratschen* “трещать”), *plätschern* ugs. “журчать (о речи)”, (*plätschern* vi “журчать (о ручье)”); рус. *шуршать* “ворчать, выражая недовольство”, *тархтеть* “быстро или много говорить”, *жужжать* “говорить одно и то же монотонно, надоедливо”.

Удар, звук удара > ругаться: нем. *Krach machen* [*schlagen*] ugs. “скандалить” (*krach* “звук удара”), *Donnerwetter* “нагоняй, шумная ссора, скандал” (*donnern* “греметь”), *Halt die Klappe!* “Заткнись! Заткни глотку! Захлопни рот!” (*klapp* “хлоп” > *Klappe* ugs. “рот”), *Fick dich (bloß) ins/aufs Knie!* вульг. “Да, отвали ты! Ну, ты меня достал!” (*ficken* dial “совать”; *derb* “обладать (женщиной)”, “сечь, хлестать”); рус. *рубиться*, *пикироваться*, *резаться на словах*; *долбить*, *боркать* “ругать”; *Кол бы те в землю! Колом тя в горло! Заткнись! Отвали!*

Удар, звук удара > писать: нем. *Krähensfüße* “каракули”, *kratzen* “царапать, писать каракулями”, *hauen* “накатать, подмахнуть, подписать”, *hinhauen* фам. “нацарапать, небрежно написать, накатать”; рус. *накорябать*, *накатать*, *чиркать*, *нацарапать*, *закорючка*.

Звук (удар, тон, шум) > музыка, музыкальные инструменты: нем. *klimpern* “бренчать на музыкальном инструменте” (*klimper-klamper* “звук музыкального инструмента (пианино и т.п.)”, *Brummeisen* n “губная гармошка” (*brummen* “гудеть, жужжать”), *Schrump f* ugs. “скрипка” (*schrump* “трень, брям, трям”), *Zupfgeige* “гитара” (*zupfen* “дергать”); рус. *тренькать*, *бренчать*, *скрипка*, *бандура* “струнный инструмент”.

Удар, звук удара > сверхъестественное: нем. *Butz*, *Butzemummel*, *Butzemann*, *Puck* “домовой, гном, барабашка”, *Spiuk* “привидение, призрак; нечистая сила”; рус. *кикимора*; *кукан*, *барабашка*, *шишкун*, *бабайка*, *бабай*, *баба-яга*; *бабака*, *бука*, *бубука*, *бомка* “страшилище”.

Звук (удар, тон, шум) > деньги: нем. *Vims* (*bim* “звон колокола”), *Pierpen* salopp (*piep* “писк птенцов”), *Pinke* ugs. (*pink*, *pink* “металлический звон”); рус. *шелест*, *хрусты*, *динь-динь*.

Звук (удар, тон, шум) > богатство / бедность: нем. *mit Kling und Klang* “с большой роскошью”, *mit Geld in der Tasche klimpern* “звенеть деньгами [мелочью] в кармане”, *Knacker* “скряга”, *Klippschuld* “небольшой долг, должок”; рус. *корка* “слиток серебра”, *ханок* “большая прибыль”.

Удар, звук удара > заработать деньги / тратить деньги: нем. *etw. (die Kasse) zum Klingeln bringen* “где-л. появились деньги, зазвенели монеты”, *aus etw. Geld herausschlagen* “делать деньги, зашибать деньги”, *den großen [einen fetten] Happen schnappen* “урвать

львиную долю”; рус. *сшибить / подмолотить / выколотить / срубить / сшибить / зашибить* *деньгу / монету / копейку; срубить бабок / капуста;* нем. *Das Geld ist futsch!* “Плакали денежки!”, *verplempern* “профукать транжирить, тратить попусту”, *jmdm. Geld abzapfen* “выкачивать деньги из кого-л., “доить, сосать кого-л”, *jmdm. auf den Beutel klopfen* “пожиться (покутить) за чей-л. счёт, заставить раскошелиться кого-л”; рус. *трясти (деньгами); ухлопать, профукать, качать, швыряться деньгами.*

Удар, звук удара > продукты питания, напитки: *Tatsch* “каша”, *Hoppelropfel landsch.* “жареный картофель с ветчиной [с салом], залитый яйцами”, *Vampf (Pampf) bayern.* “густая каша”, *Knackwurst* “копчёная колбаса”, *Plempe landsch.* “бурда (о кофе)”, *Schlappermilch* “кислое молоко”; рус. *клёкое тесто, чеснок, клецки, крома* “горбушка хлеба”, *середка* “ломоть хлеба”, *болтокиша* “простокваша”, *шпучка.*

Удар, звук удара > пить спиртное: нем. *einen Zacken haben* “быть под хмельком”, *kübeln* “хлестать (вино, водку)”, *Sause, Sauser* “кутёж, попойка”, *kneipen* “кутить, пьянствовать”, *schnapsen* “пить водку”, *Schwips* “лёгкое опьянение”, *zwitchern* “пить”, *gurgeln* “выпить алкоголь”, *bürsten* шутл. “пить, выпивать”; рус. *клюкнуть, бухнуть, зашибать, трескать, долбануть, трахнуть, тарарахнуть, шмякнуть, хлопнуть, хватануть, хапнуть, раздавить, шарахнуть, вмазать, цапнуть, зашибить, тяпнуть, гудеть, врезать, вдарить, тюкнуть, шваркнуть, хряпнуть, бахнуть, хлобыстнуть.*

Удар, звук удара > развлечение: нем. *Zicke* “проказы, (дурацкие) проделки, выходки, шутки”, *Rumtata* “танцы, песни, веселье”, *Hopphei nordd. ugs.* “шумный праздник”, *Rutsch* “прогулка, вылазка”, *Rutscher* “галоп (танец)”; рус. *тукоток, бацалки, теньцы-беньцы* “танцы”.

Удар, звук удара > игра, игрушки, игровая деятельность: *Poch* “пох, стукалка (азартная игра)”; нем. *Tocke* “кукла”, *zecken* “салить, пятнать (при игре в салки, пятнашки)”, “играть в салки [в пятнашки]”, *Hopse landsch. ugs.* “детская игра «Himmel und Hölle»”, “клеточки для игры в классики”, *Schaukel* “качели”, *Klucker, Klicker* “шарик, бабка”; рус. *куча мала* “детская игра”, *копаться [рыться]* в песке, *прыгалки* “классики”, *бухалы* “войнушки”, *резать* (в шахматы и т.п.), *плюхта* “стальная бита”, *хлопта* “плошка для игры в лапту”, *лапта, касло, копытце*, “азартная игры”.

Удар, звук удара > курить: нем. *plotzen landsch. bes. westmd.* “курить (затягиваясь)”, *Mutz диал.* “окурок”; *Matschker венск.* “окурок (сигары)”, *eine Zigarette kippen* “недокурить папиросу”; рус. *шабить, шкворчать, бычковать, бычарик, бычок.*

Удар, звук удара > ложь, подхалимаж, коварство: нем. *betakeln* “обмануть, перехитрить”, *zickig* “капризная, своенравная, ломака”, *bamstig* “заносчивый, чванливый, деревянный”, *verknacken* “оставить в дураках (кого-л.)”, *es knüppeldick hinter den Ohren haben* “быть отъявленным плутом, отпетым пронырой”; рус. *расшаркиваться, ходить на цыпочках, плести лапти, каракчить* “мошенничать”, *подлизываться.*

Удар, звук удара > гонор, хвастовство: нем. *sich (D.) an die Brust klopfen* “похваляться, возгордиться”, *brodeln* ю.-нем. “хвастаться, важничать”, *Pinkel* ugs. abwertend “фат, воображала”, *ein feiner Pinkel* ugs. abwertend “франт, стилига”; рус. *набивать себе цену, бахвалиться, задирать хвост [нос], кичиться, ныжить*.

Удар, звук удара > упрямство: нем. *bocken (sich)* “капризничать, упрямиться”, *sich [D] die Eier schaukeln lassen* вульг. “ломаться/капризничать”, *mäuen* “упрямиться, упорствовать”; рус. *дрочиться* “приставать”, *хорохориться, ломаться*,

Удар, звук удара > (униженно) просить: нем. *Klinken putzen* ugs., *sich (D) die Hacken ablaufen* (nach D) “обивать пороги (добиваясь чего-л.)”, *einen krummen Buckel machen* “гнуть спину, угодничать, низкопоклонничать”; рус. *бить [ударять] челом, ломать [ломить] шапку*.

Удар, звук удара > осудить, арестовать: нем. *bumsen* “застукать”, “арестовать”, *verknaack(s)en* “засудить, приговорить к заключению (кого-л.)”, *schnappen* “сцапать”, *brummen* ugs. “сидеть в тюрьме [под арестом]”; рус. *схватить, сцапать, защелкнуть наручники* “арестовать”, *гон-стон* “вид преступления”, *зацокать* “быть свидетелем”.

Удар, звук удара > постройки, заведения: нем. *Klippschule* “начальная школа (учебное заведение) примитивного типа”, *Kerker* “тюрьма, темница”, *Puff* “публичный дом”, *Klitsche* “мелкое поместье, захудалое хозяйство, халупа дачка”, *Plumpsklo*, *Plumpsklosett* “уборная, туалет (без спуска), нужник”, *Kuckuck* “полевая кухня”; рус. *трухалек* “туалет”, *плюшина* “сарай”, *щепник* “для хранения дров”, *тычком* “кабак”.

Удар, звук удара > отходы: нем. *Zacke* “обрубок; кулья; остаток; огарок (свечи); окурок (папиросы)”, *Mutz* dial. “старый [поломанный] инструмент; обрубок”, *Scherbe* “черепок, обломок, осколок, бой (стекла)” (< ie. *(s)ker(ə)- ‘schneiden’ “резать”), *Borke* *террит. огран.* “струп, короста”, “грязь” (< ie. *bher- ‘scharfen oder spitzen Werkzeug bearbeiten, schneiden’); рус. *отброс, осколок, обломок, охлопок, шелуха, скорлупа*.

Удар, звук удара > предметы быта: нем. *Krimskrams* ugs. “хлам”, *Piepe* nd. “бочка”; *Kruke* ю.-нем. “большой глиняный кувшин; бутыль”, “баночка (для лекарств)”, *Furzkiste*, *Furzmulde* *груб. воен.* “походная койка”, *Ritsche* “скамеечка для ног”, *Krachledern* “кожаные штаны”, *Töffel* “домашняя туфля; шлёпанцы”, *Klitsch* “шапка”; *Kuscheltuch* “большой мягкий платок”; рус. *бутор, буторь* “имущество, пожитки, утварь, хлам”; *бученица* “кадка”, *бухарка* “стакан”, *пуфик*; *гроб* “пианино”, *бахотня* “сарафан”, *хлястик*, *плюшанка* “пиджак”, *чаплажка* “головной убор”, *чухалка* “расческа”.

Удар, звук удара > передвижение человека: нем. *tappeln*, *dappeln* “идти мелкими шажками”, “семенить”, *zuckeln* “идти трусцой”, “медленно брести, плестись”, *zippeln*, *zippern* “семенить ногами”, *patschen* “шлёпать, топтать (по грязи, воде и т.п.)”, *zischen* “молниеносно передвигаться, издавая свистящий звук”, *huscheln* “двигаться с лёгким шу-

мом”, “прошмыгнуть, промелькнуть, пробежать, скользнуть”; рус. *чапать, топать, шлёпать, шаркать; костями брякать* “быть в состоянии ходить”, *переть* “идти напролом”.

Удар, звук удара > инструмент, устройство: нем. *Patschen* “хлопушка”, *Bocksäge* “лучковая пила”, *Schnappmesser* “складной нож”, *Picke* “кирка”, *Rackmesser* “топор (для разруба туш)”, *Ratsche* “гаечный ключ”, *Schar* “лемех (напр., плуга)”, “лапа (культиватора)”, “сошник (сеялки)”; рус. *стукалка, батог, долото, скоба, щипцы, цеп, чан, кочерга, хлопушка,*

Звук (удар, тон, шум) > передвижение транспортом: нем. *Klipper* “реактивный самолёт (лайнер) для трансатлантических полётов”, “клипер, быстроходное парусное судно”, *Töff* “машина (мотоцикл) тарактелка”, *Brummi spött.* “тяжелый грузовик”, *Krachsacher* ugs. “тарактелка, громыхало”, *Rutscherauto* “автомобиль-самокат (детская игрушка)”, *Schnauferl* ю.-нем. “драндулет, старомодная тарактелка”; рус. *драндулет, тарактелка, плюшинка* “с/х машина”, *чух-пух* “старый авто”, *бомба* “автомобиль БМБ”, *долбленка, ботник, ботик, буча* “вид судна”, *тырка* “тачка”, *трясучка* “телега”.

Удар, звук удара > дерево: нем. *Knieholz* “кривой лес (материал)”, *Kloben* “полено, чурбан”, *Klipper* “чурка”, *Klotz* “кряж, чурак”, *hauen, kappen* “рубить лес”; рус. *колотье, колода, болван* “расколотые бревна”, *болванка* “обрубок дерева”, *дерть* “крупное драное дерево”, *бахлан* “часть чурбана”, *бахмуга* “обрубок”, *чурбак.*

Удар, звук удара > технологические процессы: нем. *schaben* “тереть”, “скрести, скоблить”, “мездрить”, *ballen* “сбивать в комки”, *schroten* “крупно молоть”, “измельчать, гранулировать, мелко дробить”, *behauen* “обрубать (зубилом); обтёсывать”, *weben* “ткать, вырабатывать ткань”, *schneiden* “резать”, *pinken* “колотить (по чему-л., напр. молотком)”, “ковать”; рус. *рубить, тесать, ткать, резать, кроить, дробить, точить, скрести.*

Звук (удар, тон, шум) > функционирование техники: нем. *Krachtöter* tech. “подавитель помех; шумоглушитель”, *Brummfaktor* tech. “коэффициент пульсации”, *Klingeln* “детонация, детонационный стук двигателя”, *Knallschleppe, Knallteppich* “треск при прохождении реактивным самолетом, звукового барьера”, *Knack* “щелчки, треск; акустический удар”, *Klirrfaktor* tech. “коэффициент нелинейных искажений, клирфактор”; рус. *треск, свист, воющий тон.*

Артикуляторный денотат

Дыхание > начало: нем. *einer Sache (D) Leben einhauchen* “вдохнуть жизнь в к.-л. дело”; ср. рус. *вдохнуть душу* (во что-л.).

Дыхание > ветер: нем. *pusten, blasen* “дуть (о ветре)”; рус. *дуть, свистеть, завывать.*

Дыхание > старость: нем. *bis zum letzten Schnaufer* “до последнего издыхания/вздоха”; рус. *выдохнуться, дышать на ладан.*

Дыхание > смерть: нем. *j-s Lebenslicht wurde ausgeblasen/pustet* “кто-л. умер/погиб”; рус. *сдыхать, сдохнуть*,

Звуки тела (рот, нос) > органы, части тела: нем. *Pfeife*, *derb* “Penis” (ср. *pfeifen* “свистеть”), *Blasrohr* разг. “задний проход” (ср. *blasen* “дуть”); рус. *глотка, чавка* “челюсть”, *храпки* “ноздри”, *храп* “горло”, *сопатка* “нос”;

Звуки тела (рот, нос) > боль > болезни, нездоровье: нем. *Pustel* “пустула, гнойник” (*pusten* “(сильно) дуть”), *Keuchhusten* “коклюш” (*keuchen* “пыхтеть”); рус. *хрипы, хань-гать, дохатъ* “кашлять”.

Звуки тела (рот, нос) > ребенок, юноша: нем. *Säugling* “грудной ребёнок, сосунок”, *Schnaufer* *schweiz.* “незрелый юноша”; рус. *сосунок, сопляк*.

Звуки тела (рот) > животные: нем. *Säugetiere* “млекопитающие”, *Heulwolf* “койот”; рус. *кровососущие*.

Звуки тела (рот) > принимать пищу, пить: нем. *schmatzen, katschen* “чавкать”, *glucke(r)n* “пить, издавая булькающий звук”, *schlabbern, schlappen, lappen* “хлебать, лакать”, *zutschen* разг. “сосать”; рус. *хлебать, чавкать, глотать, сопеть*.

Звуки тела (рот) > интимные отношения: нем. *j-n zum Schnaufen bringen* “распалять / заводит *кого-л.*”, “возбуждать *в ком-л.* влечение, страсть” (*schnaufen* “пыхтеть”), *schlecken* *ugs.* “лизаться, целоваться” (*schlecken* “чмокать, лакомиться”); рус. *чмокнуть, лизаться, сосаться, вздыхать* “быть влюбленным в кого-либо, питать нежные чувства”.

Звуки тела > процессы мышления, понимания: нем. *Pfeifenkopf, Pfeifenmann* “дурак”, *Pfeife* *salopp* *abwertend* “неспособный человек, бездарь, дурак”; рус. *всосать, раскусить* “понять”.

Звуки тела > волнение, переживание: нем. *seufzen* “вздыхать, сожалеть”, *losheulen* “распустить слюни”; рус. *вздыхать* “тосковать, горевать, грустить о ком-либо”, *распускать слюни / нюни*.

Звуки тела (рот) > ложь, подхалимаж, коварство: нем. *Lecker* “подлиза, подхалим, блюдолиз” (*lecken* “лизать”), *quingulieren* *bes. nordd.*, *quinkeleren* *bes. nordd.* “прибегать к уловкам [к увёрткам]” (*quingulieren* “свистеть”); рус. *подлизываться*.

Звуки тела (рот) > гонор, хвастовство: нем. *aufblasen* “пыжиться, надуться”, *große Bogen spucken* “задаваться, задирает нос” (*spucken* “плевать”), *pfeifen* “низко оценивать что-л., плевать на что-л.”; рус. *дуться* “важничать, гордиться”, *чихать* “не обращать внимания”, *плевать* “проявлять презрение, безразличие”.

Звуки тела (рот) > пить спиртное: нем. *schlucken* *salopp* “пить алкоголь” (*schlucken* “глотать”); рус. *хлебнуть, засосать, насосаться, глотнуть, нализаться, лакнуть, налакать*.

Звуки тела (рот) > музыкальные инструменты: нем. *Pfeife* “свисток, дудка, свирель”, *Vockpfeife* “волынка”; *Blashorn* “рожок”; рус. *свисток, дудка*.

Звуки тела (рот) > курить: нем. *raffen* “попыхивать трубкой, дымить, пускать дым (курить)”; рус. *пыхать, чихнуть* “курить”.

Звуки тела > интенсивность: нем. *hauchzart* “нежнейший; тончайший”, *hauchdünn* “очень тонкий, тончайший”; рус. *кричащий, блевотина* “то, что вызывает чувство крайнего отвращения или брезгливости”.

Звуки, издаваемые животными > животные: нем. *Piepmatz* “птеник”, *Kläffer* “брыхливая собака”, *Brummochose* “бык, вол”; рус. *кряква, кукушка, свиристель*.

ОНОМАТОПЫ ГОВОРЕНИЯ

Звуки внешнего мира > говорение человека: нем. *klatschen* “выболтать, проболтаться” (*klatschen* “стучать, хлестать”), *klappern* “болтать, трещать” (*klappern* “громыхать; стучать”); рус. *хлопать* “болтать, сплетничать”, *трещать*.

Звучание человеческого тела > говорение человека: нем. *schlabbern* “болтать, говорить вздор” (*schlabbern* “чавкать”), *hauchen* “шептать” (*hauchen* “дышать”), *sabbeln* “болтать” (*sabbeln* “пускать слюни; брызгать слюной”).

Крики животных и птиц > говорение человека: нем. *bäh* “невнятная, артикуляционно нечеткая речь”, *brüllen* “громко кричать”, *meckern* “мекать, невнятно говорить”; рус. *мычать, бекать, мекать*.

Подзывные слова > животные: нем. *Putput* “курочка”, *Puter* “индюк”; рус. *цыпленок, баран, киска*

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ И ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКИЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ:

ОБЛАСТИ СОВПАДЕНИЯ

(области несовпадения затемнены;

области максимального совпадения выделены **УВЕЛИЧЕННЫМ ШРИФТОМ**)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ					
ОНОМАТОПЕЯ		ЗВУКОСИМВОЛИЗМ			
Наши данные	Данные	Данные	Данные	Данные	Данные
1	А.Б. Михалёва 2	М.Д. Зимовой 3	Н.В. Дрожших 4	Ж. Колевой-Златевой 5	М.А. Джукаевой 6
1. Обусловленность	ряд, связь				
2. Касательство	соединять, связывать		соединять, связывать		
3. Отрицание	отвлечение	отрицательное			отрицательная оценка
4. СОЕДИНЕНИЕ	СВЯЗЫВАНИЕ, СКРЕПЛЕНИЕ, БЛИЗОСТЬ, СОСЕДСТВО	СЖИМАТЬ	СОЕДИНЕНИЕ, ЦИКЛ		СЖИМАТЬ (СОЕДИНЯТЬ)
5. Разделение, часть	разделение, дробить, резать, колоть, отделять, частица		разделение, часть, размельчать, рубить, разбивать, разрывать, рвать, расщеплять, обладание	куски, обрубки, отрезки	
6. Получать, приобретать, брать	ловить, хватать				
7. Удалять, исключать	уничтожение, лишать		убийство		
8. Основа	основа, связывать, опора, подпорка, середина, центр		жизнь, бытие		
9. Содержание					
10. Соответствие	достаточный, целый		порядок		
11. ИСКАЖЕНИЕ, ПУГАНИЦА	БЕСПОРЯДОК		ХАОС	ХАОТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ, КРИ-	ВРЕДИТЬ / ПОР-ТИТЬ

1	2	3	4	5	6
				ВЫЕ ДЕРЕВЬЯ, СУЧКОВАТЫЕ ПАЛКИ, ВЕТКИ ДЕРЕВА	
12. Точность			определенность / неопределенность		
13. Полнота	распространять, объемный				
14. Одинаковость	похожий				
15. Неопределенность			определенность / неопределенность		
16. Недостаточность	пустой, незначительный, скудный			небольшое количество чего-либо	
17. Число			считать		
18. Собирается, скапливаться	связывать, стягивать, множество, группа, пучок		собираемость, множественность, группа, куча, груды, курган, насыпь	накапливать(ся), толпиться, 'образовать кучу'	
19. Группа	связывать, стягивать, множество, группа, пучок, близость, соседство		собираемость, множественность, группа	накапливать(ся), толпиться, 'образовать кучу'	
20. Совокупность, множество	связывать, стягивать, множество, группа, пучок		собираемость, множественность, группа, куча, груды, курган, насыпь	накапливать(ся), толпиться, 'образовать кучу'	
21. Нисколько	лишать				
22. Малое	малый, малость, тонкий	малое		очень маленькое, небольшое количество чего-либо, действие 'сжиматься'	
23. Уменьшать	малый, малость	малое		очень маленькое, небольшое количество чего-либо, действие 'сжиматься'	

1	2	3	4	5	6
24. УВЕЛИЧИТЬ	УВЕЛИЧЕНИЕ, ДЛИННЫЙ	БОЛЬШОЕ	ПОЛНОТА, ИЗОБИЛИЕ, БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО, РАСШИРЯТЬ, ШИРОКИЙ	БОЛЬШИЕ ПРЕДМЕТЫ, РАСШИРЕНИЕ В ОБЪЕМЕ, НАБУХАНИЕ, 'ОБРАЗОВАТЬ КУЧУ'	
25. Скорость	быстрый, медленный				
26. Интенсивность	высокая степень, сильный, длинный				
27. ОКРУГЛОСТЬ, ШАР, ШИШКА	КРУГЛЫЙ, ОКРУГЛЫЙ, ПОЛНЫЙ, ОКРУЖНОСТЬ, ВЫПУКЛЫЙ	ОКРУГЛОЕ	ОКРУГЛОЕ	ШАРООБРАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ, ШИШКА	ОКРУГЛОЕ
28. Отверстие, полость	углублять, вмещать, углубление		полый, дыра, пещера, берлога, логово		
29. Изгиб, кривизна	гибкий		сгибать, кривой	кривое, кривые деревья, сучковатые палки, ветки дерева	
30. СТЫК, ГРАНИЦА	ОТДЕЛЯТЬ	РЕЗАТЬ/ ОСТРОЕ	ПРЯМОЙ, ОСТРЫЙ		РЕЗАТЬ
31. Следы, пятна	грязь			пачкать(ся), грязный	
32. Возникать, начинаться	формирование, появляться, новый		рождение	почки, плоды, семена, названия икры (рыбы, рака, лягушки)	
33. Воздействовать	воздействие				
34. Вмешиваться, вторгаться	мешать		чужой		
35. Организовать	формирование, новый		упорядочивать	почки, плоды, семена	
36. Опережать	быстрый				
37. Побуждать к действию					
38. Ограничивать	связывать, отгонять				
39. Уничтожить	уничтожение, портить, убивать, растворять		убийство		
40. Исчезнуть (материально)	уничтожение, растворять		убийство		
41. Протекать (во времени)	расти, распространяться		цикл	события	

1	2	3	4	5	6
42. Момент			цикл	события	
43. МЕХАНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	КОЛЕБАТЬ, РЕЗАТЬ, КОЛОТЬ, ТРЯСТИ, РЫТЬ, КОПАТЬ	КОЛЕБАНИЕ, ВРАЩАТЬ, ТЯНУТЬ, БИТЬ		СКОЛЬЖЕНИЕ, ВРАЩАТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ	ТЯНУТЬ, ВЕР-ТЕТЬ, БИТЬ
44. Удар	удар	бить			бить
45. Деформация, разрушение	разрушение, пачкать, поргить			кривые деревья, сучковатые палки, ветки дерева	
46. Огонь	огонь, блестеть, яркий, светлый, горячий, жечь		тепло, свет	горение, блеск, мерцание, вспышка, яркий цвет	
47. Жидкость	брызгать, течь, жидкость, жирный, брызги, лить, бурлить		вода	брызги	
48. Производить звук	шум, крик				
49. Небесная сфера, земля	туман, пар			возвышения на земной поверхности	
50. Ландшафт	вершина		неодушевленная при-рода, земля, солнце	возвышения на земной поверхности	
51. Дождь, снег, град и т.д.	туман, пар		неодушевленная при-рода, снег		
52. Ветер	дуть, свистеть		неодушевленная при-рода		
53. Холод, мороз				холод	
54. Жара	огонь, горячий		тепло, солнце	горение	
55. Ненастная погода			снег		
56. Потребности, желание			потребности, желание		
57. Благополучие			процветание		
58. Неблагополучие	уничтожение, зло			что-либо плохое	
59. Сигнализировать			передача информации		

1	2	3	4	5	6
60. Растения	лес, дерево		природная растительность, росток, лист, тополь	ветки дерева, почки, плоды, семена, цветки растений, картофель, бобовые, тыквенные, травянистые и другие podobные растения	
61. Грибы				грибы	
62. Помятая, выдолбленная природа	сгораемые материалы			кривые деревья, сучковатые палки, ветки дерева	
63. Животные	коготь		скотоводство, рыло, стадо, стая	животные (нейтральные названия)	
64. Птицы	коготь		клюв, стая	распускание перьев, торчащие перья (у птиц)	
65. Рыбы				мелкие рыбы, названия икры (рыбы, рака, лягушки)	
66. Насекомые				мелкие насекомые	
67. Обиходные названия животных				животные (эмотивные и экспрессивные названия)	
68. Физиологическая сущность	буккальная деятельность, слабый, горловая деятельность, деятельность дыхательных органов и грудной клетки	буккальная деятельность	телесное начало, рождение, человек как земное, смертное существо	выделения	
69. Звуки, издаваемые животными	шипеть, рычать				
70. Слова подзывания и отгона животных					
71. Органы, части тела	желчь, сердце, живот, грудь, желудок, легкие		живот, сердце, челюсть, щека, глотка, зуб	названия анатомических органов шарообразной формы	

1	2	3	4	5	6
72. Дыхание	буккальная деятельность, дышать	буккальная деятельность	телесное начало		
73. ПРИНИМАТЬ ПИЩУ	БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЕСТЬ, ВКУС, ЖЕВАТЬ	БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	ТЕЛЕСНОЕ НАЧАЛО, ПИЩА, ЖЕВАТЬ, ГЛОТАТЬ	ПЛОХАЯ ЕДА, НАПИТКИ И ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ НИХ	
74. Пить	буккальная деятельность, пить, вкус	буккальная деятельность	телесное начало		
75. Сон					
76. Половой акт			рождение		
77. ДРУГИЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ	БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДЫШАТЬ	БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РОСТ	ТЕЛЕСНОЕ НАЧАЛО, РОСТ	ВЫДЕЛЕНИЯ	
78. Здоровье	сильный		сильный		
79. Физическая слабость	ничтожный, слабый		слабый		
80. Боль>болезни, нездоровье	уничтожение, боль		болезнь, безумие	названия отеков, опухлей на теле, волдырей, пузырей	
81. Красивый/некрасивый	плохой			внешний вид	
82. Фигура				внешний вид	
83. Подвижность/неподвижность			странствия, путь		
84. Лицо					
85. Глаза	смотреть			тарашить глаза	
86. Нос, уши					
87. Голова, волосы			растительность на теле	волосы человека, значения 'кудрявый', 'кудри'	
88. Губы, рог, зубы	губы		губы, язык		
89. Руки	действие рукой / деятельность				
90. Ноги					
91. Вес					
92. Рост	длинный				

1	2	3	4	5	6
93. Расстройство сознания			мышление, безумие	эмотивные и экспрессивные названия чело-века, интеллектуаль-ные качества	
94. Невнимательность				эмотивные и экспрес-сивные названия чело-века	
95. Бесхарактерность	слабый		слабый		
96. Процессы понимания, мышления	чувствовать, понимать		мышление, знать, по-нимать, безумие, коммуникация	эмотивные и экспрес-сивные названия чело-века, интеллектуаль-ные качества	
97. Отсутствие ума			мышление, безумие	эмотивные и экспрес-сивные названия чело-века, интеллектуаль-ные качества	
98. Радоваться, смеяться			радость		
99. Злиться, сердиться			гнев	что-либо плохое	
100. Обида	свирепый, жестокий, зло			потеря равновесия, спокойствия	
101. ПЛАКАТЬ	БУККАЛЬНАЯ ДЕЯ-ТЕЛЬНОСТЬ, МУЧИТЬ, ПЛАКАТЬ	БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	ТЕЛЕСНОЕ НАЧА-ЛО, СКОРБЬ, ГОРЕ, БЕДА	ПОТЕРЯ РАВНОВЕ-СИЯ, СПОКОЙСТ-ВИЯ, ЧТО-ЛИБО ПЛОХОЕ	
102. Мужчина			мужской, мужчина, родственник мужско-го пола, человек как земное, смертное су-щество, семья	эмотивные и экспрес-сивные названия чело-века	
103. Женщина			женский, человек как земное, смертное су-щество, анатомиче-ские особенности	эмотивные и экспрес-сивные названия чело-века	

1	2	3	4	5	6
			женского организма, женский (дыра, отверстие, vulva), семья		
104. Дети			рождение, семья, воспитание, кормление, забота, потомство	Эмотивные и экспрессивные названия человека	
105. Зарождение жизни	рожать, начало		рождение		
106. Течение жизни	расти	расти	рост, жизнь, бытие, человек как земное, смертное существо		
107. Старение			человек как земное, смертное существо	барахло, тряпье, старье	
108. Смерть	уничтожение		смерть, человек как земное, смертное существо, убийство, скорбь, горе, беда	потеря равновесия, спокойствия	
109. Интимные отношения, любовь			духовная сила, любовь, семья	потеря равновесия, спокойствия	
110. Волнение, переживание			духовная сила, любовь	потеря равновесия, спокойствия	
111. Уныние			скорбь, горе, беда	потеря равновесия, спокойствия, что-либо плохое	
112. Трудиться	действие рукой / деятельность		работа, труд, созидание		
113. Бестолковая, неаккуратная деятельность				медлительные, бессмысленные действия 'рыться', 'копаться', 'возиться', 'работать плохо'	
114. Профессия, виды деятельности, место работы	действие рукой / деятельность		работа, труд, созидание, социальная жизнь личности		

1	2	3	4	5	6
115. Жизнь общества			власть, социальная жизнь личности, семья, домашнее хозяйство	слова, связанные с этническими, социальными и религиозными группами людей	
116. Особенности произношения	речевая деятельность		коммуникация		
117. Голос	шум, крик				
118. Писать, почерк			коммуникация	Неразборчивое письмо	
119. Читать			коммуникация		
120. Бранные окрики	ругать, порочить		коммуникация	потеря равновесия, сложившаяся	
121. Возгласы удивления и восторга	шум, крик		коммуникация		
122. Ведение разговора	шум, крик		коммуникация		
123. Пустословие			коммуникация		
124. Люди, которые говорят	шум, крик				
125. Музыка			духовная сила		
126. Музыкальные инструменты					
127. Религиозные отношения, обычаи			духовная сила, религиозный культ	слова, связанные с религиозными группами людей	
128. Сверхъестественное			магия, духовная сила	что-либо страшное, ужасающее	
129. Богатство			награбленное, нажива		
130. Скупость					
131. Бедность				баракло, тряпье, старье	
132. Деньги				названия мелких монет	
133. Заработать деньги					
134. Тратить деньги	уничтожение				

1	2	3	4	5	6
135. Продукты питания, названия блюд			пища	плохая еда, напитки и производные от них, изделия из теста	
136. Напитки			пища	плохая еда, напитки и производные от них	
137. Процесс приготовления пищи			пища, приготовление пищи	плохая еда, напитки и производные от них	
138. Вкусовые ощущения	вкус				
139. Употреблять спиртное	пить				
140. Спиртные напитки					
141. Пивные заведения					
142. Пьющий человек					
143. Досуг, развлечения			увлечение, игра		
144. Детские игры, игрушки, игровая деятельность			увлечение, игра		
145. Игры взрослых, игровая деятельность			увлечение, игра		
146. Азартные игры			увлечение, игра		
147. Курить	дышать, сопеть				
148. Ложь, подхалимаж	низкий, подлый			кривляться, лукавить	
149. Гонор, хвастовство	хвастать			чванливое поведение человека	
150. Наказание, презрение	мучить, ругать, порочить		преступление, вина, наказание		
151. Боязнь, страх	мучить			дрожь, трепетание, что-либо страшное, ужасающее	
152. Упрямство					
153. Униженно просить					
154. Задевать самолюбие	ругать, порочить				
155. Неуважение, дискредитация	ругать, порочить				
156. Обман	обманывать		обманывать	лукавить	

1	2	3	4	5	6
157. Война	борьба		война, охота		
158. Оружие огнестрельное	борьба		война		
159. Оружие холодное	борьба		война		
160. Драка, избивание	борьба		война		
161. Убийство	уничтожение		война, убийство		
162. Кража, воровство	воровать		преступление, вина, наказание		
163. Наркотики					
164. Другие правонарушения	разорять		поведение человека, преступление, вина, наказание	поведение человека	
165–166. Преступники, ассоциальные элементы			убийство, преступление, вина, наказание		
167–169. Осудить, арестовать, судимость	ругать, порочить, осуждать преступление		преступление, вина, наказание		
170. Общественные отношения			социальная жизнь личности		
171. Жилище человека	вместилище		временное и постоянное жилище, пещера, берлога, логово		
172. Бытовые предметы			быт	покрывало	
173. Отходы				названия кусков, обрубков, отрезков, мусора, отходов, выделений	
174. Имущество, утварь	сосуд, имущество			барахло, тряпье, старье, покрывало	
175. Одежда	оболочка			заворачивать, окутывать, капюшон, барахло, тряпье, старье	
176. Ветхая одежда	оболочка			заворачивать, старье, окутывать, тряпье, капюшон, барахло,	

1	2	3	4	5	6
177. Ткань	оболочка			заворачивать, окуты- вать, покрывало, капошон	
178. Обувь	оболочка			заворачивать, окуты- вать, капошон	
179. Головные уборы	оболочка			заворачивать, окуты- вать, капошон	
180. Аксессуары				побрякушки, висюль- ки, пустячки	
181. Посуда	сосуд				
182. Мебель					
183. Способ передвижения		ступать	движение	‘пошатываться’, ‘хро- мать’, ‘качаться’	
184. Возделывание почвы, с/х инвентарь	рыть, копать				
185. Бытовые инструменты	инструмент		быт		
186. Для охоты, рыбалки					
187. Технические приборы	инструмент				
188. Средства передвижения					
189. Обработка древесины	инструмент				
190. Технологические про- цессы	инструмент				
191. Функционирование тех- ники					